И. А. ФЕДОСОВ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XVIII СТОЛЕТИЯ

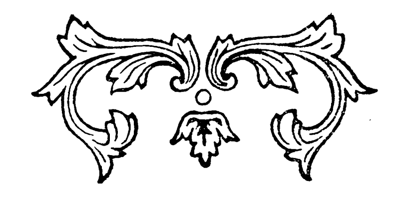
М. М. ЩЕРБАТОВ

И. А. ФЕДОСОВ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XVIII СТОЛЕТИЯ

М. М. ЩЕРБАТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1967

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

$\frac{1-6-4}{112-66}$

ВВЕДЕНИЕ

1. Постановка проблемы

Вторая половина XVIII столетия — сложный и своеобразный период в русском историческом процессе.

В области социально-экономических отношений это было время расцвета дворянских вольностей, усиления крепостнического гнета и распространения крепостничества на новые территории Российского государства. Вместе с тем в этот период началось разложение феодального строя и складывание в его недрах нового, капиталистического уклада. Это выражалось не только в росте промышленности и торговли, т. е. в чисто экономических процессах, но и в начавшейся глубокой внутренней перестройке социальных отношений. Изменялось положение и взаимоотношения различных классов и сословий между собой, их отношения к государству. Под внешней феодальной оболочкой начало складываться новое социальное содержание, которое должно было в будущем разорвать эту оболочку и привести к утверждению нового общественного строя.

Достигнув вершины своего могущества, дворянство как класс феодального общества утрачивает свою руководящую роль в историческом процессе и свои потенциальные возможности. Его дальнейшее развитие было возможно лишь путем перестройки системы хозяйствования

и приобретения таких свойств и черт, которые противоречили феодальной сущности этого класса.

В истории российского самодержавия это был особый период, получивший название «периода просвещенного абсолютизма». Самодержавие оставалось дворянским правительством, защитником и выразителем общих интересов господствующего, дворянского класса. Однако в новых условиях оно попыталось выработать такую политическую систему, которая отвечала бы насущным потребностям времени и позволила бы сохранить и усилить руководящую роль государства в историческом процессе.

Противоречивость задач, стоящих перед самодержавием, породила и противоречивость его политики. В ней было немало демагогии, показного либерализма, заигрывания с модным тогда французским просветительством. Но реальная основа просвещенного абсолютизма заключалась не в этом. Суть ее — в попытке приспособить государственный строй к новым историческим условиям и сохранить за самодержавием главенствующую и руководящую роль.

Такая политика неизбежно порождала противоречия между самодержавием и различными дворянскими группировками. Самодержавие, писал В. И. Ленин, обладает относительной самостоятельностью: «...классовый характер царской монархии нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и «бюрократии»... Эту ошибку — забвение самодержавия и монархии, сведение ее *непосредственно* к «чистому» господству верхних классов — делали отзовисты...» [1].

В международных отношениях вторая половина XVIII века ознаменовалась крупными внешнеполитическими успехами России. Победоносные войны с Турцией и Швецией раздвинули границы России, значительно увеличили ее территорию, привели к усилению мощи Российского государства и ее роли в международных отношениях как мировой державы. Они укрепили авторитет самодержавного правительства. Эти успехи были достигнуты путем колоссального напряжения сил народа, дальнейшего его закрепощения.

Вместе с тем они поставили новые внешнеполитиче-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 322.

ские задачи, решать которые на старой феодальной производственной основе становилось все труднее.

Общей характерной особенностью этого периода является обострение социальных противоречий между различными сословиями феодального общества, и прежде всего классового антагонизма между крепостным крестьянством и дворянством. Его кульминацией была крестьянская война 1773—1775 гг.

Все эти обстоятельства и определили характер и особенности общественного движения и идейной борьбы в России во второй половине XVIII века.

Это время ознаменовалось значительными успехами в развитии русской культуры, особенно литературы, искусства, общественной мысли. В этом проявились и глубокие последствия петровских преобразований, и сближение с Западной Европой, и влияние идейных течений, которые шли с Запада. Но в основе этого процесса лежали, бесспорно, те социально-экономические сдвиги, которые происходили в русской жизни.

Во второй половине XVIII столетия формируются различные идейные течения, которые по-своему пытаются осмыслить русский исторический процесс, пути и перспективы развития страны. Их можно разделить на два основных направления.

С одной стороны, гуманистическое направление, которое получило обобщающее название русского просветительства XVIII века. Оно не было однородным. Его представители ставили различные вопросы — религии, морали, нравственности, воспитания, в отдельных случаях острые социальные и политические проблемы и по-разному их решали, иногда значительно и принципиально расходясь друг с другом. Но общим для этого направления было отрицательное отношение к феодальной идеологии, попытки выработать новую идеологию и мораль, исходя из идей рационализма и общечеловеческих интересов.

С другой стороны, формируются различные течения консервативной идеологии, которые пытаются осмыслить историческую действительность, исходя из классовых, дворянских интересов. Это направление также не было однородным. Наряду с крайними реакционными группировками, стоявшими на позиции полного отрицания всего нового, к нему можно отнести и умеренно консервативные группировки, испытавшие влияние рациона-

лизма и французских просветителей. Общим для этого направления была защита классовых дворянских интересов, попытка использовать новейшие течения общественной мысли для обоснования и упрочения существующей системы общественных отношений.

Наиболее крупным и разносторонним представителем этого последнего направления был историк, публицист и государственный деятель второй половины XVIII века Михаил Михайлович Щербатов. В своих многочисленных сочинениях Щербатов ставил самые разнообразные и самые острые вопросы экономики, социальных отношений, внутренней и внешней политики. Изучение мировоззрения Щербатова, его исторической концепции, политических и социально-экономических взглядов очень важно и не только для изучения идейной жизни дворянского общества. Оно позволяет глубже понять те процессы, которые происходили в социально-экономическом развитии, глубину и остроту классовых противоречий. Произведения Щербатова являются тщательно обоснованной социальной, экономической и политической программой консервативного дворянства, отстаивавшего свое господство в условиях начавшегося разложения феодального строя. Анализу этой программы и посвящена настоящая работа.

2. Литература и источники

Основным источником настоящего исследования являются произведения М. М. Щербатова, и прежде всего его исторические труды, широко известные его современникам и всем специалистам-историкам последующего времени. Его «История Российская» в семи томах, охватывающая период с древнейших времен до начала XVII века, многочисленные публикации документов и другие исторические произведения дают большой материал как для характеристики его исторической концепции, так и для анализа политических и социальных воззрений.

Особый интерес представляют публицистические произведения Щербатова. Щербатов был весьма плодовитым писателем, откликавшимся на все вопросы современности. Тематика его произведений весьма разнообразна: внутренняя и внешняя политика правительства, воп-

росы морали, нравственности, воспитания, экономика России, проблемы социальных отношений и др. Публицистика Щербатова была критически заострена против Екатерины II и всей ее политики. В этом отношении особенно выделяется его знаменитое произведение «О повреждении нравов в России», которое является острым и злым памфлетом. Щербатов не мог выйти с такими произведениями на страницы современных журналов. Он хорошо знал цену «либерализма» царицы. Утешал он себя тем, что его мысли не будут «прежде рождения их погребены в вечное забвение», что «может быть, и через несколько веков могут сии семена желаемую жатву принести»[2].

Влияние этих произведений на общественную мысль незначительно, но они представляют исключительный интерес как показатель идейного развития общества, как правдивое отражение взглядов и настроений определенных кругов российского дворянства.

Публицистические произведения Щербатова начали впервые печататься в русских журналах во второй половине XIX столетия.

В 1859 г. в 3-й книге «Чтений в Обществе истории и древностей российских» была напечатана одна из наиболее крупных работ Щербатова «Статистика в рассуждении России», а затем в 1860 г. в 1-й книге «Чтения Московского общества истории и древностей» печатается еще десять произведений Щербатова. Вслед за этим, в 1861 г., Герценом в Лондоне издается «О повреждении нравов в России».

Впечатление от публицистики Щербатова было огромное. Один из первых собирателей и издателей социально-политических, экономических и философских сочинений Щербатова А. Г. Заблоцкий-Десятовский в рукописных набросках биографии Щербатова восторженно писал о нем, сравнивая его с Тацитом и Саллюстием, а свою миссию — собирателя и издателя — с миссией Петрарки[3].

Публицистические сочинения М. М. Щербатова были собраны и опубликованы в конце XIX века одним из его потомков в двухтомнике «Сочинение князя М. М. Щербатова». Этот двухтомник включает большинство сочине-

---

[2] «Сочинения князя М. М. Щербатова», т. I. М., 1896, стр. 18.
[3] Архив ГИМ, ф. 268, ед. хр. 3, лл. 29—44.

ний писателя и содержит богатейший материал для анализа его взглядов.

Самостоятельной группой источников являются документы о деятельности Щербатова как депутата Уложенной комиссии Екатерины II — проект наказа ярославского дворянства, его выступления в комиссии, «голоса» и протесты в связи с выступлениями других депутатов. Они свидетельствуют об остроте социальных конфликтов в комиссии и большом накале идейной борьбы, которая там велась.

В 1936 г. профессор Г. Любомиров собрал и издал сборник «Неизданные сочинения М. М. Щербатова». Этот сборник является важным дополнением к двухтомнику. Он содержит богатый материал для анализа его социальных и экономических воззрений.

Сравнительно небольшой материал извлечен автором из архивных фондов центральных исторических архивов Москвы и Ленинграда, Государственного Исторического музея и архива Академии наук СССР.

Литература о М. М. Щербатове, его исторических трудах и общественно-политических взглядах сравнительно невелика.

Несмотря на то что редкий писатель русской истории не останавливался на Щербатове, причем о нем говорили в самой различной связи: в связи с вопросами русской историографии [4], церковной истории [5], русской этнографии [6] и даже в связи с вопросами нумизматики [7], — до сих пор мы не имеем не только достаточно полного исследования мировоззрения этого очень интересного и своеобразного

---

[4] См. С. М. Соловьев. Писатели русской истории XVIII в. М., 1855; К. Бестужев-Рюмин. Современное состояние русской истории как науки. «Московское обозрение», т. I, 1859, стр. 1—132; М. И. Сухомлинов. Сборник статей II отд. Акад. наук, т. XXXVII. СПб., 1894, стр. 133—142; П. Н. Милюков. Главные течения русской исторической мысли. М., 1898; А. Е. Пресняков. Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1888; Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., Госполитиздат, 1941.

[5] См. П. Н. Знаменский. Исторические труды Щербатова и Болтина в отношении к русской церковной истории. «Тр. Киевской духовной академии», т. II, 1862.

[6] См. А. Н. Пыпин. История русской этнографии. СПб., 1830.

[7] См. С. А. Еремеев. Материалы для истории русской нумизматики. «Зап. СПб. нумизматич. о-ва», 1895, т. I.

мыслителя, но даже более или менее полной биографии писателя.

В настоящем очерке мы касаемся лишь литературы об общественно-политических взглядах Щербатова. Литература о нем как об историке будет охарактеризована параллельно с анализом его исторической концепции.

Исследованию общественных взглядов М. М. Щербатова посвящено сравнительно небольшое количество статей, которые появились на страницах русских журналов и газет во второй половине и главным образом в конце XIX столетия, причем большинство из этих статей построено на ограниченном круге источников и не дает всесторонней характеристики его взглядов.

Прежде всего привлекла внимание историков самая известная работа М. М. Щербатова «О повреждении нравов» своей резкой критикой екатерининского правительства, страстным обличением нравов русского общества второй половины XVIII в. Это на долгое время предопределило оценку Щербатова в буржуазной историографии как оппозиционера, либерально настроенного гуманного человека, «лучшего представителя славного XVIII в.» [8].

Первым обратил внимание общества на публицистику Щербатова С. Ешевский своей статьей «О повреждении нравов в России. Неизданное сочинение кн. Щербатова» [9].

Эта небольшая по размерам статья посвящена анализу лишь одного произведения Щербатова — «О повреждении нравов в России», другие публицистические сочинения М. М. Щербатова были неизвестны Ешевскому. Ограниченность источников предопределила до известной степени односторонность и неполноту этой работы. Главное в мировоззрении М. М. Щербатова, по мнению С. Ешевского, — это желание «отстоять аристократический принцип», причем с этой целью «кн. Щербатов не прочь был бы и от шведского образа правления, и от аристократии, в том виде, как она являлась, например, в Англии» [10].

По словам Ешевского, Щербатов был «глубоко убеж-

---

[8] П. Щепкин. Экономические понятия в России в конце XVIII в. «Московские ведомости», 1859, № 177.

[9] «Атеней», 1858, № 3.

[10] С. Ешевский. О повреждении нравов в России. Неизданное сочинение кн. Щербатова. «Атеней», 1858, № 3, стр. 143.

ден» в необходимости петровских преобразований и был недоволен лишь стремительностью их проведения.

Вслед за статьей Ешевского в газете «Московские ведомости» появляется статья П. Щепкина «Экономические понятия в России в конце XVIII в.». В этой работе довольно подробно пересказываются три экономических произведения Щербатова: «Размышления об ущербе торговли, происходящем выхождением великого числа купцов в дворяне и офицеры», «Рассуждения о нынешнем в 1787 г. почти повсеместном голоде в России, о способах оному помочь и впредь предупредить подобное же несчастие» и «Состояние России в разсуждении денег и хлеба, в начале 1788 года, при начале турецкой войны», — в то время еще не напечатанные.

По мнению П. Щепкина, Щербатов является «умным практическим человеком», имевшим совершенно независимые мнения, сложившиеся в результате хорошего знакомства с русской экономической жизнью. Щепкин утверждает, что Щербатов «не имел дела с наукой», вовсе не знал экономических учений Западной Европы, не руководствовался каким-либо общим началом. Причем «в этой независимости мнений кн. Щербатова, — говорит Щепкин, — сказывается особенно характер того общества, среди которого он жил и действовал и которое оставалось чуждым борьбе, происходившей в Западной Европе между известными экономическими учениями» [11]. Статья в целом носит апологетический характер. В основу оценки мировоззрения Щербатова кладется тот факт, что Щербатов был недоволен «современным ему порядком вещей» и стоял в оппозиции к правительству Екатерины. Мельком коснувшись сословных предрассудков Щербатова, Щепкин не придает им никакого значения и спешит оговориться: «Не станем бросать тени на благородную личность историка и вспомним, что он был одним из лучших выражений славного XVIII века» [12].

Примерно такой же характер носит и статья А. Г. Брикнера о деятельности Щербатова в Уложенной комиссии [13]. В ней довольно подробно излагается внешняя сторона участия Щербатова в Комиссии и пересказывает-

---

[11] «Московские ведомости», 1859, № 172.

[12] «Московские ведомости», 1859, № 177.

[13] См. А. Г. Брикнер. Кн. М. М. Щербатов в Уложенной комиссии. «Исторический вестник», 1884, октябрь, стр. 248.

ся содержание проекта Наказа, написанного Щербатовым, и ряда его основных выступлений, однако вместо классового анализа сущности его позиций дается суммарная субъективно-психологическая оценка личности: «Нельзя не признать в его деятельности ума, эрудиции, истинного благородства души; нельзя, однако, не сознаться в то же время в некоторой односторонности его взглядов» [14].

К этим ранним работам о Щербатове хронологически примыкает попытка монографического исследования его жизни, деятельности и мировоззрения. Мы имеем в виду ненапечатанную работу учителя Великолукской гимназии А. Дубовицкого «Кн. Щербатов — общественный деятель, публицист, историк», хранящуюся сейчас в архиве Государственного Исторического музея (фонд Щербатова). Это очень слабая, компилятивная биография Щербатова, мало прибавлявшая нового к уже имевшимся в то время фактическим данным. Анализ мировоззрения Щербатова поверхностный и далеко не полный. Эта работа является неудачной апологией Щербатова, которого автор пытается представить основоположником «славянофильской теории народного развития», «борцом за истину и справедливость»:

«Подобно Тациту и Саллюстию, этим двум борцам за истину и справедливость, кн. Щербатов, воспитанный на строгих древних правилах, на родовых понятиях о доблести и высокой чести предков в древней Руси и пораженный «повреждением нравов» русского общества в блестящее екатерининское время, является в своих сочинениях: строгим сатириком семейных и общественных недостатков и представляет для подражения идеалы строгости и чистоты нравов, простого образа жизни и высокого значения родовитости в древнерусской жизни... Кн. Щербатов в своем мировоззрении является одним из первых представителей национальной или так называемой славянофильской теории народного развития» [15].

В 90-х годах в связи с изданием двух томов произведений Щербатова появляется несколько статей о его мировоззрении. Среди них необходимо отметить прежде все-

---

[14] А. Г. Брикнер. Кн. М. М. Щербатов в Уложенной комиссии, стр. 248.

[15] А. Дубовицкий. Кн. М. М. Щербатов — общественный деятель, историк, публицист. Архив ГИМ, ф. 268 (Щербатова), л. 4.

го статью В. А. Мякотина «Дворянский публицист Екатерининской эпохи»[16].

Мякотин значительно расширяет круг анализируемых источников и дает обобщающую характеристику взглядов Щербатова.

Более всего места и внимания Мякотин уделяет политической стороне мировоззрения Щербатова. Вопросы о происхождении государства и о типах государственного устройства, разделения властей, законности в государстве, ограничения государственной власти выдвинуты Мякотиным на первый план и поставлены во главу угла при оценке взглядов Щербатова. Между тем социальным взглядам Щербатова Мякотин уделил значительно меньше внимания, их оценка в значительной степени подчинена оценке его политических взглядов. Экономические взгляды Щербатова не привлекли внимания автора этой статьи.

В общей оценке мировоззрения Щербатова Мякотин, несмотря на ряд правильных положений, приходит к односторонним выводам.

Он считает, что в мировоззрении Щербатова имеется резкое внешнее противоречие, а именно противоречие между его политическими и социальными взглядами.

Мякотин указывает, что в мировоззрении Щербатова «можно наблюдать ... соединение политического свободомыслия с узкосословным эгоизмом», а причиной этого противоречия является то, что Щербатов соединил в своем мировоззрении «...уроки западноевропейской теории с впечатлениями русской действительности»[17].

Таким образом, отделив две части одной программы друг от друга, Мякотин рассматривает и оценивает их отдельно и различно. С одной стороны, он отмечает у Щербатова «узкосословный эгоизм», «выделение из ряда общественных классов дворянства во имя присущих ему по самым условиям его жизни нравственных качеств»[18], стремление «видеть данный класс замкнутым и решительно первенствующим в государстве сословием ...располагающим прочным экономическим благосостоянием,

---

[16] «Русское богатство», 1896, № 2; В. А. Мякотин. Из истории русского общества, изд. 2. СПб., 1906.
[17] В. А. Мякотин. Ук. соч., стр. 165.
[18] Там же, стр. 127.

которое создавалось бы путем исключительного владычества над невольным народным трудом»[19].

С другой стороны, Мякотин видит в мировоззрении Щербатова «политическое свободомыслие», широкую программу преобразований, стоящую в «строгом соответствии с теоретическими воззрениями его (Щербатова. — *И. Ф.*) на государство» и основанную на западноевропейской просветительной философии. Правда, его «программа преобразований далеко не заключала в себе каких-либо чрезмерных радикальных требований, но вместе с тем в этом общем ее виде трудно было назвать ее и программой консервативной»[20]. Общий баланс, как видно уже из этого, несомненно, в пользу либерализма Щербатова, т. е. политические взгляды, не поставленные в связь со взглядами социальными и экономическими, составляют основу общей оценки Щербатова.

«Скорее всего, — делает окончательный вывод Мякотин, — она (программа Щербатова. — *И. Ф.*) могла бы быть подведена под понятие умеренного либерализма, свидетельствуя о совершившемся подъеме общественного самосознания»[21].

Мякотин видит те или иные «отступления» в политической программе Щербатова от западноевропейской просветительной мысли, однако объясняет он эти «отступления» следующим образом. По его мнению, в этом видна «некоторая неподготовленность его (Щербатова. — *И. Ф.*) к пониманию сложной аргументации и глубокой мысли западного политика (Монтескье. — *И. Ф.*)»[22], ибо «материал, представляемый русской государственной жизнью, слишком прост в сравнении с теми сложными построениями политической мысли, какие встречал теоретик этой жизни в западной литературе, и это обстоятельство должно было служить немаловажным препятствием для него в деле усвоения и оценки этих построений»[23].

Мякотин намечает и другую причину этих «отступлений», близко подходя к правильному решению вопроса. Он говорит: «В этом, кажется, сказались и инстинктив-

---

[19] В. А. Мякотин. Ук. соч., стр. 152.
[20] Там же, стр. 165.
[21] Там же, стр. 144.
[22] Там же, стр. 120.
[23] Там же, стр. 123.

ные симпатии и антипатии родовитого русского публициста»[24]. Однако это замечание не получает полного и последовательного развития в статье Мякотина.

Статья Мякотина является одной из самых значительных работ, посвященных мировоззрению Щербатова. Вслед за ней появляется еще несколько небольших статей. Н. Д. Чечулин посвящает свою статью «Русский социальный роман XVIII века»[25] вопросу о зависимости щербатовской утопии от иностранных образцов и не касается по существу вопроса об общем характере мировоззрения Щербатова.

А. Н. Пыпин в своей статье «Полузабытый писатель XVIII в.»[26] ограничился беглым изложением содержания «Путешествия в землю Офирскую», а в общей оценке мировоззрения Щербатова примкнул, может быть, менее категорично, к мнению Мякотина, указывая, что Щербатов «с одной стороны — консерватор, любитель простой благочестивой старины; с другой — человек французского образования и до известной степени свободомыслящий человек»[27].

Еще резче формальное противопоставление социальных взглядов Щербатова его политическим взглядам проведено в статье А. А. Кизеветтера «Русская утопия XVIII столетия», посвященной анализу «Путешествия в землю Офирскую». В этой статье имеется ряд метких наблюдений, которые близко подходят к правильной оценке мировоззрения Щербатова. Кизеветтер указывает, например, что Щербатов был «красноречивым идеологом основного процесса нашей социальной истории XVIII века — создание дворянской привилегии на основе крепостного труда»[28].

Однако государственная точка зрения на ход исторического процесса XVIII—XIX столетий, считавшая стержнем русской истории в эти эпохи процесс раскрепощения сословий, уводит его далеко в сторону от решения правильно поставленного вопроса. Справедливо отметив, что «сам по себе его политический идеал не особенно высокого качества. В сущности, перед нами довольно тривиаль-

---

[24] В. А. Мякотин. Ук. соч., стр. 120.
[25] «Журн. Министерства народного просвещения», 1900, январь.
[26] «Вестник Европы», 1896, № 7, 11.
[27] «Вестник Европы», 1896, № 7, стр. 268.
[28] А. А. Кизеветтер. Исторические очерки. М., 1912, стр. 30.

ная картина полицейского государства»[29], что Щербатов «грешил излишним пристрастием к правительственной регламентации»[30], что его полицейское государство покоится на труде «бесправной массы рабов внизу...»[31], он, однако, подменил вопрос о классовой сущности мировоззрения Щербатова вопросом об отношении его к «основному процессу» русской истории XVIII—XIX столетий — процессу раскрепощения сословий. А. Кизеветтер пришел к выводам, напоминающим выводы Мякотина: «Дворянская привилегия... явилась у нас временным переходным звеном от закрепощенного режима... к установлению общегражданских прав... как бы предугадывая этот процесс превращения сословных привилегий в общегражданские права, Щербатов обнаружил трезвое чутье исторической действительности»[32]. По мнению Кизеветтера, «уровень самих общегражданских прав, над которыми должны возвыситься сословные привилегии, сам по себе рисуется ему весьма высоким, сравнительно с действительным положением вещей в России того времени. Так, программа дворянских привилегий, сложившаяся в уме Щербатова, неуловимо вызывала вслед за собой переход к более широкой программе реформы общегражданских отношений на основах правового порядка»[33].

Таким образом, Щербатов, по этой концепции, является идеологом и провозвестником «основного процесса русской истории» — процесса раскрепощения сословий, сторонником «широкой программы реформы общегражданских» отношений на основах правового порядка.

Соответственно расчленению мировоззрения Щербатова на две противоречащие друг другу стороны, вышеуказанные авторы разграничивают и источники мировоззрения Щербатова. По их мнению, свободомыслие князя Щербатова несомненно французского происхождения, уходя своими корнями в западноевропейскую просветительную философию, а сословный консерватизм, не всегда, впрочем, «сознательный», как отмечает Мякотин, объясняется ими отсталостью русской государственной жизни и приверженностью Щербатова к старым жизненным формам.

[29] А. А. Кизеветтер. Исторические очерки, стр. 39.
[30] Там же, стр. 36.
[31] Там же, стр. 43.
[32] Там же. стр. 54.
[33] Там же, стр. 53, 54.

Попытку примирения этих противоречивых тенденций делает впервые М. А. Дьяконов в 1904 г. в своей статье «Выдающийся русский публицист XVIII в.» [34] и приходит к выводам, которые еще дальше увели от правильного решения вопроса. Дьяконов категорически отвергает обвинение Щербатова в олигархизме, консерватизме и даже в сословном эгоизме. Он отрицает также наличие в мировоззрении Щербатова противоречивости социальных и политических взглядов. По его мнению, мировоззрение Щербатова цельное, последовательное и, несомненно, либеральное. Дьяконов писал, что Щербатов не является «защитником современного ему дворянства, зараженного, по его словам, корыстолюбием и подлостью. Он защитник того дворянства, представителем которого он был сам» [35].

Признавая, что Щербатов был сторонником предоставления дворянам широких прав и привилегий, он указывал, однако, что «для Щербатова привилегия вовсе не была сама по себе целью, как для подавляющего большинства современного ему дворянства», что руководствовался он при этом «отнюдь не эгоистическими мотивами», а своей политической доктриной, смысл которой заключался, по мнению Дьяконова, в стремлении Щербатова к ограничению самодержавия, к установлению правового порядка. «Такой дворянский публицист, — восклицает Дьяконов, — конечно, является желательным общественным деятелем. Его чуткость, искренность, «чувствительность его патриотического сердца» служат порукою, что он был в состоянии отказаться от тех своих выводов, которые не оправдались бы при ближайшем ознакомлении с нуждами и интересами государства» [36].

Этими вышеперечисленными работами и ограничивается очень небольшая специальная литература о Щербатове. Отдельные замечания о Щербатове в общих курсах и в книгах, посвященных тем или иным вопросам русской истории второй половины XVIII столетия, не прибавляют, по существу, ничего нового к характеристике мировоззрения Щербатова. Ми-

---

[34] М. А. Дьяконов. Выдающийся русский публицист XVIII в. «Вестник права», 1904, № 7.

[35] Там же, стр. 26.

[36] Там же.

люков в своих «Очерках по истории русской культуры» полностью воспроизводит оценку Щербатова как либерала и гуманиста, оппозиционера екатерининскому правительству. Отмечая в мировоззрении Щербатова два этапа («Его идеалом была в начале социально-конституционная монархия Монтескье, позднее он переносит отчасти свои симпатии на старый шведский порядок») Милюков считает, что «Щербатов при всех своих консервативных тенденциях, слишком либерален» [37], чтобы ужиться с Екатериной II. Либерализм Щербатова, по мнению Милюкова, и был причиной расхождения между ним и Екатериной II. Примерно такую же оценку Щербатова дает Г. Вернадский, безапелляционно замечая, что «князь Щербатов — приверженец энциклопедистов» [38].

Чтобы полностью исчерпать предреволюционную литературу о Щербатове, необходимо отметить капитальный труд В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в первой половине XIX в.» [39], в котором очень кратко пересказывается несколько произведений Щербатова, посвященных крестьянскому вопросу, а также работы Н. Н. Фирсова «Правительство и общество в отношении внешней торговли» [40] и К. Лодыженского «История русского таможенного тарифа» [41], в которых бегло характеризуется отношение Щербатова к внешней торговле.

Несколько ближе к правильной оценке мировоззрения Щербатова подошел Г. В. Плеханов, посвятивший ему несколько страниц своей «Истории русской общественной мысли» [42]. Плеханов попытался увязать мировоззрение Щербатова с эпохой, его породившей. Однако недооценка экономического развития России и классовых противоречий в условиях назревания кризиса феодального хозяйства помешали Плеханову прийти к правильным вы-

---

[37] П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. III, стр. 42.

[38] Г. Вернадский. Русское масонство. СПб., 1912, стр. 106.

[39] В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в., т. 2. М., 1888.

[40] Н. Н. Фирсов. Правительство и общество в их отношении к внешней торговле в царствование императрицы Екатерины. Казань, 1902.

[41] К. Лодыженский. История русского таможенного тарифа. М., 1886.

[42] Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, тт. I—II—III. М., 1919.

водам. Основываясь на том, что «Экономическая отсталость России XVIII в. громко вопиет о себе», Плеханов считает, что «в настоящем (вторая половина XVIII в. — *И. Ф.*) еще не создалась та объективная действительность, которая могла бы послужить основой для поступательного оппозиционного движения»[43], что «единственным русским сословием, смотревшим не назад, а вперед, было тогда у нас дворянство»[44]. Совершенно правильно считая Щербатова идеологом дворянства, «самым сильным сторонником стремления упрочить и расширить дворянские привилегии в России», Плеханов свел социальную сущность мировоззрения Щербатова до борьбы между чином и породой, идеологом которой он выступал, не придав должного значения социальной направленности мировоззрения Щербатова.

Специальных работ, посвященных анализу взглядов М. М. Щербатова, в советской литературе немного. Можно назвать очень интересное предисловие профессора Г. Любомирова к сборнику «Неизданные сочинения М. М. Щербатова», в котором дана характеристика основных сочинений этого сборника. Любомиров совершенно правильно указывает, что Щербатов является представителем консервативного дворянства, выступившего в яростной борьбе за сохранение и упрочение своих политических и экономических позиций, что источники мировоззрения Щербатова кроются в социально-экономической обстановке России второй половины XVIII века[45]. Автор настоящей работы посвятил исследованию мировоззрения Щербатова ряд статей, опубликованных в конце 40 — начале 50-х годов[46].

В 1940 г. краткую характеристику общественных взглядов Щербатова в связи с его исторической концеп-

---

[43] Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. III, стр. 225.

[44] Там же, стр. 225.

[45] См. Г. Любомиров. Князь Щербатов и его сочинения. «Кн. Щербатов М. М. Неизданные сочинения». ОГИЗ, 1935, стр. VI—XXXI.

[46] См. И. А. Федосов. Социально-политические взгляды М. М. Щербатова. «Докл. и сообщ. ист. ф-та МГУ». М., 1946; его же. Аграрный и крестьянский вопрос в мировоззрении М. М. Щербатова. «Уч. зап. ист. ф-та МГУ», вып. 156. М., 1952; его же. Вопросы торговли и промышленности в публицистике М. М. Щербатова. «Уч. зап. ист. ф-та МГУ», вып. 167. М., 1954.

цией дал профессор Н. Л. Рубинштейн, который отметил, что противоречивость идеологии Щербатова является отражением общественной противоречивости социально-экономического и политического положения дворянства в условиях назревания кризиса феодальных отношений [47].

В 1946 г. профессор М. Н. Дружинин дал краткий анализ аграрной программы Щербатова, квалифицировав ее как консервативную программу крепостников-помещиков, стремившихся не только упрочить крепостнический гнет, но и распространить его на незакрепощенные слои населения [48]. Кроме того, оценка взглядов М. М. Щербатова была дана в работах по истории русской философии, экономической мысли и исторической науки.

Несмотря на краткость этих характеристик, советские историки поставили вопрос об изучении мировоззрения Щербатова на научную почву, покончив с субъективными идеалистическими и внеклассовыми характеристиками, выдвинув проблемы закономерной обусловленности идеологии Щербатова, ее классово-феодальной основы, ее тесной причинной связи с социально-экономическими процессами второй половины XVIII века.

Однако в нашей литературе еще имеет место упрощение общественно-политических взглядов М. М. Щербатова. Ограничиваясь констатацией классовой направленности публицистики Щербатова, некоторые авторы не видели сложности и противоречивости его мировоззрения и тем самым обедняли и примитивизировали процесс развития русской общественной мысли.

---

[47] См. Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., Госполитиздат, 1941.

[48] См. Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I. М.—Л., 1946, стр. 125—127.

Глава первая

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. М. ЩЕРБАТОВА

I. М. М. Щербатов в общественной жизни России XVIII века

Михаил Михайлович Щербатов принадлежал к знатной дворянской фамилии.

Родился он 22 июля 1733 г. в Москве, где и получил первоначальное образование и воспитание. Его обширные познания в области философии, литературы, в области государствоведения и даже в естествознании и медицине говорят о том, что Щербатов получил тщательное разностороннее и широкое образование. О его обширных познаниях говорит уже тот факт, что Щербатов знал не только модный в то время французский язык, но и языки немецкий и итальянский.

Как и многие другие представители аристократии, Щербатов был в раннем возрасте записан в Семеновский полк. В 1746 г. он уже числился унтер-офицером этого полка.

На 1746 г. падает еще одно знаменательное событие.

В «Донесении о масонах» Елизавете Петровне, составленном в 1746 г. статс-секретарем Олсуфьевым, среди членов масонского кружка назван унтер-офицер князь Михайло Щербатов. Наряду с ним указаны князь Голицын, князь Воронцов, Сумароков, Мелиссино и др.

Однако Щербатов в дальнейшем, очевидно, полностью отошел от масонства. По крайней мере других указаний на масонскую деятельность Щербатова не только в этот, но и в более поздний период его жизни не имеется.

Военная карьера Щербатова не отличалась особенным блеском, проходила вдали от военных действий в Петербурге и очень рано оборвалась: в 1756 г. он получил чин прапорщика, в 1758 г. подпоручика, в 1761 г. поручика, а в 1762 г., по объявлении манифеста «о вольности дворянской», Щербатов вышел в отставку в чине капитана. Какие-либо внешние обстоятельства скорой отставки Щербатова нам неизвестны, очевидно, их и не было — честолюбивая натура Щербатова требовала более обширнсго поля деятельности, которое он и думал найти в гражданской службе. Кроме того, этому способствовало, возможно, начало литературной деятельности Щербатова, которое относится к концу 50-х годов.

Первые литературные опыты Щербатова появились в 1759—1760 годах в журнале «Ежемесячные сочинения». В июле 1759 г. было напечатано первое из известных произведений Щербатова «О надобности и пользе градских законов». Вслед за этим появляется еще ряд произведений Щербатова: «Нравоучительные мнения некоторых персидских царей по восточным описаниям» (по свидетельству Щербатова, это перевод из «Истории универсальной, сочиненной в Англии, собранием ученых людей»), «Нравоучительные рассуждения, выбранные из Эпиктета, Симплиция и Орриана» (перевод из берлинского журнала «Парнасская пчела», сентябрь 1759 г.), «Слово о спокойствии души, взятое из Иппарха, философа пифагорейского» (июль 1760), «Оправдание переводов» (перевод с французского из сочинения аббата Гедоина, июль 1760), «Рассуждения о нужде быть упражнену для избежания от скуки, и о приятностях, которые страсти имеют для людей» (перевод из «Парнасской пчелы», сентябрь 1760 г.) и, наконец, в октябрьском номере 1760 г. напечатана статья Щербатова «Из мнений, рассуждений и нравоучительных наставлений господина Оксеншерна», в которой Щербатов пишет об уединении, фортуне, сластолюбии и отмщении.

Первые литературные опыты Щербатова не представляют большого интереса. Это весьма слабые в литературном отношении переводные или компилятивные статьи.

Нравственно-философская моралистическая тематика этих сочинений указывает на то, что Щербатов отдал некоторую дань в своем раннем творчестве юношеским масонским увлечениям. Щербатова интересуют в этот период «нравоучительные рассуждения» различных авторов, размышления о спокойствии, довольствии, умеренности.

Однако, к этому времени относится и ряд более интересных произведений Щербатова, которые, не отличаясь как и вышеперечисленные, литературными достоинствами и оригинальностью, говорят, однако, об интересе Щербатова и к вопросам политическим, которые наряду с вопросами социальными и экономическими займут решающее место в его последующем литературном творчестве. В эти годы Щербатовым написаны ненапечатанные при его жизни статьи «Разговор двух приятелей о любви к отечеству» (ноябрь 1759 г.), «О разуме законов» (1759), «Три письма о военном деле» (1760 г.) и «Сравнение Цезаря с Александром» (1757—1760 гг.). Из этих ранних произведений особенно любопытна его статья «Разные рассуждения о правлении». Она примыкает к первой из напечатанных статей Щербатова «О надобности и пользе градских законов» и является продолжением и развитием ее. Эти статьи написаны под впечатлением западноевропейских писателей, развивавших идеи естественного права. Однако уже в этих ранних произведениях намечаются некоторые из тех идей, которые легли в основу его политической доктрины и получили развитие и окончательное завершение в 70-е годы. Уже в статье «О пользе и надобности градских законов» Щербатов, исходя из учения о естественном праве, приходит к выводу о необходимости сильной правительственной власти и единого политического законодательства.

«Правда, — пишет Щербатов, — иногда власть, законы преступая, чинит подданных несчастными, но сие зло не толь велико, чтоб приобретенные пользы законами и властью превозмочь могло; ибо оное общее на всех простирается и есть долговременнее»[1]. В этом же произведении Щербатов выступает против идеи равенства людей, решительно заявляя, что «в нас равенства нет»[2].

---

[1] «Ежемесячные сочинения», 1759, июль, стр. 31.
[2] Там же, стр. 34.

Еще интереснее второе произведение Щербатова «Разные рассуждения о правлении», в котором автор в полном согласии с Монтескье дает характеристику основных видов государственного устройства — монархического, аристократического и самовластного [3].

Уже эти ранние произведения Щербатова свидетельствуют, с одной стороны, о знакомстве его с западноевропейскими политическими учениями, о некотором влиянии их и, с другой стороны, о стремлении Щербатова уже в эти годы к эмансипации от этих взглядов и выработке собственной политической доктрины, которая соответствовала бы его классовой позиции.

Последующая литературная деятельность Щербатова развивается по линии усиления интереса к вопросам политическим и социальным.

После выхода в отставку в 1762 г. Щербатов очень серьезно занялся изучением русской истории и тогда же приступил к написанию первого тома «Истории Российской».

Для Щербатова уже в это время особенно волнующим был вопрос о взаимоотношении дворянства и государства, о политической значимости благородного сословия. И этот вопрос находит свое отражение на страницах его истории. При каждом удобном случае Щербатов подчеркивает, что древние русские князья не были самовластными правителями, что они делили политическую власть с «лучшими мужами», боярами, дружинниками, что благородное сословие обладало в древности большим весом в политической жизни страны [4].

Пятилетие (1762—1767 гг.), не отмеченное какими-либо знаменательными событиями в жизни Щербатова, — очень важный подготовительный период формирования не только его исторической концепции, но и политических взглядов.

Последние годы этого десятилетия ознаменовались для Щербатова началом кипучей общественной, государственной и литературной деятельности.

В 1767 г. Щербатов поступил на службу и получил первый придворный чин камер-юнкера. С 1768 г. он назначается присутствовать в Коммерц-коллегию и, как

---

[3] См. М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 343.

[4] См. М. Щербатов. История Российская, т. I, ч. 2, стр. 191, 192, 194, 225; ч. 4, стр. 48—49.

можно предполагать, становится энергичным деятельным членом этой коллегии. К этому же времени относится выступление Щербатова в Вольном экономическом обществе (ВЭО) по поводу обсуждения вопроса о состоянии земледелия в России. Мы имеем в виду письмо Щербатова в ВЭО «Записка по крестьянскому вопросу», в котором он, критикуя премированный ответ Беарде де ля Бея, намечает контуры своей аграрной программы. Наконец, к этим годам относится самое знаменательное событие его жизни — участие в Комиссии по сочинению нового Уложения. Его политические и социально-экономические взгляды получают шлифовку, заостренность, целеустремленную направленность именно в ожесточенных прениях на заседаниях комиссии.

Щербатов и сам придавал огромное значение своей деятельности в Комиссии, все свои «голоса» он позднее переписал в отдельную тетрадь «не для того, чтобы почитал оные удобные к прославлению моему, но токмо дабы беспристрастному потомству показать, что такия были мнения добраго сына отечества для поправления в России» [5].

В предисловии к этому сборнику Щербатов писал, что участие в работах Уложенной комиссии — «честь, которую я толь великой почитаю, чтобы за преступление себе почел, если бы не старался о сем мне учиненном удостоении потомству сообщить» [6].

Щербатов был избран депутатом от дворян Ярославского уезда примерно в середине марта 1767 г. (Наказ ему датирован 19 марта) при очень многолюдном по тому времени съезде дворян [7].

Согласно предписанию, ярославские дворяне выбрали для составления наказа своему депутату особую комиссию, в которую Щербатов представил свой проект наказа. В нем он очень ярко отразил притязания дворянства, очень удачно выразил дворянские сословные интере-

---

[5] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 8—9.

[6] Там же, стр. 7. Созданию этого рукописного сборника способствовало и нечто другое, а именно недоверие Щербатова к дневным запискам, так как «директор дневной записки господин граф Шувалов, достойный отцу своему, ни одного журнала без страсти не делал...» (там же, стр. 174).

[7] Под Наказом, данным ему выборщиками, подписалось до 70 дворян, в то время как под многими дворянскими наказами стоит 3—5 подписей.

сы. Поэтому этот проект был целиком принят (с небольшими редакционными поправками и добавлением раздела о судопроизводстве) собранием ярославского дворянства. Щербатов с удовлетворением отмечал позднее, что «самое то общество, которое меня к толь важному делу соблаговолило избрать, и проект мой Наказа с малыми отменами апробовало»[8].

Этот проект был для Щербатова программой деятельности и лег в основу многочисленных выступлений его в Уложенной комиссии. Он состоит из введения и двух разделов. Введение посвящено вопросу о заслугах российского дворянства. Первый раздел — правам и привилегиям дворянства.

Второй раздел этого проекта посвящен крестьянству, поскольку от его экономического положения зависело экономическое положение дворянства. «Дворяне, — пишет Щербатов, — бывшие владетели земель и деревень, не меньше должны и о крестьянах, подданных того же государя, и им подвластных, попечение свое прилагать»[9].

Проект Наказа — чрезвычайно важный документ для характеристики мировоззрения Щербатова, поскольку в нем в сжатой, лаконичной форме впервые высказана социально-экономическая программа Щербатова — красноречивого выразителя дворянских интересов.

В апреле—мае этого года Щербатов участвует в выборах депутата от дворян Московского уезда, очевидно, как московский домовладелец: 19 апреля на собрании домовладельцев от 5-й и 6-й частей в доме П. А. Татищева «лейб-гвардии капитан князь Щербатов» был избран поверенным для выбора депутата[10].

Обсуждение Наказа депутату московского дворянства сопровождалось бурными прениями по поводу предложения депутата П. И. Панина о включении ему в наказ ходатайства о дозволении дворянам продавать свои деревни лицам других сословий, ибо ограничение права продажи земель, по его мнению, должно привести к падению цен на землю[11].

---

[8] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 7—8.

[9] Там же, стр. 25.

[10] «Сб. Императорского Российского исторического о-ва» (в дальнейшем: «Сб. ИРИО»), т. IV, стр. 22.

[11] Это предложение не было включено в Наказ в такой категорической форме (см. «Сб. ИРИО», т. IV, стр. 229).

Это предложение шло вразрез с дворянскими убеждениями Щербатова и он высказался категорически против него, или, как говорит сам Щербатов, «в приключившейся одной трудности взял смелость ему (П. И. Панину. — *И. Ф.*) противное мнение содержать»[12]. И затем, опасаясь, что будет принужден подписаться под Наказом, противоречащим его взглядам, Щербатов, по его словам, «объяснение сего спора, купно и с предложениями моих мыслей, написал, которое хотя и не подал, ибо к наказу не принуждаем был подписаться, но к показанию потомства состояния того дела, которое тогда не мало шуму в публике сделало, сие писание... включаю»[13].

Идеи, развитые Щербатовым в этих двух произведениях — проект Наказа и «Рассуждение...», легли в основу его активной деятельности в Уложенной комиссии.

Заседания Большой комиссии начались 31 июля 1767 г. выборами председателя, или маршала комиссии. В числе кандидатов на этот пост был и Щербатов, однако при баллотировке он получил менее всех голосов (И. Орлов — 278, Г. Орлов — 228, З. Чернышев — 179, А. И. Бибиков — 165, Ф. Орлов — 159, М. Волконский — 147, П. Панин — 137, М. Мордвинов — 97, М. М. Щербатов — 90)[14].

Результат баллотировки, как видим, очень скромный для Щербатова, но тем не менее он говорит о несомненной популярности его в дворянских кругах. Щербатов не был избран членом дирекционной комиссии, однако он значится в списках кандидатов в члены наряду с П. Паниным и М. Мордвиновым[15].

С основными организационными вопросами было покончено в первой половине августа, с восьмого заседания началось чтение и обсуждение некоторых наказов от однодворцев и инородцев. Эти наказы, не имевшие для Щербатова большого принципиального значения, вызвали, однако, ряд коротких замечаний и возражений с его

---

[12] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 9.

[13] Там же, стр. 9—10.

[14] «Русский вестник», приложения, 1861, декабрь, стр. 29.

[15] А. Г. Брикнер делает предположение о том, что Щербатов стал кандидатом в члены Дирекционной комиссии лишь при закрытии Большого собрания, т. е. не ранее декабря 1768 г. (А. Г. Брикнер. Князь М. М. Щербатов как член Большой комиссии. «Исторический вестник», 1881, октябрь, стр. 233—234).

стороны, которые носили, правда, больше технический характер (он говорил о подушных деньгах, о земледелии и лесоводстве, о мельницах и пр.), но отражали его социальные тенденции. В этом отношении показательна позиция Щербатова в деле депутата обоянского дворянства М. Глазова.

31 августа 1767 г. Глазов читал свои возражения на Наказ каргопольских крестьян и на речь депутата от однодворцев Давыдова. Возражения Глазова носили настолько грубый, придирчивый, неприличный характер, что маршал Бибиков прервал его и предложил собранию наказать Глазова за оскорбление депутатов. Были сделаны предложения об исключении Глазова из числа депутатов. Однако ряд дворянских депутатов (гр. Брюс, кн. Оболенский и др.), в том числе и Щербатов, выступили в защиту его и добились уменьшения наказания [16].

Выступление Глазова и позиция, занятая различными слоями депутатов в этом деле, предвещали назревание острых социальных конфликтов в Комиссии.

Полемическая борьба развернулась в сентябре 1767 г. в связи с обсуждением законов о дворянстве. В этой борьбе Щербатов занял одно из центральных мест — место лидера дворянской аристократической партии.

11 сентября на заседании Большой комиссии читались законы Петра I о дворянстве, в частности, соответствующие пункты «Табели о рангах». Вокруг них в основном и развернулась борьба между родовитым дворянством, выступавшим за пересмотр этих законов, и дворянством новым, выслуженным, отстаивавшим эти законы. По утверждению дворянских идеологов, именно «Табель о рангах» нанесла сокрушительный удар по дворянству, не только сравняв родовитое дворянство и дворянство чиновное, но и выдвинув последнее на первый план. С этого времени всякая попытка родовитого дворянства отгородиться от других сословий, сохранить чистоту своих рядов была обречена на неудачу. Дворянство — породы раз и навсегда потеряло свое былое значение. Представители родовитого дворянства выступили против этих законов, указывая на необходимость отмены их. Застрельщиком этих выступлений был Щербатов.

[16] «Сб. ИРИО», т. IV, стр. 112.

Уже 12 сентября 1767 г. Щербатов подал «всепокорнейшее предложение» по поводу читанных законов о дворянстве. Он очень резко поставил вопрос о пересмотре петровской «Табели о рангах», выступая против предоставления дворянского звания по чину.

13 сентября 1767 г. Щербатову пришлось выслушать «голос» депутата г. Енисейска Степана Самойлова, в котором выдвигалось требование об уравнении прав сибирских дворян с великорусскими. 17 сентября Щербатов подает по этому поводу «всепокорнейшее предложение» с категорическим опровержением аргументов Самойлова, указывая, что «разумение сибирского дворянина не есть состояние, но чин, который и от отца к сыну не переходит» [17], что заслуги сибирских дворян не могут идти ни в какое сравнение с «добродетелями» дворян великорусских. Исходя из этого, Щербатов резко возражает против уравнения прав сибирских и русских дворян.

В этот же день, 17 сентября, Щербатовым подано еще два предложения — по поводу читанной 13 сентября герольдмейстерской инструкции и «Проект о разборе дворянства». Считая необходимым очистку дворянских рядов от недворянских элементов, предотвращение от проникновения в дворянство недворян, Щербатов предложил навести тщательный порядок в учете дворянских семей путем упорядочения родословных книг [18]. Щербатова поддерживали в этих вопросах многие дворянские депутаты — вышеупомянутый Глазов, Федор Языков, Давыдов и др. Против них сплоченной группой выступали представители нового дворянства, особенно военные, которых было много в Комиссии. Особенно удачно петровские реформы защищали Авраам Рошкевич (Бахмутский гусарский полк), Николай Мотонис (Гадецкий, Миргородский, Полтавский полк), Иван Заруднов и др.

В числе выступавших был Яков Козельский, который в своем «голосе» — 21 сентября, защищая петровское законодательство, указывал, что русское дворянство «получило начало от самых незнатных фамилий...». Козельский заключал, что «ежели предки российских дворян начало своего достоинства получили через награждение по своим заслугам за верность и добродетель, а не через знат-

[17] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 64.
[18] Там же, стр. 68—86.

ность рода, то потомки их не должны бы умалять и презирать офицерские чины»[19].

Возмущенный «унижением» благородного сословия, князь Щербатов на этом же заседании 21 сентября 1767 г. выступил с красноречивым доказательством знатности и древности российского дворянства, его огромных заслуг перед Россией. Эту речь князь Щербатов, как отмечено в дневной записке этого заседания, «говорил и окончил с крайним движением духа, что по произношению его голоса приметить было можно»[20].

Речь, произнесенная с таким воодушевлением, с привлечением исторических доказательств древности и заслуженности российского дворянства произвела соответствующее впечатление на депутатов. В произведенной после этого баллотировке Щербатов получил 100 голосов, в то время как Козельский всего 20—30.

Прения о правах дворянства продолжались до октября, однако в них Щербатов участия не принимал.

Осенью (в октябре) 1767 г. прения о правах дворянства были прерваны в связи с тем, что Комиссия по предложению маршала перешла к обсуждению вопроса о правах купечества. Они были возобновлены лишь в июле 1768 г., когда маршал объявил о присылке из дирекционной комиссии проекта о правах благородных. В обсуждении этого проекта Щербатов также принял деятельное участие. В августе этого года Щербатов подал ряд «примечаний» на статьи 13, 14 (ст. 15 он предложил вовсе исключить), 16, 27, 29 и общие «дополнительные примечания к проекту правам благородных». В этих «примечаниях» Щербатов, развивая свою дворянскую позицию, отстаивает ряд экономических привилегий дворянства, выступает решительным сторонником широкого дворянского самоуправления и дворянского сословного суда, категорически возражает против ряда статей, которые, по мнению Щербатова, не соответствуют дворянским интересам.

Любопытно, что когда в августе 1768 г. была проведена баллотировка по вопросу о правах дворянства, сторонники нового служилого дворянства одержали победу над противниками петровских преобразова-

---

[19] «Сб. ИРИО», т. IV, стр. 187.
[20] Там же, стр. 193.

ний. Реакционные узкосословные взгляды Щербатова и его сторонников были во второй половине XVIII столетия уже до известной степени анахронизмом — провести их в жизнь не представлялось никакой возможности.

Эти взгляды нашли язвительную, но справедливую оценку на страницах новиковского журнала «Трутень», в статье «Рецепт для его превосходительства господина Недоума»:

«Сей вельможа ежедневную имеет горячку величаться своею породою. Он производит свое поколение от начала вселенной, презирает всех тех, кои дворянства своего, по крайней мере, за пятьсот лет доказать не могут, а которые сделались дворянами лет за сто или меньше, с теми и говорить он гнушается. Тотчас начинает его трясти лихорадка, если кто пред ним упоминает о мещанах или крестьянах. Он их в противность модного наречия не удостаивает ниже имени подлости, а как их называть, того еще в пятьдесят лет бесплодной своей жизни не выдумал. Он желает, чтобы на всем земном шаре не было других тварей, кроме благородных и чтобы простой народ совсем был истреблен, о чем неоднократно подавал он проекты, которые многими, ради хороших и отменных мыслей, были похваляемы» [21].

Весьма возможно, что в этой заметке Новиков имел в виду прежде всего Щербатова, с которым ему приходилось встречаться как на заседаниях Большой комиссии, так и особенно в частной комиссии о среднем роде людей.

Не менее острыми были прения по вопросу о правах купечества, происходившие на заседаниях Большой комиссии в октябре—ноябре 1767 г. Купеческие депутаты выступили сплоченной группой с требованием монополизации в своих руках всей торговой и промышленной деятельности, предоставления себе ряда привилегий, которые закрепили бы за ними инициативу в области экономической деятельности. Дворянские депутаты выступили не только против этих требований купечества, но и с решительным наступлением на купечество, стремясь вытеснить его из ряда хозяйственных отраслей и забрать экономическую инициативу в свои руки. Самым красноречивым и последовательным оратором в группе дворянских депутатов был, несомненно, Щербатов.

[21] «Рецепт для Е. Н. г. Недоума». «Трутень», 1768, стр. 24.

Выразителем желаний торгового сословия выступил 2 октября 1767 г. депутат от купечества Рыбной слободы Алексей Попов. Он решительно требовал предоставления купечеству исключительного права заниматься торговой и промышленной деятельностью, разрешения купцам покупать земли и деревни для заведения фабрик, высказывался против торговой и промышленной деятельности дворян и крестьян. 8 октября Щербатов подал свои красноречивые возражения на все пункты «голоса» Попова. В этом предложении Щербатов теоретически обосновывает право дворян и крестьян заниматься торговлей и промышленностью, выступает решительно против предоставления купечеству права покупать земли и населенные деревни, считая необходимым и те деревни, которые уже находятся в руках купцов, постепенно вернуть дворянам.

Развитием этих мыслей является «покорнейшее предложение» Щербатова от 18 октября, сделанное по поводу «голоса» депутата города Серпейска Родиона Глинкова.

Крестьянская торговля и промышленность также нашла себе защитника в лице Щербатова [22].

В ряду выступлений Щербатова в Большой комиссии особый интерес представляет его «голос» от 15 октября 1767 г., посвященный требованию купцов предоставить им право владеть дворовыми крепостными людьми. Выступая против этого требования купечества, Щербатов высказывает даже гуманные мысли о невозможности продавать крестьян поодиночке... купцам, о том, что равный не может владеть равным (причем он молчаливо подразумевает равным крестьянину только купца) и даже о том, что вольный труд выгоднее (для купцов), чем крепостной.

Вопроса об экономическом соперничестве дворянства и купечества Щербатов касается также в своих «примечаниях» на ряд статей из проекта о правах благородных, в которых он выступает таким же решительным сторонником дворянской и крестьянской торговли и промышленности [23].

Большое внимание Щербатова привлек к себе еще

---

[22] Этому вопросу Щербатов посвятил свой «голос» от 24 и 27 августа, касается этого вопроса в «голосе» 2 октября, 18 августа и 7 ноября.

[23] См. М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 192—218.

один вопрос, имевший первостепенное значение в его идеологии — крестьянский вопрос. Особенно его взволновало выступление 5 мая 1768 г. депутата Козловского дворянства Григория Коробьина, опровержению которого Щербатов посвятил «предложение» от 22 мая 1768 г.

В связи с обсуждением законов о беглых Коробьин поставил вопрос о тяжелом положении крепостных крестьян и сделал некоторые робкие предложения об улучшении положения крестьян путем ограничения власти помещиков над имением и личностью крестьянина, путем некоторой регламентации крестьянских повинностей [24].

Большинство дворянских депутатов, в том числе и Щербатов, выступили с категорическим протестом против этих предложений. Полемика Щербатова с Коробьиным произвела глубокое впечатление в обществе. Уже много лет спустя Г. С. Винский, весьма далекий от круга Щербатова и не живший притом в это время в Петербурге, писал в своих мемуарах: «Из всего происходившего в сей комиссии достопамятнейшим может печататься публичное прение князя Щербатова с депутатом Коробьиным» [25].

Деятельность Щербатова в Уложенной комиссии не ограничивалась работами Большой комиссии. 18 октября 1767 г. была учреждена «Комиссия о среднем роде людей», членом которой был избран Щербатов вместе с гр. Э. Минихом, кн. И. Вяземским, Семеном Нарышкиным и купеческим депутатом М. Степановым [26].

Дневные записки «Комиссии о среднем роде людей» [27], хранящиеся в Центральном государственном архиве в Ленинграде, свидетельствуют о том, что Щербатов был одним из самых деятельнейших членов этой комиссии. Они говорят о том, что Щербатов был не только членом этой комиссии, но по существу руководителем ее. Являясь на заседания комиссии раньше других, он, очевидно, готовил повестку дня заседаний, во время заседания неоднократно выступал по тем или иным вопросам, проводя те взгляды, которые отстаивал и в Большой комиссии. Как член комиссии «О среднем роде людей», Щербатов подготовил план проекта прав среднего рода лю-

---

[24] «Сб. ИРИО», т. XXXII, стр. 406—410.
[25] Г. С. Винский. Мое время. М., 1801, стр. VIII.
[26] «Русский Вестник», приложения, 1861, декабрь, стр. 71.
[27] «Фонд комиссии по сочинению нового Уложения».

дей, на которой были сделаны замечания Дирекционной комиссии. В свете этих замечаний Щербатов переработал этот план [28]. Однако, по словам самого Щербатова, эти планы, «как первый... так и второй, уже поправленный, апробации не имели» [29].

Роль Щербатова в составлении самого проекта также, несомненно, очень велика.

Как непосредственное продолжение деятельности Щербатова в частной комиссии «О среднем роде людей» является его проект учреждения сословного училища для купцов, представленный Щербатовым 18 мая 1770 г. [30].

Участие Щербатова в работе Уложенной комиссии имело чрезвычайно важное значение для его мировоззрения. Именно в эти годы окончательно складываются его взгляды по всем основным социально-экономическим и политическим вопросам. Мысли, высказанные Щербатовым по вопросам торговли и промышленности, сельского хозяйства, взаимоотношения сословий в экономической и политической жизни страны, легли в основу его дальнейшей литературной и общественной деятельности.

Роспуск Уложенной комиссии был концом широкой общественной деятельности Щербатова, который с этого времени отодвигается на второстепенные и даже третьестепенные роли.

Невозможность осуществить полностью программу дворянства, которую Щербатов упорно отстаивал в Уложенной комиссии, предопределила уже с этого времени отрицательное отношение его к Екатерине II и екатерининскому правительству.

Это резкое критическое настроение особенно ярко сказалось в его статье начала 70-х годов «Замечания на Большой наказ Екатерины», в которой он как бы подводит итог своей деятельности в Уложенной комиссии, своим высказываниям и убеждениям этого периода.

70-е годы являются периодом дальнейшего расширения его консервативной дворянской программы, углубления его оппозиционных настроений, оформления его мировоззрения.

---

[28] См. М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 143, 157.

[29] Там же, стр. 9.

[30] Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 113 (ф. Лаппо-Данилевского).

Личная жизнь Щербатова и его служебная карьера складывались в это время не совсем удачно. К первой половине этого десятилетия относятся большие денежные затруднения Щербатова. Его имение оказалось разоренным, его долги были настолько велики, что он вынужден был обратиться за помощью к Екатерине.

23 мая 1773 г. Щербатов пишет письмо к Екатерине, которое передает через ее секретаря Козицкого. В записке Козицкому Щербатов «всепокорнейше» просит его «письмо, адресованное на имя Ея Императорского Величества, вручить в собственные Ея руки»[31].

Письмо было передано Екатерине II. В нем Щербатов жалуется на тяжелые материальные обстоятельства, на расстройство имения, на долги и нужду и просит у Екатерины денежной помощи в размере 40 тыс. рублей[32]. Результат просьбы был, очевидно, благоприятен для Щербатова, однако уже сам факт — долги, «нужда», невозможность жить «по достоинству», необходимость унизительной просьбы произвели на Щербатова тяжелое впечатление. А при его способности и стремлении к обобщениям этот факт не мог не натолкнуть его на размышления о судьбах благородного сословия вообще.

Служебная карьера Щербатова складывалась также далеко не так, как желательно было Щербатову.

В 1771 г. Щербатов был назначен герольдмейстером — должность почетная, однако не настолько, чтобы удовлетворить честолюбие Щербатова, а в 1773 г. он был пожалован камергером. В качестве герольдмейстера Щербатов в 1774 г. составил «Проект наказа герольду наместничества» и «Проект инструкции герольдмейстеру, каковой по нынешним обстоятельствам ей быть надлежит»[33], в основу которых он положил свои «голоса» в Большой комиссии от 17 октября 1767 г.[34]. После 1775 г., по определению Сената, он изобрел гербы для полковых знамен и вещей с их описанием. Деятельность, как видим, более чем скромная для «сиятельного» князя, лидера дворянской партии в Уложенной комиссии. К 1777 г. относятся

---

[31] Архив ГИМ, ф. 268, ед. хр. 3, л. 48.

[32] Напечатано в кн.: «Летопись русской литературы и древностей», т. IV, стр. 36—38.

[33] Копия хранится в Архиве ГИМ, ф. 268, ед. хр. 3, лл. 1—11.

[34] См. М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 58—86.

и более крупные служебные неудовольствия Щербатова — он не получил давно ожидаемого им чина тайного советника. Щербатов отнесся к этому очень болезненно и написал подробную записку «О себе». В этой записке Щербатов обстоятельно описывает свои заслуги и свою обиду. Лица, отмечал Щербатов, — менее достойные — Неплюев и Самойлов — обошли его чином. «Видя себя обойденна и принужденна предстать перед суд младшими мне, — рассказывает Щербатов, — я не мешкавши на завтрее, подал письмо к государыне, со изъяснением, что когда моя служба, как я примечаю, стала неугодно, то прошу увольнение себе» [35].

В результате переговоров между Щербатовым и секретарем Екатерины Соймоновым Щербатов не ушел в отставку, однако глубоко переживал обиду. От описания личной обиды Щербатов непосредственно переходит к обличению «самовластия» и «деспотизма», льстивости придворных. Он пишет: «Теперя я не могу удержаться, чтобы не зделать некоторые размышления: 1) на нещастную судьбу людей, подвергнутых самовластному правительству, 2) и на нещастие самих самовластителей» [36].

К этому времени относится интересное письмо Теплова к Щербатову, в котором Теплов, зная, очевидно, болезненное честолюбие Щербатова, выражает ему сочувствие и утешает тем, что заслуги Щербатова не будут забыты потомством, что Щербатов должен быть выше этих неприятностей и найти утешение в собственных добродетелях» [37].

В 1778 г. честолюбие Щербатова было до известной степени удовлетворено. В этом году он был назначен президентом Камер-коллегии [38]. А в следующем, 1779 г. получил долгожданный чин сенатора [39]. Он был награжден

[35] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 113—114.

[36] Там же, стр. 116.

[37] «Русский архив», 1869, № 2, стр. 10.

[38] От этого времени в бумагах Щербатова сохранились ряд черновых набросков писем к Вяземскому, к Безбородко и др., которые, однако, интереса для характеристики его мировоззрения и его деятельности не представляют. Архив ГИМ, ф. 268, ед. хр. 6, лл. 149, 151, 152—154.

[39] Щербатов был первоначально назначен во 2-й департамент Сената и должен был переехать из Москвы в Петербург. Щербатов очень не хотел уезжать из Москвы, ибо это было связано с большими материальными издержками, с удалением от своих имений, с переменой климата. В личных бумагах Щербатова сохранились чер-

многими орденами, до св. Андрея Первозванного включительно, и чинами до действительного тайного советника.

Однако эти чины и ордена удовлетворяли его честолюбие лишь частично, так как он считал себя способным к руководящим ролям в правительстве. Кроме того, они приходили, по его мнению, слишком поздно. Личные обиды, несомненно, способствовали усилению оппозиционных настроений Щербатова. Однако не в них надо искать корни этих настроений. Основы оппозиционности Щербатова находятся в его убеждениях, в принципиальном осуждении екатерининского правительства.

Литературная деятельность Щербатова этого периода характеризуется усилением ее масштабов, развертыванием и углублением его социально-экономической и политической программы. Тематика его произведений, как и в предыдущее десятилетие, определяется в большинстве случаев наиболее важными событиями общественной жизни. Усиленное внимание его привлекла Турецкая война 1768—1774 гг., повлекшая за собой частые рекрутские наборы. Она больно ударила по помещичьему хозяйству, которое лишалось трудоспособных работников. Щербатов резко осуждал внешнюю политику правительства, которое не хотело считаться с дворянскими экономическими интересами. В своих произведениях этого периода — «О турецкой войне» (1774 г.), «О отставных солдатах и о детях их» (1774 г.), «Замечании для предбудущия Турецкия войны» (1774 г.), «Письмо о отпущенных на волю господских людях» (1770 г.), «Мнение о поселенных войсках» (1773 г.) — Щербатов упорно ищет средства для облегчения экономического положения дворянства, пути пополнения помещичьих имений рабочими руками. Он находит эти средства, с одной стороны, в усилении крепостнического гнета, а с другой стороны, в ре-

---

новики его писем различным должностным лицам по этому поводу. В письме к Екатерине II Щербатов благодарит ее за оказанную ему честь (назначение сенатором) и просит оставить его при московских департаментах сената, аргументируя эту просьбу вышеуказанными мотивами (архив ГИМ, ф. 268, ед. хр. 6, лл. 163—164). Об этом же он просит в письме к Потемкину (л. 15) и Безбородко (л. 157), к Вяземскому (л. 160). После того как этот вопрос был решен благоприятно для него, Щербатов пишет второе письмо Вяземскому в котором благодарит его за хлопоты и просит сохранить за ним должность президента Камер-коллегии (там же, лл. 158—159).

организации армии на принципе военных поселений. Особенно интересно в этом отношении его произведение «Мнение о поселенных войсках». Он указывал здесь, что военные поселения принесут следующие «пользы» для государства: 1) освобождение помещиков от рекрутских наборов; 2) благосостояние военных людей (они будут жить «в великом достатке», а государственные расходы на армию уменьшатся); 3) хорошо обученные войска, с детства приученные к оружию; 4) храбрость солдат во время войны, так как последние сражаются «яко искусные воины, имеющие собственность и защищающие свое имение»; 5) польза государству от умножения ремесел в земледелии; 6) наличие укрепленных мест в случае «внутреннего беспокойства» и 7) возможность дополнительного самоснабжения солдат за счет своих средств (деньги, питание, обмундирование) во время войны в случае недостатка государственных[40]. Эту же идею Щербатов пропагандировал в своем последнем произведении «Путешествие в землю Офирскую».

Социальный смысл этого проекта предельно ясен — максимально освободить помещичье хозяйство от рекрутских наборов и дополнительных денежных налогов, которое влечет за собой содержание армии и войны.

Большой след в творчестве и мировоззрении Щербатова оставила крестьянская война 1773—1774 гг. Она имела не только глубокие социальные последствия для России, но и повлияла на характер общественно-идейной борьбы. С одной стороны, было ускорено формирование прогрессивных тенденций общественной мысли, с другой стороны, она привела к консолидации сил дворянства и оформлению его идеологии. Реакционные феодально-крепостнические тенденции мировоззрения Щербатова получают дальнейшее развитие. В эти годы он уже окончательно решает вопрос о невозможности освобождения крестьян и требует еще большего усиления крепостнического гнета[41].

В 1774 г. Щербатов пишет и издает, очевидно, по заданию Екатерины II «Краткую повесть о бывших в России самозванцах». О причинах написания этой книги Щербатов позднее писал следующее: «Тогда же было

[40] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 912—913. См. также «Неизданные соч. Щербатова», стр. 64—83.

[41] См. М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 55—56.

угодно государыне, чтобы я написал историю о самозванцах, дабы показать, что не ее царствование одно отяхчено такими ударами, но что как прежде в России было, так и в других государствах случалось такое зло»[42]. Пытаясь доказать неизбежность временных крестьянских волнений и успокоить общественное мнение, Щербатов объясняет эти волнения психологическими мотивами. Давая краткий очерк всех бывших ранее самозванцев, но имея в виду постоянно настоящее, Щербатов писал: «...подлый народ, не входя в государственные обстоятельства и по большей части недовольный настоящим своим состоянием, всегда ожидающий в перемене лучше оное найти...»[43].

Признавая, что крестьянские восстания явление обычное, Щербатов резко осуждал правительство за то, что оно не сумело предотвратить восстание и, по крайней мере, вовремя усмирить его. Он писал позднее: «Охуляю я беспечность правления во время бунта Пугачева, от чего более тысячи дворянских фамилий и множество народа истреблено было и многие области разорение претерпели»[44].

Живой отклик в литературном творчестве Щербатова этих лет нашла и административная реформа Екатерины II 1775 г. В статье «Замечания на учреждение для управления губерний Всероссийской империи» Щербатов критикует организацию местного управления в России, упрекая Екатерину II в том, что она предоставила слишком большую «деспотическую» власть наместникам[45], так что местное дворянство, по словам Щербатова, совершенно порабощено ими. В записке «О военных губернаторах» Щербатов подвергает резкой критике вредную, по его мнению, практику назначения наместников из военных, которые плохо разбираются в делах гражданского управления[46]. В некоторой степени ответом на эту реформу была и интересная работа Щербатова «Статистика в рассуждении России», важная для характеристики

---

[42] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 112—113.

[43] М. Щербатов. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774, стр. 40.

[44] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 255—256.

[45] См. М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 90—100.

[46] Архив ГИМ, ф. 269, ед. хр. 7.

развития исторического и научного мировоззрения Щербатова [47].

Щербатов наметил очень широкий план его проведения, предполагая рассмотреть: «1) пространство; 2) границы; 3) плодородие; 4) многонародие; 5) веру; 6) правление; 7) силу; 8) доходы; 9) торговлю; 10) мануфактуры; 11) характер народный; 12) расположение к ней разных народов азиатских и европейских, как прилегающих, так и отдаленных» [48].

До нас дошли 6 разделов этого произведения. Глава о правлении обрывается на разделе о магистратах. Социальные, экономические и политические идеи, развиваемые в этом произведении, не отличаясь сколько-нибудь по существу от ранее высказанных мыслей Щербатова, приобретают, однако, большую законченность и ясность. Гораздо определеннее выступает здесь и критическое отношение Щербатова к политике екатерининского правительства.

Наиболее бурный расцвет литературной деятельности Щербатова и окончательное оформление его мировоззрения во всех деталях относится к 80-м годам. В это последнее десятилетие своей жизни Щербатов пишет лучшие публицистические произведения.

Служебная деятельность Щербатова отмечена в 80-е годы двумя известными нам событиями — участием его совместно с Н. Масловым в сенатской ревизии состояния Владимирской, Ярославской и Костромской губерний (1785 г.) и в суде над вице-губернатором кн. Ухтомским и губернатором Самойловым, уличенными в «лихоимстве» и взяточничестве. Решением Сената по делу Самойлова Щербатов остался недоволен (Самойлов был оправдан) и написал в 1787 г. свои «Примечания на доклад шестого департамента Правительствующего Сената по делу Владимирского губернатора Самойлова», в которых подвергает резкой критике решение Сената и доказывает виновность самого Самойлова (а не его подчиненных, как указывалось в решении Сената) в инкриминированных ему преступлениях [49]. На этом служебная карьера Щербатова обрывается — в этом или в начале следующего года он выходит в отставку. Было ли причиной от-

[47] См. М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 457—618.
[48] Там же, стр. 458—459.
[49] Архив ГИМ, ф. 268, ед. хр. 6, лл. 103—114.

ставки Щербатова вышеуказанное расхождение его с Сенатом? Категорически ответить на этот вопрос вряд ли возможно. Можно лишь предполагать, что отставка произошла по личной просьбе Щербатова: в его бумагах находится черновик письма к Екатерине II, в котором он просит уволить его от дел в связи с тяжелым состоянием здоровья. Вместе с тем Щербатов просит сохранить за ним жалованье, так как оно ему крайне необходимо в связи с расстройством его имения[50].

Выход Щербатова в отставку способствовал усилению его литературных занятий. В эти годы Щербатов пишет свои самые известные произведения — «Путешествие в Землю Офирскую», «О повреждении нравов в России» и др.

Не было ни одного более или менее важного вопроса современности, который не привлек бы к себе внимания Щербатова и не нашел бы отражения в его сочинениях. «Жалованная грамота дворянству», голод в России 1787—1788 гг. и в связи с этим обострение аграрного и крестьянского вопроса, денежный кризис, шведская и турецкая войны конца десятилетия, поездка Екатерины по России и даже полемика Фонвизина с Екатериной II — все это давало обильную пищу для его литературного творчества и нашло отражение на страницах его произведений.

Центральной проблемой литературного творчества Щербатова этих лет остается проблема дворянства, его политического и экономического положения. По существу почти все произведения Щербатова в этот период посвящены именно этому вопросу — яростной защите дворянских интересов от натиска новых общественных сил, стремлению упрочить экономическое и политическое положение дворянства в государстве.

Основными работами, посвященными этой проблеме, являются «Размышления о дворянстве», в которых Щербатов разрабатывает широкую программу дворянских прав и привилегий, давая вместе с этим теоретическое обоснование преобладанию дворянства в государстве, и «Примечания верного сына отечества на дворянские права на Манифест»[51], в которых Щербатов яростно крити-

---

[50] Архив ГИМ, ф. 268, ед хр. 6, л. 148.

[51] См. М. Щ е р б а т о в. Соч., т. I, стр. 219—269.

кует Екатерину II за недостаточную, по его мнению, последовательность ее дворянской политики. Эти произведения являются прямым откликом на «Жалованную грамоту дворянству», которая, по глубокому убеждению Щербатова, недостаточно удовлетворила дворянские нужды и желания.

Второй проблемой, которой Щербатов посвятил много своих произведений этого периода, является проблема взаимоотношения сословий, экономического соперничества дворянства, купечества и крестьянства.

В эти годы, когда враждебное отношение Щербатова к купечеству еще более усиливается, окончательно формируются его социально-экономические взгляды, взгляды на роль и значение сельского хозяйства, промышленности, торговли в экономической жизни страны. Этим вопросам Щербатов посвятил ряд своих произведений: «Размышления о ущербе торговли, происходящем выхождением великого числа купцов в дворяне и офицеры»[52], «Рассуждения о нынешнем 1787 г. почти повсеместном голоде в России, о способах оному помочь и впредь предупредить подобное же нашествие»[53], «Состояние России в рассуждении денег и хлеба при начале 1788 года, при начале турецкой войны»[54], «Размышления о неудобствах дать свободу крестьянам и служителям, или зделать собственность имений»[55], «Разсмотрение о вопросе, могут ли дворяне записываться в купцы»[56].

На эти годы падает окончательное складывание его политической программы.

Свои теоретические взгляды по вопросам государственного устройства Щербатов изложил в произведении «Размышления о законодательстве вообще», написанном в 1785—1789 гг.[57].

Политическая позиция Щербатова нашла свое выражение также в ряде менее известных произведений: «Прошение Москвы о забвении ее»[58], «Ответ на вопрос, что думать следует о поступке нашего двора в разсуждении

[52] Щербатов. Соч., т. I, стр. 619—629.
[53] Там же, стр. 629—648.
[54] Там же, стр. 683—746.
[55] «Чтение Общества истории древностей России», 1861, кн. 3, отд. 5.
[56] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 139—159.
[57] См. М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 355—427.
[58] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 53—65.

нынешней турецкой войны»[59], «Речь, каковую бы могли говорить шведские дворяне по взятии под стражу их собратьев»[60] и ряд других.

Наконец, в эти последние годы жизни Щербатова оппозиционность его Екатерине II и ее правительству достигает своего апогея. В своем знаменитом произведении «О повреждении нравов в России» Щербатов дает резкую, желчную и ядовитую критику не только нравов двора и придворных, но и политики правительства. А в одном из самых последних своих сочинений «Оправдание моих мыслей и часто с излишнею смелостью изглаголенных слов» Щербатов «охуляет» все стороны действительности того времени, «охуляет» и то, чего он раньше не «охулял».

Выступая страстным обличителем екатерининского правительства, Щербатов в некоторых случаях вскрыл вопиющие пороки русской государственной жизни: массовые злоупотребления властей, отсутствие всякой законности, взяточничество и продажность судов, расхищение государственных средств временщиками и многие другие. В этой своей части произведения Щербатова напоминают некоторые страницы знаменитого произведения Радищева и новиковского журнала «Трутень». Однако произведения Щербатова имели совершенно другое классовое содержание. Совпадение здесь внешнее.

В полном соответствии со своими теоретическими построениями рисует Щербатов в эти последние годы своей жизни социально-политический идеал — идеал полицейского регламентарного государства, основанного на главенствующей роли дворянства в государстве и порабощении бесправной массы рабов.

«Путешествие в Землю Офирскую шведского дворянина С...» — одно из интереснейших произведений Щербатова, в котором его политические и социальные взгляды получают законченные очертания в нарисованном им идеале государственного устройства. По своей форме «Путешествие в землю Офирскую...» — социально-утопический роман, по содержанию — политический трактат, включающий в себя и сатиру на современное Щербатову государственное устройство России (экскурсы офир-

---

59 М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 79—93.
60 Там же, стр. 93—117.

ских деятелей в прошлое), и программу реформ, программу идеального, по мнению Щербатова, государственного устройства.

Путешествие шведского дворянина по идеальной Офирской земле осталось незаконченным, оно обрывается на главе о правлении этого государства. Однако и написанные девять глав с полной определенностью отвечают на вопрос о политических тенденциях консервативного дворянского мировоззрения, о сущности социальных притязаний крепостников-помещиков, красноречивым выразителем интересов которых являлся Щербатов[61].

Последнее крупное произведение Щербатова «Разсмотрение о вопросе — могут ли дворяне записываться в купцы» написано в июле 1790 г., т. е. за несколько месяцев до его смерти: Щербатов умер 12 декабря 1790 г. До конца дней своих он остался убежденным и последовательным защитником узкосословных дворянских интересов, крайним представителем фрондирующей феодальной реакции[62].

---

[61] «Путешествие в землю Офирскую» — не единственная попытка утопического романа у Щербатова. В его бумагах сохранилось начало другого произведения в аналогичном плане. Это наброски романа «Путешествия в страны истинных наук и тщетного звания». Сохранившиеся 10 мелкоисписанных страниц не дают какого-либо материала для характеристики политических и социально-экономических взглядов автора, однако они намечают контуры его двоякого отношения к науке, к просвещению. По мнению автора, не всякая наука важна, полезна; есть «истинная наука», под которой он понимает, очевидно, нравственное просвещение, и «тщетное знание», которое внушает людям «дерзость, суемудрие, высокомерие и разные мысли непослушания и неподданства». Это произведение выдается М. М. Щербатовым за перевод древнегреческой рукописи, найденной венецианцами при взятии ими г. Остии в войне против турок. В ней описывается начало путешествия двух греческих юношей на отдаленный остров, на котором находятся названные страны. Рассказ обрывается на том месте, когда юноши прибыли на этот остров и должны были разъехаться в разные стороны по двум рекам, одна из которых, тихая и спокойная, вела в «страну тщетного знания», а другая, бурная и полная опасностей, — в «сторону истинных наук» (Архив ГИМ, ф. 268, ед. хр. 6, лл. 95—101).

[62] В этом очерке мы указали далеко не все произведения Щербатова, в частности не упоминали о статьях Щербатова нравственно-философского, моралистического содержания, которые выпадают из плана нашего исследования, а также о ряде мелких статей второстепенного значения. Часть небольших заметок, не имеющих, правда, большого значения, не напечатана. В Архиве ГИМ хранятся следующие небольшие статьи Щербатова: «О белорусских деревнях», в которых Щербатов ратует за отмену всяких привилегий

До последних дней своей жизни он продолжал и научно-исследовательскую и издательскую деятельность в области русской истории. Его «История Российская», доведенная до начала XVII столетия, в полной мере отражает его политические и социальные воззрения [63].

II. М. М. Щербатов — историк

Главным делом всей жизни М. М. Щербатова является «История Российская от древнейших времен, сочиненная кн. Михаилом Щербатовым» и публикация многочисленных исторических памятников. Исторические труды Щербатова при всем их несовершенстве стали новым шагом в развитии русской исторической науки. М. М. Щербатов сделал и попытку нового осмысливания исторического процесса, сказал новое слово в методике исторического исследования и, что самое главное, ввел в научный оборот новый документальный материал и тем самым открыл дорогу новым историческим исследованиям. Именно поэтому труды Щербатова всегда привлекали внимание специалистов-историков и получали заслуженно высокую оценку. Знаменитый русский историк С. М. Соловьев отмечал, что «истории Щербатова принадлежит почетное место в нашей исторической литературе» [1]. А один из лучших советских исследователей проблем русской историографии Н. Л. Рубинштейн писал: «Может быть, неблагодарный, невыиграшный по своим внешним качествам, но большой и упорный труд Щербатова, собрав-

---

лифляндских и белорусских земель, права майората; «Вред от разделения пользы народной от государевой», где он указывает, что «преступления против народа» — лихоимство, взяточничество и др.— должны караться наравне с преступлениями против казны; «Как должны Государи мыслить о тех, кого к делам определяют», где убеждает государей осторожно относиться к назначению на должности, исходить из интересов дела, а не из своих собственных. В статье «Кого должны государи опасаться» Щербатов предостерегает государей от вельмож-льстецов (Архив ГИМ, ф. 268, ед. хр. 7, лл. 87, 88, 89, 90).

[63] См. М. Щербатов. История Российская, кн. III, стр. 256; кн. IV, стр. 48—49; кн. V, стр. 257—258; кн. X, стр. 17—18, 107 и др.

[1] С. М. Соловьев. Писатели русской истории XVIII века. М., 1855. Из других дореволюционных историографических работ можно отметить: К. Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики. СПб., 1882; П. Н. Милюков. Главные течения русской исторической мысли, т. I. СПб., 1897.

шего воедино «огромные припасы» исторических знаний о России и связавшего их в одно целое, был, однако, серьезной и необходимой ступенью в формировании исторической науки в России»[2].

К проблемам истории Щербатов шел от острых и весьма волновавших его проблем современности. Он сам признавал, что писал русскую историю «более для собственного своего удовольствия, дабы чрез оную научиться познать состояние России». Однако не только и не столько стремление «познать состояние России» руководило Щербатовым в его исторических изысканиях. Острота классовых противоречий во второй половине XVIII столетия, изменение в расстановке классовых сил, сложность взаимоотношений между дворянством и государством — все это заставляло Щербатова искать в истории аргументы для защиты от наступления на дворянство новых социальных сил, для обоснования господствующего положения дворянства в стране.

Систематически заниматься историей Щербатов начал, очевидно, вскоре после выхода в отставку в 1762 г. Еще ранее Щербатов познакомился с историком Миллером, которому принадлежит значительный вклад в разработку и публикацию огромного количества документального материала. Сам Щербатов в предисловии к первому тому своей истории писал с благодарностью о той помощи, которую ему оказал Миллер: «Я при сем случае не могу удержаться, чтобы должного благодарения не принести господину советнику Миллеру, уже толь знаемому многими его трудами о Российской истории, что в успехе сего труда многую от него получил помощь, как чрез сообщение мне разных списков, так и от его советов. Я должен признаться, что он не токмо мне вложил охоту к познанию истории отечества моего; но увидя мое прилежание, и побудил меня к сочинению оной»[3]. В своих письмах

---

[2] Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., Госполитиздат, 1941, стр. 137. За последнее время вышел еще ряд историографических работ, в которых дается аналогичная оценка Щербатова-историка. См. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, под ред. М. Н. Тихомирова. М., Изд-во АН СССР, 1955; Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века. М., Изд-во АН СССР, 1957; В. И. Астахов. Курс лекций по русской историографии. Харьков, 1959.

[3] «История Российская от древнейших времен. Соч. кн. Михайло Щербатовым», т. I. СПб., 1770. Предисловие, стр. XIV.

Миллеру Щербатов впервые говорит о работе над сочинением истории в 1766 г. А в 1769 г. он уже закончил работу над первым и вторым томами своей истории и издал их в 1770 г. С этого времени его работа над «Историей Российской» не прекращалась до самой смерти. В 1771 г. был издан т. II; в 1774 г. — т. III; в 1781 г. — т. IV, ч. 1; в 1783 г. — т. IV, ч. 2; в 1784 г. — т. IV, ч. 3; в 1786 г. — т. V, ч. 1; в 1789 г. — т. V, чч. 2, 3, 4; в 1790 г. — т. VI, чч. 1, 2, т. VII, ч. 1 и 2; в 1791 г. — т. VII, ч. 3. Последняя книга вышла уже после смерти автора. Щербатов думал завершить свою историю до эпохи Петра Великого, однако, смог довести ее только до 1610 г., до свержения царя Василия Шуйского.

Из других специально исторических трудов Щербатова необходимо выделить «Краткую повесть о бывших в России самозванцах» (СПб., 1774 г.), «О древних чинах бывших в России и о должности каждого из них» (1776 г.) и две книги полемических выступлений Щербатова против своего оппонента и «охулителя» И. Н. Болтина[4].

«Краткая повесть о бывших в России самозванцах» является прямым откликом Щербатова на крестьянское восстание под предводительством Пугачева. Она написана, очевидно, по прямому заданию правительства и в XVIII веке выдержала три издания. Ее цель — оправдать правительство и дворянство, успокоить помещиков, доказать, что ничего необычного не произошло, что так бывало и в другие времена и у других народов. «...Внутренность человека всегда есть одинакова, — пишет автор, — такая есть слабость народная, что... часто быв увлекаемы легкомыслием и новостью, в злейшие себя несчастия ввергает». Успокаивает автор и себя и своих единомышленников тем, что эти бедствия всегда бывали, но они кончались благополучно для господствующих классов: «...прельщенные и увлеченные в преступления народы вины свои признали, и спокойствие России возвратилось, с

---

[4] «Письмо кн. Щербатова, сочинителя российской истории, к одному его приятелю в оправдание на некоторые сокрытые и явные охуления, учиненные его истории от г-на ген.-майора Болтина, творца «примечаний на Историю древния и нынешния России г. Леклерка». М., 1789; «Примечания на ответ г-на ген.-майора Болтина на письмо кн. Щербатова, сочинителя российской истории, содержащие в себе любопытные и полезные сведения для любителей российской истории, також истинныя оправдания и прямые доказательства против его возражений критики и охулений». М., 1792.

печальным только напоминанием всех злоключений, опасных, но неизбежных иногда случаев, к коим подвержены все царства и державы света». В последнем VII томе своей истории Щербатов дает более сложную трактовку этой темы и ближе подходит к пониманию причин крестьянских восстаний, оставаясь полностью на дворянских позициях.

Ответом на дискуссию в Уложенной комиссии о правах благородных и на «учреждение о губерниях» 1775 г. была работа «О древних чинах бывших в России и о должности каждого из них». В ней Щербатов стремится обосновать политические притязания дворянства. Наконец, полемика с Болтиным имеет специальный исторический интерес, она глубже раскрывает источниковедческую базу историка и методику его работы. Анализ источников здесь дается гораздо глубже, чем в первых томах его истории.

Особенно важен вклад Щербатова в публикацию исторических источников. Им проделана огромная работа, подготовившая почву для последующего более углубленного анализа исторического процесса. Щербатов подготовил и опубликовал следующие исторические памятники: «Царственный летописец» (от 1144 г. до покорения Новгорода Иваном III), «Царственная книга, то есть летописец царствования царя Иоанна Васильевича», «Летопись о многих мятежах», «История свейской войны», «Журнал или поденная записка... Петра Великого с 1698 г.», чч. 1 и 2. Значительный актовый материал был введен Щербатовым в текст его истории или в приложение к томам. Этим самым было положено начало изучению важнейшего исторического источника — актового материала.

Необходимо более подробно остановиться на методике работы Щербатова над историческими источниками и на его исторической концепции, чтобы понять, что же нового внес Щербатов в историческую науку.

Щербатов был, бесспорно, весьма образованным для своего времени человеком. Он знал несколько иностранных языков, новейшую иностранную политическую и философскую литературу, русскую литературу. Однако специальной исторической подготовки он не имел, да и не сознавал, что для «сочинения» истории ее нужно иметь. Во всяком случае в предисловии к первому тому он жало-

вался только на то, что не знает древних языков и пользуется сочинениями древних авторов по переводам на западноевропейские языки. Навыки научного исследования он получил уже в процессе работы над источниками. Не случайно первые два тома его истории гораздо слабее последующих и особенно последних томов.

Вместе с тем Щербатов отнесся очень добросовестно к своей работе. В отличие от своих предшественников, он решил не сводить воедино известия летописцев и не составлять, таким образом, новый летописный свод, а написать историю России на основании различных источников, продумать исторический процесс, заново объяснить исторические явления. Уже к первым томам он привлек значительное количество источников. 4 летописных свода он получил из патриаршей библиотеки, 8 — из типографской, 7 списков у него было своих, значительное количество иностранных авторов, известия древних писателей. Таков источниковедческий багаж автора при начале работы над русской историей. Среди летописных источников особо нужно отметить Воскресенский свод, впервые введенный Щербатовым в научный оборот.

Начиная с третьего тома, Щербатов широко привлекает актовый материал, документы центральных государственных архивов — духовные и договорные грамоты князей, ханские ярлыки, дипломатическую переписку. Эти документы используются им в тексте для анализа исторических явлений, а многие из них приводятся целиком в приложениях, что значительно обогащает его историю. Параллельно с этим он вместе с Миллером публикует большое количество исторических документов в «Древней Российской вифлиофике», издаваемой Н. И. Новиковым. Каждый документ и в тексте и в приложениях сопровождается у Щербатова точной ссылкой на архив, что значительно облегчило работу последующим историкам. В отличие от своих предшественников, он стремится точно воспроизвести подлинный текст документов. «Каждая летопись выступает как самостоятельный источник, и расхождения фиксируются с точной ссылкой»[5].

Новым в истории Щербатова была характеристика источников, которую он предпосылает большим разделам книги. Летописи характеризуются Щербатовым главным

---

[5] Н. Л. Рубинштейн. Ук. соч., стр. 126.

образом с точки зрения современности летописцев описываемым событиям, причем доказательства большей достоверности известий летописи определяются им по внешним качествам ее: тщательность письма, форма письма, качество иллюстраций. Это вводило его иногда в серьезные ошибки. Позднее он уже гораздо ближе подошел к научной критике источника и ставил вопрос о местонахождении текста, древности языка и письма, проверке другими источниками. Щербатов выдвигает принцип предпочтения русских источников иностранным, «ибо естественно есть, что сии (летописцы. — *И. Ф.*), яко пред очами их бывшие дела, более могли знать нежели чужестранные, и тем паче, что оные писатели были почти все современниками ими описуемых дел»[6].

Слабое знание исторической географии, этнографии и даже, на первых порах, палеографии привело Щербатова к серьезным фактическим ошибкам, на которые очень ядовито указал Болтин. Внутренняя критика источников, особенно в первых томах, еще очень слаба, отбор материала в значительной степени случайный, часто Щербатов некритически следует за источником. Его объяснения тех или других легендарных известий источников с рационалистических позиций иногда очень наивны. Так, сообщая легендарное известие об общности жен у одного из племен, он объясняет это тем, что они хотели «чрез сие предупредить ревность и другие неприятныя следствии супружества»[7]. Легенду об одноглазых людях он объясняет тем, что они, очевидно, привыкли прищуривать глаз при стрельбе из лука. Таких объяснений и ошибок в истории Щербатова много, но они свидетельствуют лишь о том, что уровень исторической критики источников был еще низок, что история как наука делала первые шаги, что Щербатов стоит у истоков ее.

Для исторической концепции М. М. Щербатова характерен рационализм в духе идеалистического рационализма XVIII столетия и прагматизм. Безграничная вера в разум человеческий, понимаемый как раз навсегда данный и неизменный, полное отрицание роли провидения и чудес в истории, вера в то, что путем хороших законов и хорошего воспитания можно пересоздать род человече-

[6] М. Щербатов. История Российская, т. I. Предисловие, стр. V.

[7] Там же, стр. 91.

ский — таковы черты мировоззрения Щербатова, которые сближают его с французскими рационалистами. В посвящении своей истории Екатерине II Щербатов объяснял следующим образом свое желание написать историю России: «История разума человеческого нас уверяет, что везде науки последовали успехам благополучия и силе государств», а эти последние в свою очередь объясняются умом, талантливостью и удачливостью «славных вождей» — Милкиадов, Фемистоклов, Алкивиадов, Августов и др. Такой период наступил и для России. Отметив успехи русского оружия, Щербатов заключает: «Есть ли Россия сравнялася с Римом славою своих военных дел, вскоре в науках и художествах самой Греции не уступит». Из этого вытекает, по словам Щербатова, задача: «Распространить и единую из знатнейших частей познаний человеческих, то есть историю, а паче о странах подверженных под скипетр Ваш».

Не будучи в состоянии осмыслить в целом исторический процесс, не видя реальных исторических связей, Щербатов закономерно пошел по линии прагматического изложения исторических событий, перенес все внимание на изложение конкретного фактического материала, что предопределило зависимость его от источника и прежде всего от летописей, которые давали конкретную историческую схему. Ход исторических событий объясняется им вслед за другими рационалистами и прагматиками XVIII века как результат сознательной деятельности исторических личностей — вождей, царей, полководцев. Воля, ум, образованность, хитрость, умение подчинить себе массу, толпу — таковы истоки исторических событий, которые предопределяют и их результаты. Побудительные мотивы действий исторических личностей находятся в их психологии, в особенностях характера, в сильных и слабых сторонах его. Причем человеческая личность, по мнению Щербатова, неизменна, раз и навсегда одинакова для всех времен и народов. В основу этой психологической мотивировки берутся, как правило, своекорыстные побуждения человеческой личности. Эгоизм, славолюбие, властолюбие, корыстолюбие занимают центральное место в исторических объяснениях Щербатова.

Задачу истории Щербатов видит, таким образом, в установлении причинной связи исторических событий, причем эти причины понимаются, как видим, еще прими-

тивно, ищутся в слабостях человеческой природы. В предисловии к первому тому своей истории Щербатов цитирует Юма и в полном согласии с ним считает, что задача истории — раскрыть «сопряженность приключений». «Обыкновеннейшая связь в повествованиях есть та, которая происходит от причин и действий. С сею помощью нам историк изображает последствие деяний в их естественном порядке, восходит до тайных пружин и до притчин сокровенных, и выводит наиотдаленнейшие следствия... Наука притчин есть приключающая наиболее удовольствия разуму»[8].

Эту мысль он развивает и в последующих томах своей истории. В предисловии к III тому Щербатов писал: «Оставляю просвещенным читателям судить, достиг ли я до желаемого предмета в истории, то есть ясно ль и без пристрастья показал все бывшие дела, и елико возможно проникнул ли и объяснил причины оных, показал перемены, и от чего оные воспоследовали, и расположение сердца человеческого побудил ли к достойной ненависти пороков и преклонению к добродетели»[9].

Поиски непосредственных причин тех или других исторических явлений, их психологическая мотивировка привели к упрощенно-рационалистическому объяснению сложного исторического процесса. «За частными причинами и связями исчезали более общие связи, попытки осмысления исторического процесса, как целого»[10], хотя иногда это позволяло Щербатову сделать верные и интересные наблюдения над конкретными историческими событиями.

Назидательная и морализирующая струя еще присутствует в истории Щербатова, но не является уже самоцелью. Щербатов уже не только морализирует по поводу того или иного события в назидание современникам, но уже пытается осмыслить это событие, найти ему объяснение. «...Он останавливается на явлении, — писал С. М. Соловьев, — думает над ним, старается объяснить его, а известно, какую услугу науке оказывает тот, кто первый обращает внимание на известное явление, первый начинает объяснять его, хотя бы его объяснения были и неудовлетворительны»[11].

[8] М. Щербатов. История Российская, т. I. Предисловие, стр. XVI.

[9] Там же, т. III, стр. 7.

[10] Н. Л. Рубинштейн. Ук. соч., стр. 130.

[11] С. М. Соловьев. Ук. соч., стр. 20.

«История Российская» Щербатова имеет сложную структуру. Приступив к работе, Щербатов, очевидно, не имел четкого представления о периодизации исторического процесса, не знаком он был и с основным историческим трудом Татищева «История Российская», где дается схема русского исторического процесса под углом зрения истории единодержавия в России. И потому, что к вопросам периодизации Щербатов шел эмпирическим путем, и потому, что его историческая концепция не укладывается в рамки истории российского самодержавия, структура истории Щербатова носит сложный и в известной степени случайный характер. Дело в том, что Щербатов наряду с историей российского самодержавия ставит вопрос об истории класса феодалов, и для него взаимоотношения великокняжеской, а затем царской власти с боярством — важнейшая проблема истории, и в известной степени и ее основное содержание.

Том первый «Истории Российской» Щербатова посвящен периоду с древнейших времен до смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. Он включает предисловие, введение и три книги. В предисловии автор дает характеристику источников и основные исходные теоретические положения, в которых Щербатов раскрывает свое отношение к задачам исследования и сути исторического процесса. Во введении Щербатов дает характеристику племен и народностей, населявших территорию Европейской России в древнейшие времена: скифов, сарматов, гуннов и др. по античным источникам. Из собранного материала Щербатов опасается делать какие-либо выводы. Поскольку Щербатов изложил лишь историю столкновений этих племен с Римом, он оговаривается, что «из сего никакого следствия сочинить невозможно», что «для связания сих дел между собой, для учинения некоего следствия истории, надлежало бы нам знать их домашние приключения и наследствие царей, о чем мы ничего не обретаем» [12].

Ставит здесь Щербатов и вопрос о влиянии климата на исторический процесс, но климат у него лишь один из факторов, не главный и не определяющий [13].

Книга первая охватывает период до Рюрика, она делится на 4 главы (до пришествия Кия, Кий и основание Киева, от Кия до Рюрика). Для его политической позиции

[12] М. Щербатов. История Российская, т. I, стр. 87.
[13] Там же, стр. 6.

характерно отрицание легенды о том, что Кий был простым перевозчиком на Днепре. Он думает, что Кий был знатным пришельцем — гунном или аваром [14].

Причины приглашения Рюрика с братьями из Лифляндии или Пруссии Щербатов склонен видеть в честолюбии Гостомысла, который хотел утвердить власть в своем роде [15].

Книга вторая охватывает период от Рюрика и до крещения Руси и состоит из семи глав, каждая глава соответствует отдельному княжению. Легенда о призвании варягов рисуется Щербатовым таким образом: «Правление сего сильного града было народное, и является, что по обыкновенным беспорядкам, бывающим в республиках: он подпал под власть ... варягам, то есть народам, жившим у берегов моря Балтийского... Но толь слабый язык, каковы были варяги, не могли долго у себя толь сильный народ в подданстве содержать». Новгородцы восстали и прогнали их. Затем между новгородцами началась междоусобная война, которая «изнурила их». Тогда по совету Гостомысла они и призвали трех братьев. Причины их призвания рисуются рационалистически, исходя из «страстей» и «склонностей» людей, которые всегда одинаковы. Братья были «чужестранцы» и ни в ком не могли возбудить зависти, к тому же, они, очевидно, были «зятья и внучаты Гостомыслу», а этот последний хотел «свое потомство на престол... возвести». «Достойно примечания, — пишет далее Щербатов, — и то, что новгородцы... не дали им неограниченной власти, а единственно токмо препоручили им, дабы они границы от вражеских нападений защищали... Но после Рюрик себе власть сию приобрел» [16]. Отрицательное отношение к «самовластию», к «деспотизму» чувствуется и в следующем замечании Щербатова: «...тогда российские государи не толь самодержавны были, чтобы их образом божества, или земными богами почитали» [17].

Книга третья охватывает период от крещения Руси до Ярослава Мудрого включительно и разделена на три главы (по княжениям). Представляет интерес наблюдение Щербатова о том, что крещение русского народа шло по-

---

[14] См. М. Щербатов. История Российская, т. I, стр. 117.
[15] См. там же, стр. 192.
[16] Там же, стр. 187.
[17] Там же, стр. 225.

степенно и встречало сопротивление простых людей. Объясняет он это непросвещенностью народа, его слабостями, которые извечно ему присущи. «Толикая есть слабость человеческая, что ни в чем умеренности иметь не может, или злобен, как лютый зверь питается кровью, и утешается страданиями других, или кроток, как агнец, до преступления почти можно сказать кротость свою простирает» [18].

Том второй охватывает период от смерти Ярослава Мудрого и разделения Руси на уделы до татаро-монгольского нашествия. Как и первый том, он состоит из одного фолианта, который включает три книги — четвертую, пятую и шестую. Название «книга» как в первом томе, так и в последующих соответствует нашему понятию о части или разделе. Книги делятся на главы по княжениям. Книга четвертая посвящена второй половине XI в., пятая — периоду от Владимира Мономаха (центральная тема этой книги) до Юрия Долгорукого, наконец, шестая — от Андрея Боголюбского до нашествия Батыя и покорения русских земель. Обращает на себя внимание решение Щербатовым трех очень важных для русской истории вопросов: причины разделения Руси на уделы, следствия этого разделения и причины поражения русских княжеств от татаро-монголов.

Разделение Руси на удельные княжества Щербатов объясняет необходимостью обороны границ, «дабы всегда присутствующими государями снабдить границы» [19]. Этим же, по мнению Щербатова, определилось и то, что престол в княжествах переходил не к детям, а к братьям — нужны были взрослые мужчины, воины, которые смогли бы возглавить оборону границ. Эти соображения Щербатова в некоторой степени предвосхищают теорию Соловьева о «лестничном восхождении». Первоначально, считает Щербатов, это имело положительное значение, так как князья «во всем том, что касалось до общего блага и великой важности было, в том они все с общего согласия поступали» [20]. Однако впоследствии это привело к распрям, междоусобицам и разорению России, «долго скрывающийся огнь зачало испускать» [21].

---

[18] М. Щербатов. История Российская, т. I, стр. 280—281.
[19] Там же, т. II, стр. 4.
[20] Там же, стр. 5.
[21] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 7.

Каковы же причины этого? — ставит вопрос Щербатов и находит чисто рационалистический ответ. Распри и междоусобицы между князьями происходили в результате их непросвещенности, эгоизма, непонимания общей пользы. В результате перехода престола в княжествах от брата к брату «российский народ не имел особливой обязанности к своему государю» [22]. Наконец, одну из важнейших причин междоусобиц и разорения русских земель Щербатов видит в «излишней вольности народа». «Самая вольность народная драгоценнейший дар для человечества... быв во зло употреблена, единою из причин разорений России была. Народ, хотя подданный своему государю, но не весьма утвержденный в законах, часто мнил иметь право избирать себе государей... В Новгороде частые возмущения народные, и согнания их князей, нередко крайние замешательства в сем княжении чинили» [23].

Значительный интерес представляет анализ Щербатовым причин поражения русских войск в борьбе с татаро-монголами. С легкой руки Милюкова в историографии утвердилось мнение, что основной причиной поражения русских Щербатов считал их «чрезмерную набожность». На самом деле Щербатов довольно всесторонне рассматривает этот вопрос и близко подходит к правильному решению вопроса. В качестве причин поражения он выдвигает междоусобия князей, отсутствие у русских регулярного войска и плохую подготовку жителей военному делу, превосходство военного искусства татар и их военной техники. И лишь в последнюю очередь им рассматриваются суеверие жителей и влияние церкви как причины поражения русских. Землетрясения и другие природные явления, казавшиеся жителям плохим предзнаменованием, «в крайнюю робость сии непросвещенные народы привели». «...Дух неумеренной набожности вселился в сердца князей российских... неправо разумея должности закона христианского в суеверии и бесноверие впали, преставая иметь попечение о всем том, что мирским и тленным называли; но единственно стремились к вечной жизни, якобы и самое защищение себя было противоборство воли господней, и якобы защищение отечества не должность

---

[22] Там же, стр. 257.
[23] Там же.

была христианского закона». Особенно же достается монахам и церковникам, которые «лезли» в мирские дела и мешали, по его словам, обороне родины. «Монахи же и духовный чин сии мысли паче утверждали, и вкрадшись в мирское правление, яко тогда видно, что во всякие дела епископы мешались, можно сказать твердость и великодушие отовсюду прогнали, а на месте того дух монашеский вселился»[24]. Как видим, эта оценка роли церкви стоит в полном согласии с характеристикой церковников Вольтером и другими просветителями. Эта характеристика красной нитью пройдет через всю историю Щербатова и его публицистику.

И даже в тех случаях, когда представители церкви занимали, по мнению Щербатова, правильную позицию в «мирских» политических делах, он тем не менее предупреждает об опасности предоставления церкви слишком большого политического влияния. Так, высоко оценивая деятельность митрополита Петра, Щербатов тем не менее, оговаривается: «Великое дело, но опасное к подражанию; ибо не всякий сию власть имеющий толико преисполнен добродетели будет каков был сей, и всегда странно есть, когда царский венец в делах гражданских покоряется епископской митре»[25].

В чем же причины такой «неблагосклонности» Щербатова к церкви и по существу отрицательной оценки ее роли в истории? Для просветителей церковь — тормоз прогресса, источник суеверий и заблуждений человечества, противостоящий разуму человеческому, церковь — символ всего отсталого, косного, что тянуло людей назад к ненавистному средневековью. Щербатов исходит из совершенно других соображений. У него нет ненависти к средневековью, более того, некоторые явления далекого прошлого вызывают его симпатию, особенно большая политическая роль удельных князей и боярства, их, как он думает, определяющая роль в судьбах страны. При каждом удобном случае он подчеркивает, что великие князья в древности не были неограниченными монархами, что их власть была ограничена советом «лучших мужей». Он последовательно проводит идею, что союз великокняжеской власти и боярства и есть идеал политического устройства. Когда этот союз действовал, он давал самые благо-

[24] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 574—575.
[25] М. Щербатов. Соч., т. III, стр. 254.

творные результаты. Если же он по каким-либо причинам нарушался, это приводило к бедствиям, к разорению страны, к великим несчастьям. Церковь в этой концепции была абсолютно не нужна, она была лишь соперником боярства как по своему политическому влиянию, так и по своей экономической мощи. Отсюда простой вывод: церковь должна играть второстепенную, служебную роль, как только церковь начинает претендовать на политическое влияние, это грозит самыми печальными последствиями.

Третий том охватывает период от покорения русских земель татарами до вокняжения Дмитрия Донского, то есть до первой крупной победы русских войск над татаро-монголами, положившей начало освобождению России. Он состоит из двух книг, а вернее разделов, седьмой и восьмой. Седьмая книга посвящена истории России от покорения ее татарами до Ивана Калиты, а восьмая — от Ивана Калиты до Дмитрия Донского. Тому предпослан источниковедческий обзор, в котором Щербатов, в частности, дает весьма нелестную характеристику степенных книг за их клерикальную направленность. Щербатов считает, что цель их «частым повторением чудес, примером подвигов святых, вмещенными молитвами и увещаниями государей и народ в вящее повиновение духовенству привести»[26]. Книги (разделы) делятся на главы, по великим княжениям. Прагматический рассказ о политических и главным образом внешнеполитических событиях перемежается с рационалистическими рассуждениями о причине тех или иных явлений. И если в изложении фактического материала он полностью следует за известиями летописей и степенных книг, то его рационалистические рассуждения дают ему возможность иногда глубже проникнуть в суть явлений. Так, выясняя обстоятельства военных действий между русскими и татаро-монголами, Щербатов задумывается над вопросом о том, почему Батый не дошел до Новгорода, и выдвигает четыре причины: 1) усиление отпора со стороны русских; 2) увеличение татарских обозов, затруднявшее движение войск; 3) боязнь объединения князей и 4) (эту причину Щербатов выдвигает предположительно) неурядица и борьба за власть на родине самих татаро-монгол.

---

[26] М. Щербатов. Соч., т. III, стр. 84.

Главы обычно кончаются субъективно-психологической характеристикой великих князей — мудр, храбр, умен, хитер, честолюбив, набожен и т. д., в чем, несомненно, сказалось влияние степенных книг. Том заканчивается приложением из документов — духовных и договорных грамот княжеских, церковных документов.

Начиная с четвертого тома структура «Истории Российской» Щербатова меняется. Обилие источников, включение актового материала, сложность исторических явлений и их политическое звучание заставили Щербатова дать другую структуру.

Четвертый том охватывает период от Дмитрия Донского до начала царствования Ивана Грозного (1362—1533 гг.). Его основная тема — борьба с татаро-монгольским игом и установление единодержавия в России. Том делится на три части, причем каждая часть, по нашему понятию, составляет отдельный фолиант или книгу. Часть первая посвящена истории России от Дмитрия Донского до Василия Васильевича Темного включительно (1362—1459), часть вторая — княжению Ивана III и Василия III (1462—1533 гг.). Наконец, часть третья — это целый отдельный том — является документальным приложением ко всему периоду. Он представляет собой богатейший сборник документов, извлеченных Щербатовым из архивов и впервые введенных в научный оборот.

Части, в свою очередь, делятся на книги, т. е. разделы, причем каждая книга полностью соответствует части, книга девятая — части первой, книга десятая — части второй. Совершенно очевидна здесь непродуманность схемы Щербатова. Новый материал заставил его внести новую структуру и новое понятие «часть», но он не смог отказаться и от старого деления и названия «книга», поэтому они присутствуют оба, полностью совпадая друг с другом. Части или книги делятся на главы по великим княжениям. От такого деления Щербатов был не в силах отказаться. Это имело своим следствием диспропорцию материала по главам.

Центральное место в этом томе занимают княжения Дмитрия Донского и Ивана III, а центральной темой является борьба с татаро-монголами и освобождение от татаро-монгольского ига. Чрезвычайно высоко оценивая этих двух деятелей русской истории, Щербатов основную заслугу их видит в том, что они сумели объединить во-

круг себя удельных князей и боярство, опираясь на них, делили с ними власть для «общей» пользы. В этом союзе, который был достигнут не борьбой и кровопролитием, а, как ему кажется, свободным волеизъявлением, благодаря пониманию общих интересов и задач, заключается, по словам Щербатова, источник великих успехов русского государства.

Дмитрий Донской, пишет Щербатов, «ненавистник распрей и раздоров, всегда старался согласием своим с другими российскими князьями в совершенном мире пребывать, и толь твердо хранил слово, что от всех себе поверенность и любовь приобрел»[27]. Ему удалось разгромить Мамая только потому, что он сумел объединить русских князей и бояр лаской, заботой, награждениями.

Высокую оценку Щербатова получает Иван III, «который первый положил основание величеству России, и все сие без великих кровопролитий»[28].

Осуждая распри между князьями и боярами, Щербатов всегда находит для них оправдание — слабость власти, ее несправедливость, те или иные обиды. И даже отъезд бояр от великого князя в тяжелое для страны время или неучастие в общей борьбе против татаро-монгол находят оправдание у Щербатова. Вместе с тем, даже Дмитрия Донского и Ивана III он осуждает, когда они выходили из «пределов своей власти» и допускали «несправедливость» по отношению к феодалам. Так, суровую отповедь получает у него Дмитрий Донской. «Видно, что учиненное укрепление Москвы произвело в великом князе мысли честолюбия и самовластия... почитал уже себя безопасным от прочих удельных князей, и, оградя каменною стеною град свой, начал полагать великую надежду на его укрепления, разрушая ту крепость, которая есть превышающая все, то есть поверенность своих союзников и добрую верунарушение коих во всю жизнь его ему беспокойства наносило; он стал требовать, чтобы все российские князья ему беспрекословно повиновались, на желающих же содержать свои правы зачал разные нападения делать»[29].

За это же он критиковал и Ивана III: «Не является,

---

[27] М. Щербатов. История Российская, т. IV, ч. 1, кн. 10, стр. 236.

[28] М. Щербатов. Соч., т. IV, ч. 2, кн. 10, стр. 367.

[29] М. Щербатов. Соч., т. IV, ч. 1, кн. 9, стр. 25.

чтобы он строгий был наблюдатель слова своего в сочиняемых договорах с чуждыми областьми»[30].

Положительно оценивая роль церкви в борьбе с татаро-монголами, особенно в княжение Дмитрия Донского, Щербатов, однако, хвалит духовенство особенно за то, что, обладая большим моральным авторитетом, церковь, не претендовала на политическую власть. «К похвале российского духовенства можно сказать, что оно весьма редко таковую власть во зло употребляло, но всегда быв зависима от государей, властию своею, лишь власть монаршую подкрепляло и без роптания лишалось оныя, когда примечено стало, что оная во зло может употребиться»[31].

Особый интерес для оценки политической тенденции «Истории Российской» Щербатова и анализа его исторической концепции представляет том V, посвященный царствованию Ивана Грозного. Первоначально Щербатов предполагал довести его до избрания на царство Василия Шуйского. На титульном листе тома V, ч. 1, вышедшей в 1786 г., хронологические рамки тома определены именно так. Обилие материала заставило его ограничить конечную грань. На титульном листе части 2 пятого тома, вышедшей в 1789 г., уже значится — от «начала царствования до кончины царя Федора Иоанновича». И только на титульном листе части 3 и 4 пятого тома, вышедших в одной книге в том же 1789 г., окончательно определена конечная грань тома — кончина Ивана Грозного. Это подтверждает нашу мысль о том, что периодизация и структура книги не имели для Щербатова принципиального значения. Они вырабатывались уже в ходе работы над источниками, менялись и имели подсобный характер: как лучше и удобнее расположить материал. Это вовсе не снимает значения предложенной Щербатовым схемы. Для него она имела служебное практическое значение. Но в процессе работы он эмпирическим путем нащупал важные исторические грани, что оказало влияние на последующее развитие исторической науки.

Как видно из предыдущего, пятый том разбит на четыре части, а не на две, как считал и Милюков, и последующие исследователи исторических работ Щербатова. Сохраняет Щербатов и старую терминологию — книга,

---

[30] М. Щербатов. История Российская, т. IV, ч. 2, кн. 10, стр. 366.

[31] М. Щербатов. Соч., т. IV, ч. 1, стр. 17.

которая полностью соответствует части и не имеет никакого значения. Делению пятого тома на части Н. Л. Рубинштейн также придает принципиальное значение. Он считает, что Щербатов царствование Грозного разбил на два периода, каждому из которых соответствует самостоятельная часть. Такими периодами являются, по его мнению, период избранной рады и период опричнины. «И это деление, — заключает Н. Л. Рубинштейн, — надолго определит в историографии трактовку Ивана IV, повторяясь и у Карамзина, и у Погодина, и позже у Иловайского, и многих других»[32]. Как ни соблазнительна подобная трактовка, но мы должны признать, что такой четкой периодизации царствования Грозного у Щербатова нет.

Царствование Ивана Грозного делится у Щербатова не на два, а на три периода, каждому из которых соответствует самостоятельная часть (четвертая часть, как мы отмечали, посвящена публикации документов ко всему тому). В основу разделения этого царствования Щербатовым кладутся крупные внешнеполитические события: первая часть — от начала царствования Грозного «до покорения царства Астраханского», вторая часть — «от покорения Астрахани до начала завоевания царства Сибирского» и часть третья — «от покорения Сибири» до смерти Ивана Грозного. Но если отвлечься от этой формальной разбивки на части, то можно согласиться с Н. Л. Рубинштейном, что известное противопоставление одного периода правления Грозного другому в тексте имеется и в основе этого противопоставления лежит центральная политическая идея истории Щербатова — показать политическую роль боярства, раскрыть значение союза между великокняжеской или царской властью с боярством и отрицательные последствия разрушения этого союза. Части или книги, как и раньше, делятся на главы. Но принципиального значения это деление, на наш взгляд, также не имеет. Оно носит чисто формальный и служебный характер, а часть третья вовсе не делится на главы.

Основная тема пятого тома — борьба самодержавия с боярством. Это было, последовательно доказывает Щербатов, результатом злоупотребления неограниченной властью Иваном IV и установления «самовластия» или «деспотизма» в России.

---

[32] Н. Л. Рубинштейн. Ук. соч., стр. 133.

Разрыв между самодержавной властью и боярством намечается, по мнению Щербатова, уже с первых лет правления Ивана IV. Основную причину этого Щербатов видит в личных качествах Грозного, в его воспитании. «Царь... был с природы строг; смущения, бывшие между бояр в младых его летах, к пролитию крови его приучили, и внутренно он большую часть бояр ненавидел» [33]. Самая большая вина бояр, по его мнению, заключается в том, что они в детские годы царя «не радили о его воспитании и не внушали ему, что меч от бога вручен самодержцам не для безрассудного употребления, но токмо для наказания... что государь должен быть скор жалевать, но медлителен карать» [34]. Уже во время первых еще немногочисленных казней царь поступал «не яко правосудный судья, но яко раздраженный самовластитель» [35]. Щербатов с возмущением пишет о казни Андрея Шуйского: «Хотя многие прежние наглые поступки и преступления... его конечно достойны всякой казни чинили; однако не могу я без ужаса воззрить на сие первое оказание самодержавия вел. кн. Иоанна Васильевича, в котором боярин именитый без суда, без должного исследования... яко разбойничьим нападением был убиен. Остаток жизни сего государя докажет нам преклонность его к жестокости» [36].

Стремясь быть правдивым и объективным, Щербатов признает некоторую вину и за боярством: «...Бояре, пользуяся младостию сего государя, многожды таковые наглости делали, и толь во всяких вещах на власть монаршу наступали, что по справедливости, из детских лет ожесточа сердце сего государя, учинили впредь пагубу себе» [37].

Однако в каждом конкретном случае боярской «наглости» и «своевольства» Щербатов стремится найти им оправдание.

Так, освобождение Владимира Андреевича Старицкого он оправдывает тем, что боярам нужно было иметь противовес против «самовластительства Ивана IV, ибо они-де предвидели неизбежность борьбы с ним» [38]. А от-

---

[33] М. Щербатов. История Российская, т. V, ч. 1, стр. 431.
[34] Там же, стр. 204.
[35] Там же, стр. 458.
[36] Там же, стр. 183.
[37] Там же, стр. 163.
[38] Там же.

каз бояр присягнуть малолетнему сыну Грозного во время болезни царя вызывает полное оправдание Щербатова: «Подъятые ими труды, раны и подвиги во всех войнах, служащих к расширению России и к славе государевой, суть непреоборимые свидетели любви их к отечеству и верности к царствующему государю; но, яко рожденные советники царские и блюстители безопасности престола, хотели или от слабого правления во время малолетства избежати, или возвратить престол в такое колено, в коем бы никакого сумнения о рождении не было» [39]. Как видим, сурово обвиняя царя, Щербатов не останавливается ни перед какими натяжками и домыслами, чтобы оправдать бояр.

Однако в первый период правления Грозного, считает Щербатов, разрыв между властью и боярством не был еще полным и окончательным. Царь еще опирался на бояр, прислушивался к своим советчикам, считался с избранной радой. «Обычай был весьма похвальный тогда в России, что государи никакого знатного дела не предпринимали без совета своих родственников и бояр: тут часто верность к отечеству и государю превозмогала подобострастие к самодержавному монарху, и сии почтенные советники дерзали против намерений государя спорить» [40]. Этим и объясняет Щербатов внешнеполитические успехи России в первый период правления Ивана Грозного.

После покорения Астрахани и ликвидации избранной рады начинается, по мнению Щербатова, полный разрыв самодержавия и боярства, преследование последнего, беспричинные жестокие казни, что имело пагубные последствия для государства. Причины этого Щербатов ищет в личных качествах монарха, в его склонности «к распутной жизни» и пьянству. «Сам же государь, быв сурового с природы нрава ... во исступлении пьянства мнил дело глубокие политики, истребить всех тех, которые могли ему какое сумнение наводить» [41].

Все это привело к падению нравственности, к «уподлению» людей, к вкоренению робости, раболепства, страха и трепета. «...Умолкли тогда Российские писатели, угасли разумы, и страшился человек, чтобы мысли и сновидения его наказаны не были... Бодрость духа, любовь к оте-

[39] М. Щербатов. История Российская, т. V, ч. 1, стр. 456.
[40] Там же, стр. 312.
[41] М. Щербатов. Соч., т. V, ч. 2, стр. 93.

честву, и верность к государю мечом и казнями были истреблены, а занимал их место страх и трепет. Царь, ежедневно проливая кровь своих подданных, к ним в недоверенности был; а подданные, в робости пребывая, ни верности, ни усердия к нему не имели. Войска ослабели, лишась лучших своих начальников»[42].

Причины поражений в Ливонской войне Щербатов видит в «напрасной захватчивости и гордости государя» и в бесконечных казнях. «Се есть плоды самовластия, — заключает Щербатов, — разрушающие силу государства в самом ее начале»[43]. Два мероприятия Грозного находят одобрение Щербатова: ограничение церковного землевладения и затруднения переходов крестьян. Несмотря на ненависть к царю, Щербатов остался верен своей крепостнической и антицерковной направленности.

Шестой том «Истории Российской» Щербатова посвящен царствованию Федора Иоанновича. Он имеет уже несколько отличную структуру по сравнению с предыдущими. Он опубликован в одной книге (книга четырнадцатая), — как видим, название «книга» уже соответствует не части, а тому и состоит из двух частей. Первая часть — до смерти царевича Димитрия, вторая часть — до смерти царя. В конце тома (книги) помещены документальные приложения без выделения их в самостоятельную часть. Деления на главы в этом томе нет.

Центральное место в этом томе занимает, кроме прагматического изложения событий, освещение борьбы Годунова с боярством. Признавая ум, трудолюбие и другие положительные качества Годунова, Щербатов тем не менее относится к нему резко отрицательно. Он видел в нем временщика, фаворита, любимца царя и, рисуя Годунова самыми неприглядными чертами, он стремится доказать своим современникам вред фаворитизма для государства. «Сей Годунов был человек, сполненный честолюбия, коварный, захватчивый, мстительный, и ничего священным не почитающий, лишь бы что могло его довести до конца его намерений»[44]. Во всех бедах и невзгодах русского государства он винит Годунова, а в борьбе его с боярством Щербатов полностью на стороне боярства.

---

[42] М. Щербатов. Соч., т. V, ч. 2, стр. 287—289.
[43] М. Щербатов. Соч., т. V, ч. 3, стр. 45.
[44] М. Щербатов. Соч., т. VI, кн. 14, стр. 2.

Великим благом для русского государства было то, пишет Щербатов, что Годунов не сумел окончательно победить бояр, сломить боярскую думу. «...Находил еще Годунов великую себе преграду в честолюбии и соединении бояр, которые... не взирая на гонения... еще перевешивали его власть» [45].

Для его политической позиции весьма характерно, с одной стороны, осуждение правительства за «захватническую» внешнюю политику, которая была непосильна для страны, а с другой стороны, он упрекает правительство за то, что оно не могло подчинить себе донских казаков, что было чрезвычайно вредно, по словам Щербатова, так как Дон был источником смут внутри государства и местом, куда бежали крестьяне от помещиков.

Том седьмой (книга пятнадцатая) посвящен смутному времени — царствованиям Бориса Годунова, Лжедмитрия и Василия Шуйского. Он состоит из трех частей, опубликованных в двух книгах. Часть 1 посвящена периоду Бориса Годунова, часть 2 — Лжедмитрию и Василию Шуйскому и часть 3 представляет собой документальные приложения. Части разделены на главы, делящие материал в хронологическом порядке.

Из всех трех царей этого времени только Василий Шуйский вызывает симпатии Щербатова, как царь боярский, правивший страной по совету с «лучшими мужами». Он был достоин, по словам Щербатова, большего счастия, чем имел.

Из общеисторических проблем заслуживает большого внимания решение в этом томе двух вопросов, которые раскрывают суть политической позиции Щербатова. Прежде всего, это оценка крепостного права. Отмена юрьева дня, введение заповедных лет, а затем и полное запрещение переходов крестьян встречают одобрение Щербатова: «...самое стеснение их свободы есть драгоценный для них дар, отнимающий у них способы из места в место переходить и нигде твердого не уставить себе жилища и не основать своего благоденствия... самым сим государство получило пользу, непременным пребыванием крестьян на их местах и вечною привязанностью людей к их господам» [46].

---

[45] М. Щербатов. История Российская, т. VI, кн. 14, стр. 190.
[46] М. Щербатов. Соч., т. VI, ч. 2, стр. 149.

Весьма интересно решение Щербатовым другого вопроса — о причинах народных восстаний и политической смуты в российском государстве в начале XVII столетия. Этому вопросу он посвятил специальный параграф под заголовком «Размышление о сем буйстве народа». В своей «Краткой повести о бывших в России самозванцах», вышедшей в 1774 г., он ищет решение вопроса в психологии народных масс, в «склонности их к буйству». В последнем томе своей истории Щербатов уже ближе подходит к правильному решению вопроса. Не оставляет он и психологической трактовки: «Можно сказать, что духом возмущения и буйства весь народ российский так был заражен, что каждый особливо искал только случая новые неустройства и смущения соделывать, дабы чрез то мнимое благополучие себе получить»[47]. Однако центр тяжести в выяснении причин политического кризиса и народных восстаний Щербатов переносит на другое, высказав ряд мыслей, которые близко подводят его к правильному решению вопроса. Он выдвигает несколько причин: 1) окончательное закрепощение крестьян вызвало их недовольство и буйство, хотя это и было сделано правительством, по словам Щербатова, в их собственных интересах. Царь Борис «самым сим огорчил крестьян... люди господские, не бывшие никогда подвержены рабству, весьма были огорчены»[48]. Этими указами недовольны были и бояре, «ибо сим установлением лишились они способа населять пространные свои поместья»[49]; 2) незаконное царствование Бориса Годунова, повлекшее за собой «падение нравов» и усиление политической борьбы за власть между различными боярскими группировками и служилым дворянством; 3) трехлетний голод в начале столетия, повлекший за собой грабежи и разбои и развративший народ; 4) «...возведение на престол и все царствование Расстриги было буйство, или, можно сказать, угар народный... Дух возмущения и буйства наиболее в сердца вкоренился»[50]. Особенно неблаговидна, по словам Щербатова, при возведении Лжедмитрия на престол роль дворянства — «все дворянство преданное ему»[51];

---

[47] М. Щербатов. История Российская, т. VII, ч. 2, стр. 148.
[48] Там же, стр. 149.
[49] Там же.
[50] Там же, стр. 150.
[51] Там же, стр. 151.

5) избрание на престол Василия Шуйского еще более усилило смуту: «разрушилась та привязанность, которую подданные к давно пребывающему корню на престоле своих государей имеют»[52]. Правительство Шуйского было слабо, оно заигрывало с боярами, дворянством и народом и этим еще более способствовало усилению политического кризиса. Наибольшее значение, как видим, имеют следующие выдвинутые Щербатовым причины смуты: недовольство народа и бояр закрепощением крестьян, усиление политической борьбы за власть среди боярских группировок в связи «с пресечением Рюрикова дома» на русском престоле и вредная и неправильная позиция «поместного дворянства», которое вместо исправного служения включилось в политическую борьбу. Эта последняя мысль об отрицательной роли дворян особенно важна для Щербатова, он склонен даже свалить всю вину на дворянство, которое вмешалось не в свои дела. Но проводит он эту мысль очень осторожно, не договаривая, так как, очевидно, понимал, что эта мысль, откровенно и прямо высказанная может вызвать возмущение у потомков служилых дворян. Он ее формулирует очень осторожно: «Дворяне, которые составляли по поместной службе силу государства, не быв сдержаны боярами, ослабели и леностно стали служить службу, а от самого сего зло сие до крайности дошло»[53]. Но при конкретном изложении событий он не скупится на самые нелестные характеристики представителей служилого дворянства.

Таково в общих чертах содержание «Истории Российской» Щербатова.

Из более поздних эпох особенное внимание Щербатова привлекало время Петра Великого. Ему он посвятил ряд работ публицистического характера. Особенно характерна статья «О пороках и самовластии Петра Великого». Щербатов дает противоречивую и двойственную оценку петровским преобразованиям. С одной стороны, он признает их полезность и необходимость, они на двести лет, по его подсчету, ускорили развитие России. С другой стороны, он не может примириться с падением «роли знатных родов» и выдвижением служилого дворянства, которое оттеснило на задний план боярскую

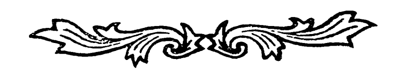
---

[52] М. Щербатов. Соч., т. VII, ч. 2, стр. 151.
[53] Там же.

знать. Именно поэтому «повреждение нравов в России» Щербатов ведет от петровского времени.

«История Российская» Щербатова вызвала резкие критические замечания другого историка XVIII века — И. Н. Болтина, человека с более широким кругозором и более цельным взглядом на исторический процесс. Щербатов ответил на них. Между ним и И. Н. Болтиным завязалась полемика, причем только ответы Щербатова занимают два больших тома. Щербатов согласился со многими замечаниями, по другим высказал свои соображения, свидетельствующие о росте его опыта и квалификации как историка, однако ничего нового в историческую концепцию он уже внести не смог.

«История Российская» М. М. Щербатова — крупное явление в исторической науке XVIII века. Эмпирическим путем Щербатов наметил важные исторические вехи и периоды, что имело положительное значение для развития науки. Огромный фактический материал, собранный Щербатовым, систематизированный и прагматически изложенный, облегчил работу последующим историкам. Сложность исторической концепции Щербатова, его стремление увязать историю государственной власти с историей боярства была шагом вперед по сравнению с его предшественниками. Исторические труды М. М. Щербатова в большей степени отразили сложность самого исторического процесса. Однако узость его классовой позиции, дворянская ограниченность мировоззрения и уровень развития науки помешали ему объективно и всесторонне осветить исторический процесс. Реальные исторические связи остались ему неизвестными. Совершенно очевидна политическая направленность истории Щербатова. Защитить классовые дворянские интересы, утвердить господствующее положение феодального класса — таков подтекст этой «Истории», ее классовое содержание.

Глава вторая

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА М. М. ЩЕРБАТОВА

I. Дворянство, его сословная организация и права

1

Щербатов принадлежал к той группе русских мыслителей, которые выдвинули на первый план вопросы социальные и экономические. Уже сам по себе этот факт свидетельствует о тех крупных сдвигах, которые происходили в общественной жизни русского общества. Центральной проблемой социальных воззрений Щербатова является проблема дворянства — всесторонняя защита и утверждение его экономических и политических сословных привилегий. Причем, его социальная программа отличается своей последовательностью, страстностью и непримиримостью.

Обострение классовых противоречий между дворянством и крестьянством, столкновения между различными группировками дворянства — все это наложило отпечаток на его взгляды.

Щербатов является одним из первых идеологов дворянства, который понял опасность для дворянства новых явлений социально-экономического развития и попытался выработать такую программу, которая отражала бы его интересы в новых исторических условиях. В отличие от

своих предшественников, Щербатов понимал, что объяснить сложные явления общественной жизни «волей божией» и «установлением господним» уже недостаточно, и попытался подвести под свою социальную позицию более солидный теоретический фундамент. Он ставит большую социальную проблему — о происхождении неравенства и сословного строя — и решает ее на основе рационализма, опираясь в своих суждениях на «новых философов» или вступая в полемику с ними.

Между 1783—1785 гг. написана одна из основных статей, посвященная обоснованию дворянских привилегий,— «Размышления о дворянстве». В ней он стремится: «1) показать химеру равности состояний новых философов; 2) доказать полезность государств в сохранении дворянского корпуса; 3) изыскать колико возможно пропорциональную черту людей, где право дворянское поставлено быть должно» [1].

В своих рассуждениях он исходит от принципа «естественного права», признающего первоначальное равенство людей. «Мы не можем сомневаться, чтобы все мы не от единого нашего праотца Адама и потом от Ноя произошли; и потому все суть братия, и все суть ровно благородны» [2]. Однако это равенство весьма условно и скоротечно, по мнению Щербатова, ибо люди явились на свет с разными дарованиями, разными способностями, с различной наружностью и различным «внутренним расположением». Таким образом, в природе нет равенства. Для доказательства этого положения Щербатов обращается к Лейбницу: «Лейбниц во изыскании естественных вещей и самого единого роду не нашел ни одной подобной другой, многие мудрые люди, рассматривая физиономии человеческие, ни одну другой совершенно подобной не обрели» [3].

«Разность» во «внутренних расположениях человека» еще больше, «а посему почти неоспоримого истиною можем поставить, что несть ни единого человека — совершенно подобного другому во внутренних своих расположениях, а где несть такого подобия, тут нет и равенства». Из всего этого Щербатов делает безапелляционный вывод, что равенства между людьми быть не может, что

[1] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 221—222.
[2] Там же, стр. 224.
[3] Там же, стр. 221—222.

«природа, предупреждая наши суемудрии и располагая порядок общежития человеческого, разными дарованиями разных людей снабдила, яко мудро распределяя единых быть правителями и начальниками, других добрыми исполнителями, а наконец, третьих слепыми действующими лицами»[4].

Не ограничиваясь этим, Щербатов обращается для доказательства своего тезиса — «химеру равности состояний» — к «диким народам», которые «без просвещения скитаются по лесам» и, «управляемые едиными велениями природы», «чувствуют, что совершенной равности между человеком быть не может», а посему избирают себе начальников при «учреждении» даже «малочисленных» своих общежитий[5].

Закономерность личного неравенства доказывается, по мнению Щербатова, и тем фактом, что «люди в различных степенях родства и возраста пребывают», что «при всех равных обстоятельствах уже мнимое равенство людей разрушают»[6].

Доказав таким довольно примитивным путем «химеру» личного равенства, Щербатов выводит из этого и наиболее важную для него мысль, что неравенство может быть и потомственно, что из личного неравенства, характерного для природы и общества, вырастает потомственное неравенство. С этого момента, оставляя все другие «состояния» в стороне, главной его целью становится доказать закономерность потомственности «благородства», закономерность наследственности дворянского достоинства, и общий вопрос о происхождении сословий он суживает до более узкого вопроса о происхождении «благородного сословия».

Огромную и основную роль в создании потомственного неравенства сыграли, по мнению Щербатова, «воспитание и наука». И в этом вопросе Щербатов, как видим, привлекает самые новейшие по тому времени теории, но выводы делает совершенно противоположные. Доказательства Щербатова очень не сложны: личного равенства нет, люди и по своей природе не похожи друг на друга, и по своей внешности, и по своим внутренним качествам, «но если мы, — говорит Щербатов, — еще при-

[4] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 221—222.
[5] Там же, стр. 223.
[6] Там же.

совокупим к тому многие прилагательные качества, которые человек в общежитии через воспитание и науку приобретает, то сие нам докажет, что не токмо не находится личное равенство между человека и человек, но может оно и потомственное быть»[7].

По концепции Щербатова, благородное сословие произошло следующим образом: некоторые люди были выбраны благодаря своему уму, достоинствам и добродетели в начальники, они заслужили любовь и уважение, так что потомство в некоторых случаях обоготворяло их. «Дети и внучата сих благодетелей рода человеческого, поступкам предков своих подражая, тож почтение к себе привлекая, удостоились сыны богов быть именованы, и сие есть начало благородства, ибо не должно думать, чтобы иное кроме благодарности возмогло приклонить людей единого из среди себя, самого и потомства его высшим себя сделать»[8].

Дети этих «благодетелей» рода человеческого получают особое, отличное от всех других людей воспитание. «Они из детства своего навыкали познавать нужды народныя, владычествовать и управлять равными себе»[9].

Дети благородных родителей получают прекрасное воспитание уже и потому, что они собственным своим примером подают им те правила, внушают им те добродетели и те знания, которые необходимы в области управления людьми, обращения с равными, с высшими и с низшими себе. «Вся жизнь благородно рожденного юноши должна быть наполнена беспрерывными наставлениями, учением ли, беседою, или примером для всеяния в сердце и в разум его тех благих семян, кои должны произвести плод полезный отечеству во время свое»[10].

И Щербатов делает окончательный вывод, что «благородство должно быть потомственно», ибо воспитание благородного неизмеримо выше воспитания «низкорожденного», благодаря тому, что только благородный имеет для этого все «удобности и преимущества». Это воспитание, указывает Щербатов, накладывает определенный отпечаток на характер людей, на их склонности и интересы.

---

[7] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 223.
[8] Там же, стр. 224.
[9] Там же, стр. 224.
[10] Там же.

Одна и та же черта характера имеет различное значение и приложение в характерах людей различных классов.

Например, честолюбие благородных людей, указывает Щербатов, «побуждающее человека ко всем благородным подвигам, затмевающее в душе его тягость трудов, жестокость болезни и ужас смерти, есть наикрепчая подпора государств» [11].

Это происходит потому, что благородный имеет примером своих предков, с которыми желает сравниться в доблести, которых он постоянно вспоминает и достойным которых «учинить себя стремится».

Совершенно другое, по мнению Щербатова, честолюбие «низкорожденных», «честолюбие подражательное благородным или почти можно сказать, завидливое». К своей цели «низкорожденный» идет не «прямыми путями добродетелей», а путями лжи и обмана.

Щербатов признает, что и среди неблагородных могут быть и добродетельные и способные люди, однако они «побудительных причин имеют меньше», не имеют тех условий для воспитания, какие имеют благородные [12].

В результате особого воспитания, передачи добродетелей в потомство, дворянство приобрело особый нравственный облик, по словам Щербатова, особые высшие нравственные качества. «Дворянство есть нарицание в чести», «дворянство от чести происходит и честью содержится», только дворянству присущи, как «мокрота воде, а горячность огню, благородное честолюбие», «источник дворянства — потомственная добродетель», — постоянно повторяет Щербатов [13].

Особый интерес представляет вторая сторона аргументации Щербатова. Считая государственную власть наиболее активной и творческой силой исторического процесса, Щербатов вместе с тем стремится доказать нерасторжимую связь государства и дворянства. Дворянство в его концепции является неотделимой частью государственной власти, без которого эта последняя не может осуществить своей руководящей роли. По словам Щербатова, существование корпуса дворянского есть непременное условие существования всякого самодержавного государства. Без дворянства самодержавное государство

[11] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 227.
[12] См. там же.
[13] Там же, стр. 57, 61, 395.

продержаться долго не сможет. Причем дворянство «необходимо нужно», именно как «корпус», как сословие, тщательно отделенное от всех других состояний людей, наделенное очень большими привилегиями и тесными узами связанное с самодержавным правлением.

В одном из самых своих последних произведений «Рассмотрение о вопросе — могут ли дворяне записываться в купцы» Щербатов выдвигает именно эту сторону вопроса. Дворянство, доказывает Щербатов, получило свое бытие от самодержавного государства, но в то же время оно является непременным условием его существования.

Монархи, указывает Щербатов, постепенно превратились из «отцов отечества» в самовластителей, «...подвергших своей власти все законы и благо народное»[14]. Поэтому теперь, когда они противопоставили себя народу, поставили себя над народом, им нужна стала сила, которая поддерживала бы их. Они окружили себя «воинством», но «колико они воинами не суть окружены, колико не возвышены пред другими... не могли они не представить себе, что оруженосцы, окружащие их, суть или также граждане, или не суть довольно многочисленны, дабы зависти или озлоблению народному сопротивляться. Почли разделение чинов в государстве, яко вернейший способ отвратить какое соединение, противу власти их соделанное, ибо кем строптивым разсеяние зломыслия и козней, ибо несоединенные сословия труднее соединить в одни мысли, нежель то сословие, которое все одно без всякой отличности единое все составляет»[15].

С этой целью и было создано дворянство. Оно было отделено от других сословий, а тем самым «непосредственно стали привязаны к короне, яко ко источнику их блаженства»[16]. Вывод нам известен: дворянство «необходимо нужно для силы и безопасности государя», оно «учиняет подкрепление его престола и власти». Таким образом, чтобы сделать необходимый для него вывод, Щербатов пускается в довольно рискованное рассуждение — основную роль в происхождении сословий и в возникновении дворянства он отводит «самохотению, или, лучше сказать, злоупотреблению власти монаршей», и

---

[14] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 140.
[15] Там же.
[16] Там же.

лишь второстепенную роль «другим необходимым потребностям».

В доказательство этой мысли Щербатов цитирует «единого писателя» Бодена: «Каждое государство тем есть тверже, когда оно утверждается на знатных и достойных фамилиях, яко на твердых и непоколебимых столбах, которые бы не могли снести тягость великого здания, если бы были слабы, хотя и в величайшем числе» [17].

По мнению Щербатова, величие таких государств, как Франция и Испания, «есть основано на знатных родах» [18].

Большинство дворянских депутатов в Уложенной комиссии и писателей второй половины XVIII века, стоявших на дворянских позициях, в обосновании дворянских привилегий выдвигали свой главный и излюбленный аргумент — исторические заслуги дворянства перед отечеством. Он занимает немаловажное место и в системе доказательств Щербатова. Щербатов упорно и настойчиво доказывал, что все, что имеется в России, составляет настоящее ее величие «есть создание рук благородного сословия». Дворянство освободило Россию от татарского владычества, дворянство помогло первым русским царям создать прочное могучее государство, оно освободило Россию от самозванцев и от польского нашествия. Дворянство не щадило своих сил при усмирении бунтов. «Усердию благородных», по мнению Щербатова, Россия обязана успешным проведением петровских преобразований. 21 сентября 1767 г. Щербатов впервые выступил в Уложенной комиссии с красноречивым восхвалением дворянских заслуг. Эту речь, направленную против выступления депутата Якова Козельского, Щербатов, как отмечено в дневной записке заседания, «говорил и окончил с крайним движением духа, что по произношению его голоса приметить было можно» [19].

В этой своей речи Щербатов выдвигает два основных положения, которые с этого времени не сходят со страниц его произведений: во-первых, русское дворянство в своей совокупности очень древнего и знатного происхождения, и, во-вторых, русское дворянство оказало огром-

---

[17] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 95.
[18] Там же.
[19] «Сб. ИРИО», т. IV, стр. 143.

ные услуги отечеству, чем и объясняется в основном привилегированность дворянского корпуса.

Никакого сомнения быть не может, говорил Щербатов, что русское дворянство очень родовито, в своих рядах оно имеет потомков великих и удельных князей, знаменитых «своими деяниями» бояр, потомков Рюрика и Владимира Мономаха, потомков царствующих иностранных государей. Русское дворянство «в непрерывное течение многих веков услуги ей (России. — *И. Ф.*) свои показали... Свидетель будь мне дрожайшее отечество, — восклицает Щербатов, — в услугах тебе учиненных от верных твоих сих древних фамилий дворян. Вы будете свидетели мне, самые те места, где мы по воле нашей монархини, матери отечества, для нашего благополучия собраны. Не вы ли были во власти хищных рук? Вы, божественные храмы, не были ли вы посрамлены от иноверцев? Кто же в гибели твоей Россия тебе руку помощи подал? То верные твои чада, древние Российские дворяне! Они, оставя все и жертвуя свою жизнь, они тебя от чуждого ига освободили, они тебе прежнюю вольность приобрели! Мне мнится зреть еще текущу кровь достойных сих мужей, напоминающих их потомкам тоже исполнять и также жертвуя своей жизнью отечеству, как они учинили»[20].

Нисколько не считаясь с историческими фактами, или тенденциозно их подбирая, Щербатов упорно повторяет, что благополучие России создано древними дворянскими родами. Таковы несложные «теоретические» аргументы, которые Щербатов приводит в защиту и обоснование прав и привилегий «благородного» сословия.

2

Защита Щербатовым интересов дворянства ведется по четырем основным направлениям: во-первых, ограждение дворянства от проникновения в его среду недворянских элементов; во-вторых, по линии консолидации сил дворянства путем организации дворянского самоуправления; в-третьих, по линии защиты дворянских экономических интересов и, в-четвертых, отстаивание главенствующей роли дворянства в государственном аппарате, в армии и флоте.

---

[20] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 88.

Наибольшую тревогу у Щербатова вызывало проникновение в дворянское сословие лиц недворянского происхождения, и прежде всего выходцев из купечества, «оподление» дворянства, как он говорил. Критика сложившейся практики пожалования богатых купцов дворянским званием — постоянная тема, волновавшая Щербатова на протяжении всей его общественной деятельности. Это лейтмотив всей его публицистики. Впервые он очень тревожно зазвучал в 1767 г. в проекте Наказа депутату Ярославского дворянства и с этого момента не сходил со страниц его произведений.

Дворянское звание, писал Щербатов неоднократно, есть драгоценное звание, его нужно давать «не за деньги, но за пользу государственную, не за пороки, но за добродетель»[21].

Между тем в России, с горечью указывал Щербатов, «пронырство и шильничество прелагаемым на потомство драгоценным правом награждается; конфетурщики, шляпники, портные и самые знатных людей сводники, никогда не служа государству, а токмо быв ему в тягость, оное получили»[22].

По его словам, дворянское звание у нас могли получить исключительно подрядчики и откупщики — «грабители государственной казны, достойные не награждения дворянским званием, а виселицы».

В этой связи очень интересна его небольшая статья, написанная в 1783 г., «Не покручинься господине — Собеседник». В этой статье Щербатов дает высокую оценку знаменитым вопросам Фонвизина Екатерине II и высказывает неудовлетворенность ответами Екатерины.

«Писал вопросы молодец, — указывает Щербатов, — спасибо ему; а в ответах скажу только, что они еще много сумнений оставляют»[23].

Нас здесь интересует четвертый вопрос: «Если дворянством награждаются заслуги, а к заслугам отверсто поле всякого гражданина, отчего же никогда не достигают дворянства купцы, а всегда заводчики и откупщики?» — спрашивал Фонвизин.

Екатерина II дала следующий ответ на этот вопрос: «Одни быв богатее других, имеют случаи оказать какую

---

[21] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 399.
[22] Там же, стр. 397.
[23] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 123.

не на есть такую заслугу, по которой получают отличия».

Щербатов не удовлетворился этим ответом и поставил дополнительный вопрос, который с необычайной яркостью рисует его непримиримую позицию в отношении пожалования откупщиков дворянским званием.

«Следственно, — спрашивает Щербатов, — кто богатее, как бы не получил богатство, хотя бы разорением части государства, будет полезнее подданой, нежель усердный и умный, но бедной гражданин. Веть после сего есть разве всем воровать и богатиться, а потом наворованного часть дать и сказать: «Я сделал услугу» [24].

В другом своем произведении Щербатов еще более резко ставит аналогичный вопрос: «Когда дед воровал, сын грабил, а внук разбойничает, достин ли он потомственного награждения?» [25].

Пожалование дворянского сословия купцам настолько ненавистно Щербатову, что даже мысль об этом выводит его из себя и вызывает яростную брань.

«Сие есть род безумия, сопряженный с леностью, которая побуждает купцов дворянского звания искать» [26].

Не меньшее раздражение Щербатова вызвала возможность проникновения разночинцев в дворянскую среду. В этой связи Щербатов часто обращается к петровской «табели о рангах» и, в частности, к тем параграфам ее, которые посвящены утверждению в дворянском звании недворян, достигших обер-офицерских чинов или чина 8-го класса. С этим порядком вещей Щербатов никак не мог согласиться.

Выступая в Уложенной комиссии 12 сентября 1767 г., Щербатов указывал, что петровская «табель о рангах» вызвана была обстоятельствами времени, которые вынудили Петра I издать эти законы: не было грамотных, знающих людей, дворяне весьма неохотно шли на государственную службу. Необходим был стимул, который бы заставил дворян с большим прилежанием относиться к службе. Этим стимулом и были законы о присвоении дворянского звания неблагородным, достигшим известного чина. Петр Великий, говорил Щербатов, «соизволил оные учредить, но обстоятельства времени и разные слу-

---

[24] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 123—124.
[25] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 389—399.
[26] Там же, стр. 625.

чаи принудили его такие положения ... сделать»[27]. «Таковое данное преимущество дослужившимся до чину офицерского по тогдашним обстоятельствам, для принуждения дворян служить, необходимо нужно было»[28].

Однако если Петра I и можно кое-как оправдать, по мнению Щербатова, то последующих монархов, включая Екатерину II, которые слепо следовали этим законам, не понимая причин, вызвавших их, оправдать ни в коем случае нельзя, ибо законы, необходимые в одних условиях, «по применам времен и нравов не токмо полезны, но вредны могут быть»[29].

Нет никаких причин, указывает Щербатов, для продолжения действия этих законов: дворянство за это время совершенно изменило отношение к государевой службе, оно поставляет для государства достаточное количество надежных и просвещенных людей. «Ныне, когда уже видим российское дворянство единой любовью к отечеству и славе и по усердии к их монархам довольно побуждено к службе и к наукам, то мнится, что такое право, сравнивающее их со всяким, кто бы каким образом до чина офицерского не достиг, должно отменить...»[30].

Чем же объяснить такое непримиримое отношение к пожалованию купцов и разночинцев дворянским званием? От проникновения в дворянскую среду недворянских элементов «чины уподобляются, а дворянство оскудевает»[31]. Дворянство, не раз указывал Щербатов, наделено особыми высшими нравственными качествами, не свойственными никаким другим сословиям. «Дворянство есть нарицание в чести, оно от чести происходит и честью содержится»[32]. «Источник дворянства — добродетель»[33].

Между тем, проникновение купцов в дворянское достоинство ведет к «развращению» дворянства, к «уподлению» его, к «вкоренению» в него духа «пронырства», «шильничества» и других пороков.

«Они в сословие дворянское принесли ту подлость, то пронырство, то корыстолюбие, с коим родилися, в коем

[27] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 55.
[28] Там же, стр. 56.
[29] Там же, стр. 55.
[30] Там же, стр. 56.
[31] Там же, стр. 396.
[32] Там же, стр. 59.
[33] Там же, стр. 57.

воспитаны, в коем упражнялись и коим до чинов офицерских забвением нравственных должностей добивались; да и самое старое дворянство сим заразили», в дворянское сословие, благодаря этому «пороки вкореняются, благородное честолюбие исчезает, а государство лишается сильнейших подпор»[34].

Не менее «уподляют» дворянское достоинство и разночинцы — люди «низшего состояния», благодаря выслуге получившие дворянское звание. Они вносят в дворянскую среду такие пороки, как лесть, «искательство», лицемерие и др. Для того чтобы дослужиться до офицерского звания, «низкий человек» может пойти на всякую подлость, обман, лесть перед своим командиром, чтобы заслужить его «благоволение». Это может повредить «нравы его самого и нравы его командующего». Получив офицерский чин и чувствуя себя уже дворянином, «неблагородный человек идет на всякие низости, чтобы приобрести имение»[35]. Оттого могут произойти «мздоимства, похищения и прочие злы»[36].

Однако не нравственная сторона дела особенно волнует Щербатова. Подобные аргументы — скорее ораторский прием, чтобы представить свою точку зрения наиболее убедительно и красноречиво.

Гораздо большую тревогу вызывает другое. Широкий приток купцов и разночинцев в дворянство приводит, по мнению Щербатова, к «оскудению» дворянства, к его разорению, дроблению дворянских имений. «От умножения числа дворянство пришло в бедность, чрез выхождение деревень из старых родов в новые и в вновь произведенные»[37].

Щербатов перечислял многие знатные роды, которые разорились или имеют огромные долги. Если так будет продолжаться, указывал Щербатов, то неизбежно «дворянство в действительную нищету, в загрубелость, в уныние и в другие злы неизбежные впадет»[38].

Щербатов приходит к совершенно мрачному выводу, что «дворянство российское, дворянство, достойное вели-

---

[34] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 398.
[35] Там же, стр. 59.
[36] Там же, стр. 59.
[37] Там же, стр. 14.
[38] Там же, стр. 161.

чайших похвал и восхищений, исчезнет»[39], что, по его мнению, гибельно для государства. Но особенно важны для Щербатова политические мотивы его рассуждений. Проникновение в дворянское сословие недворян приведет, по его мнению, к размыванию дворянства, к растворению его, к потере им не только нравственного авторитета, но и руководящей роли в государстве.

Обособление дворянства диктуется, по словам Щербатова, ко всему прочему, государственными интересами, политической необходимостью, ибо оно призвано служить опорой и защитой монархической власти и может выполнить эту роль только в том случае, если будет обособлено от остального населения. «Не должны они, — пишет Щербатов, — смешаны быть с другими чинами: ибо, быв посредники между ниского народа и государя, не должны быть и соучастники с ниским народом, не должны они с ним единую шайку составлять, дабы тем единственно к престолу быть привязанным»[40].

По мнению Щербатова, всякое государство, и в особенности государство самодержавное, основано на неравенстве, на подчинении низших высшим, на чинопочитании. Государство крепко до тех пор, пока эти «главности» в нем прочны, пока не вкоренилось в народе «умствование равенства, до крайности доведенное».

Дворянство, как особое замкнутое сословие, необходимо уже потому, пишет Щербатов, что «каждому наиблагороднейшему монарху потребно есть быть окружену такими людьми, которые малые токмо милости получают и в ожидании больших суть и должны быть привязаны к нему, а побуждена сею надеждою с великим излишеством по размеру его милостей ему служить»[41].

«Смешение состояний», неоднократно подчеркивал Щербатов, неминуемо ведет к разрушению тех основных принципов, на которых держится государство, ведет к внедрению «умствования равенства, до крайности доведенного». Щербатов категорически протестует против такого «смешения», ибо следствием его будет то, что «нужное подчинение и почтение к степеням и чинам разрушит-

---

[39] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 161.
[40] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 142.
[41] Там же, стр. 153.

ся и те же самые мысли неподданства дерзко достигнут и до монаршей особы»[42].

В силу именно этих обстоятельств Щербатов выступает не только против пожалования купцов дворянским достоинством, но и против предоставления дворянам права записываться в купцы, ибо это ведет к смешению состояний, делает дворян, по мнению Щербатова, разными людьми «низкого состояния».

В этом случае, по словам Щербатова, не может «вышний иметь дух повеления к нижнему, а нижний дух повиновения к вышнему, видя его всегда готова быть равным ему»[43].

Кроме того, позволение дворянам записываться в купцы отвлечет дворян от их основных занятий — правосудия, земледелия, военной службы. Но особенно страшит Щербатова то, что дворяне, записавшиеся в купцы, «силою оружия просьбы купеческие подкрепят», а купцы, по словам Щербатова, имеют такую «захватчивость», что готовы «самый воздух дышащий у дворян отнять»[44].

Идея равенства настолько ненавистна Щербатову, что он не останавливается даже перед самыми крайними аргументами. В своем произведении 1789 г. «Речь, каковую бы могли говорить шведские дворяне, по взятии под стражу их собратьев» Щербатов писал: «Ваше величество объявили самовластное ваше намерение сравнить все состояния нашего государства... пусть ошибочное положение, но положение, однако, хотя вид имеющее приближаться к естественному закону». Однако «если естественное равенство только дух твой поражает, оставь скипетр и венец, стань между последния части народа, и яви, что можешь ты единым своим разумом и убедительными твоими вещаниями»[45].

В окончательных своих выводах Щербатов полностью солидаризируется с маркизом де-Ласси, автором книги «Военное дворянство», который видел в «смешении состояний» причину разрушения монархии.

Щербатов цитирует этого автора в полном согласии с ним: «В монархии неравность не токмо вредна, но есть нужна ее сохранению. А напротиву того, государ-

---

[42] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 153.
[43] Там же.
[44] Там же, стр. 154.
[45] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 109.

ство так скоро начинает колебаться, как скоро чины и степени перестанут единых от других различать, смешаются и, естественно, единые других пожрут... опасно есть для него (монархии. — *И. Ф.*), чтоб нижние граждане возвысились в высокие степени ... как и вредно, чтоб вышние степени уподлились и снизошли в нижние; состоянии не менее смешены будут и государство приближится к падению своему. А по сем еще общая равность между граждан необходимо разрушают монархию» [46].

Из этих «теоретических» соображений вытекают его практические предложения: во-первых, отменить те узаконения, главным образом законы Петра о выслуге, которые позволяют недворянам, достигшим обер-офицерских чинов, вступить в дворянство.

Пожалование дворянского звания должно принадлежать только монарху, который награждает этим достоинством своих слуг, отличившихся исключительными заслугами перед отечеством.

Во-вторых, дворянское достоинство нужно давать «не за деньги, но за пользу государственную, не за пороки, но за добродетель» [47]. Причем, по мысли Щербатова, необходимо было бы вовсе запретить жалование дворянством купцов. Идеальным для него является такое положение, когда купцы не только не будут жаловаться дворянским званием, но и сами перестанут стремиться получить его. В своей работе «О повреждении нравов в России» Щербатов писал: «Тогда изгнанная добродетель, оставя пустыми, утвердит среди градов и при самом дворе престол свой», когда «дворяне будут в разных должностях служить, с приличною равностию званию их, купцы престанут желать быть офицерами и дворянами; каждый сократится в свое состояние» [48].

Волнует Щербатова и возможность незаконного проникновения в ряды дворянства. Щербатов предлагает упорядочить документацию, систематически вести подробнейшие списки дворян, ибо необходимы «ежегодные верные росписи о народившихся, о женившихся и о умерших, включая в сие число и женщин, ибо знание и о женщинах не малой нужды есть, дабы по женскому ко-

[46] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 152.
[47] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 399.
[48] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 245.

лену не подделывали родословные, и чрез то бы неправильно чужие имена себе не приобретали»[49]. Это необходимо, по словам Щербатова, чтобы «драгоценное имя дворянина во всей чистоте своей сохранилось»[50], чтобы в дворянство «как в поганый котел, всякий гад не валился».

Щербатов недоволен § 7 Манифеста Екатерины I «О вольности дворянства», который сохранял за дворянкой, вышедшей замуж за неблагородного, дворянское звание. По словам Щербатова, «данное позволение благородной девке выйти замуж за неблагородного, не лишася дворянства своего, не токмо есть не право, но вред государству, разрушение нравов»[51].

Проект Щербатова «О разборе дворянства» и его герольд-мейстерская инструкция имеют и другую цель, очень важную для Щербатова, — упорядочение внутренней организации самого дворянства. По мнению Щербатова, дворянство должно быть построено на основании строгой иерархической градации, соблюдая тщательное деление по знатности, по древности рода.

В России, писал Щербатов, все дворянство смешано, древние дворянские роды, происходящие от Рюрика и Мономаха, ни в чем не отличаются по своим нравам от новых дворянских фамилий, получивших свое начало в самое последнее время, благодаря пожалованию. Это положение ненормально, необходимо тщательное отделение дворянства пожалованного от дворянства родового, и само родовое дворянство должно делиться по своей древности. Поэтому, указывал Щербатов, дворянские списки необходимо составлять не в алфавитном порядке, а в порядке знатности дворянских родов. Щербатов остался в кровной обиде на правительство, которое составило алфавитные списки, перемешав древние заслуженные роды с новыми.

В 1785 г. Щербатов писал: «Не можно сказать, чтоб

---

[49] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 69.

[50] Там же, стр. 70.

[51] Там же, стр. 280. «Примечание верного сына отечества...». Свои размышления по данному вопросу Щербатов дополняет следующим, очень едким замечанием: «Ея же Императорское Величество в Наказе своем соизволила сказать, что если после ее законодательств народ ея не будет наидобродетельнейший, то до сего несчастия не хочет она дожить, и я, как верный поданной, ни разврату не хочу, и не желаю смерти моего монарха» (там же, стр. 282).

алфавитный список, кто прежде кого должен в дворянской книге написан, не делал прискорбия дворянам»[52].

Правительство унизило родовых дворян, потомков великих и удельных князей, а между тем оно не имело никаких прав на это, ибо «что касается до почетных прав, яко до старшинства родов.., сие есть дело историческое, и бывшее не бывшим никакая на свете власть сделать не может»[53]. Щербатов считает, что четкое деление дворянства на княжеское, графское, боронское и другие достоинства необходимо, причем каждый ранг дворянства должен быть наделен особыми правами. Необходимо, пишет Щербатов, «чтобы сии достоинства степенями и правами различны были и не единое имя составляли, ничего не знаменующее; ибо таковым именем без прав отнимается побуждение их получить и уподляется благодеяние государства»[54].

Старая допетровская Русь привлекает к себе симпатии Щербатова именно тем значением, которое имели тогда знатные дворянские роды, но вовсе не простотой нравов, как думают некоторые буржуазные историки. Щербатов, хотя и признает теоретически вред местничества, однако с удовольствием вспоминает, что «почтение родам умножало еще твердость в сердцах наших предков; беспрестанные суды местничества питали их гордость»[55], что «не по одним чинам тогда благородных почитали, но и по рождениям их, и тако чины давали токмо должности, а рождения приобретало почтение». И с горечью писал: «Разрушенное местничество... и незамененное никаким правом знатным родам, истребило мысли благородной гордости во дворянах»[56].

Бесспорно, в этих взглядах Щербатова видны его симпатии к феодальной старине, когда князья и бояре вершили судьбами государства. Но главное для него — страх перед новым, боязнь потери дворянством своего политического и экономического могущества. Этот процесс уже начался, Щербатов разглядел его и стремился предотвратить.

---

[52] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 396.
[53] Там же.
[54] Там же, стр. 264.
[55] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 147.
[56] Там же, стр. 149, 164.

3

Стремясь к консолидации дворянства с тем, чтобы оно могло выступать как решающая социально-экономическая и политическая сила в государстве, Щербатов предлагает наделить дворянское общество правами широкого самоуправления.

Уже при выборах депутатов в Уложенную комиссию были собраны впервые собрания дворянства по уездам, как органы дворянской самодеятельности. Их появление было до известной степени случайно, а функции весьма ограничены: выработка наказа депутату с изложением нужд уезда и выбора депутата в Уложенную комиссию. Однако их появление отвечало горячим желаниям самого дворянства. Многие дворянские депутаты очень горячо выступали в Уложенной комиссии за превращение этих собраний в постоянно действующие органы местного самоуправления дворянства. Среди них ведущее место, несомненно, занимал Щербатов. Уже в 1767 г. в проекте наказа Щербатов указывал, что необходимо «расписать все дворянство по городам, учредить ежегодные собрания дворянства во всякой провинции»[57].

«Учреждение дворянских собраний, — писал позднее Щербатов, — и бытие во всяком уезде дворянского предводителя, является, по многим обстоятельствам, весьма нужно для России»[58].

Поэтому Щербатов приветствовал учреждение дворянских собраний и «установление общества дворянского в губернии» по манифесту Екатерины II 1785 г. «О вольности дворянства». «Учреждение собраний дворянских есть истинное право»[59], — писал Щербатов в «Примечаниях верного сына Отечества на дворянские права на Манифест».

Вместе с тем, Щербатов подверг резкой и придирчивой критике эту часть Манифеста, так как считал организацию этих собраний и права их совершенно неудовлетворительными.

Первым и основным недостатком этих собраний является, по мнению Щербатова, то, что они поставлены

---

[57] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 15.
[58] Там же, стр. 69.
[59] Там же, стр. 295.

под контроль государственных агентов — генерал-губернаторов, наместников и др. «Сии собрания, — указывал Щербатов в примечаниях на § 37—38 Манифеста [60], — не есть вольныя собрания, и не для пользы дворянской, но токмо для выборов и для выслушивания от генерал-губернатора или губернатора предложений, которым по сю пору никто не сопротивлялся, да и сопротивляться не можно» [61], так как наместник не подчинен сенату.

В примечаниях на § 45 [62] Щербатов писал, что сами выборы в дворянских собраниях не свободны, «ибо наместники и губернаторы, быв деспоты в губерниях, всегда могут иметь некоторую партию, пожелают (кого пожелают?), а и самая малая партия, усиленная их властию сильнейшую превозможет, а потому все судьи и будут по их воле выбираться» [63].

Другим существенным пороком дворянских собраний является, по мнению Щербатова, то, что они наделены совершенно недостаточными правами. В примечаниях на § 47—48—49 [64] Щербатов писал, что дворянству разрешено делать представления, не противоречащие закону, наместнику и подавать жалобы «вышнему правительству». Это, по мнению Щербатова, есть не что иное, «как позволяется визжать, когда их бьют». Самыми законами хотят дворян стеснить, положа кляп в горло, чтобы они и не кричали» [65].

Щербатов считает, что дворянские собрания «могли бы иметь и более права, то есть, представлять, если и самые узаконения, какую им тягость наносят. Сим бы правительство и государь узнали справедливое состояние разных губерний... возвысился бы дух дворянский,

---

[60] § 37—38 гласят: «37. Нашим верноподданным дворянам жалуем дозволение собираться в той губернии, где жительство имеют, и составлять дворянское общество в каждом наместничестве...

38. Дворянство собирается в губернии по позыву и дозволению Ген.-губернатора, или Губернатора, как для вверенных дворянству выборов, так и для выслушивания предложений Ген.-губернатора, или Губернатора, всякие три года в зимнее время» (там же, стр. 29).

[61] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 296.

[62] § 45 гласит: «Собрание дворянства, буде выбор всего дворянства по балам должителен и неудобен окажется, тогда дозволяется Собранию Дворянства представить кандидатов, из коих баллотировать» (там же, стр. 297).

[63] Там же, стр. 298.

[64] § 47—48—49. См. М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 299—300.

[65] Там же, стр. 300.

если бы в чем их такие представления были приняты»[66].

Однако таких прав дворянству не дано, поэтому «дворяне будут токмо съезжаться, быть каждые три года свидетелями утеснения своего тем горчайшего, что вид будет пребывать, якобы они сами виновны в своем утеснении»[67].

Поэтому и все другие права, данные дворянскому собранию, не имеют никакого значения. Дозволяется собранию дворянскому иметь дом, но «зачем ему дом, разве до утеснения его будет памятник и темница их свободы», разрешается дворянству иметь свой архив, архив хотя и нужен, однако при таком порядке вещей в нем по большей части «будут сохраняться деяния его рабства, а не деяния блаженства сего похвального собрания»[68].

Щербатов считает, что дворянство должно пользоваться самоуправлением на таком основании, чтобы быть мощной и самостоятельной политической силой перед лицом государственной власти, чтобы оно имело возможность оказывать давление на правительство в тех случаях, когда оно недостаточно выражает его интересы.

Резкая и придирчивая критика Щербатовым учреждения дворянских собраний объясняется тем, что оно не отвечало представлениям Щербатова о политической значимости «генерального общества в России», не отвечало в должной степени его стремлению к консолидации сил дворянства.

Кроме самоуправления, дворянство, по мнению Щербатова, должно быть наделено «великими и изящными» личными правами. Только при этом условии оно может стать действительной защитой и опорой самодержавия.

Щербатов рассматривает положение дворянства в западноевропейских странах и приходит к весьма неутешительным выводам. Поляки, по его мнению, дали своему дворянству слишком «неумеренные преимущества», следствием чего было ослабление королевской власти и самих законов. Указывая на вред излишних прав, он, однако, считает, что это было сделано с «добрыми намерениями», выдавая свои симпатии к положе-

[66] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 299.
[67] Там же, стр. 298.
[68] Там же, стр. 301.

нию дворянства в Польше. В Германии, по его мнению, родовитое дворянство, «если не физическим образом, то моральным... остальных благородных удручает»[69]. В Нидерландах «мещанство над благородными преимущество свое имеет», следствием чего были «несогласие в народе, наступление на законную власть стат-гальтера, возмущение во градах... и стыдное покорство чужим державам»[70]. В Англии, хотя дворянство и отделено от других сословий, однако совершенно недостаточно, и если бы не «мудрые» законы, «то бы легко могло воспоследовать, чтоб огорчительные споры в парламенте токами крови упоились», и, однако, несмотря на мудрые узаконения, «незрим мы, — пишет Щербатов, — в английском народе беспристрастия, некорыстолюбия и благородства... но члены их парламента, по большей части подкуплены, избрание не достойных, но по страстям делается»[71].

Идеалом для Щербатова являются те народы, «кои умеренно возвысили свое дворянство»[72].

Что же Щербатов подразумевает под «умеренным» возвышением дворянства? Дворянство, пишет Щербатов, должно быть наделено «приличными» правами, а это, в его понятии, означает, что «права сего почтенного сословия между властью монаршей и между правами нижних чинов людей должны быть поставлены»[73].

Щербатов делит привилегии дворянства на три категории. «Почетные права, сообщенные к званию», «почетные права в рассуждении службы», полезные права относительно до владения имений.

К правам первой категории, т. е. к «правам почетным, сообщенным к званию», Щербатов относит необходимость награждения дворянства, согласно его родовитости, титулами, гербами, отличной одеждой, особенными украшениями карет и др. Кроме того, дворянству должно быть предоставлено право председательствовать

[69] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 255.

[70] Там же, стр. 256.

[71] Там же.

[72] К таким странам Щербатов, очевидно, относит Испанию, Францию, отчасти Россию, однако в России, по его мнению, началось «падение сего великого духа, смешение дворянства и вселение духа неподданства в тех, кои должны высших себе почитать» (там же, стр. 257).

[73] Там же, стр. 257.

«по степени знатности в собраниях». Оно должно иметь предпочтительное право перед другими сословиями входа ко двору, дворяне должны в присутственных местах «с особым уважением приниматься». Все это, по мнению Щербатова, «не нанося никому вреда, и побудит каждого к вящему усердию к отечеству»[74].

Гораздо большее значение Щербатов отводит второй категории прав, т. е. «почетным правам в разсуждении службы». Среди этих прав Щербатов первое место, несомненно, отводит необходимости монопольного права дворянства на замещение государственных должностей.

Дворянству, по мнению Щербатова, должно принадлежать преимущественное право занимать все командные должности в армии, дворяне должны занимать все руководящие посты в судопроизводстве, в дипломатии и в других органах русской администрации. Щербатов аргументирует это свое положение тем, что дворянство как класс особенно полезно для государства, так как более приспособлено к государственной службе[75].

Государство, «возвышая и снабжая благородных, сугубую мзду себе приемлет», так как дворянство «более способов к приобретению изящных качеств имеет».

Только дворянство может давать государству «верных, рачивых и способных людей для разных должностей»[76].

Дворянство более всех других сословий способно, по словам Щербатова, «к сочинению законов» и к исполнению их, ибо дворянин «от сосцов матери своея питался благородно», он с детства «наслушался о нуждах государства, подчерпнул знание ...законов»[77].

Щербатов категорически протестует против мнения, что правосудие должно быть вверено людям, получившим университетское образование или в течение долгой практики изучившим досконально законы. Он указывает, что у этих людей нет благородного честолюбия, нет необходимой для правосудия добродетели, что они, с детства не получив должного воспитания, приобрели множество пороков, а потому «не достойны суть внити в сии

---

[74] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 265.
[75] См. там же, стр. 228.
[76] Там же, стр. 229.
[77] Там же, стр. 230—231.

освященные врата правосудия, ими же входит чист сердцем и непорочен руками»[78].

Эти люди способны лишь к «напамятованию законов благородным, долженствующим исполнять их», к совету, который они могут подать благородным. «Да смирится дух его (низкорожденного. — *И. Ф.*) перед ними, и гордость его да унизится пред открытые через многие века правила»[79]. Таков первый вывод Щербатова. «Меч правосудия... не должен быть иному вверен, как благорожденному...»[80].

Благородные более всех других сословий способны также к дипломатической службе, к «содержанию связи между чуждыми государствами». Доказательства его такие: благородные получают прекрасное воспитание, с детства научаются «прекрасному обхождению». «Я скажу, что самое пронырство и коварство, которое в министерских делах ныне по поврежденной политике нашего века употребляется, ему известнее, чем другого состояния человеку»[81].

Поэтому и в дипломатической службе должны использоваться по преимуществу благородные.

Наконец, и военная служба должна принадлежать только дворянам, ибо они более всего способны к ней. «Наука сия военная толь многие в себе части вмещает, что действительно не токмо должно в ней особливыя дарования иметь, но с младенчества учение, наслышку и размышления»[82], а это с гораздо большей вероятностью получают дворяне, чем люди другого сословия. Щербатов не отрицает того, что и среди простых людей могут быть люди, способные к военной службе. Он говорит, что «может статься, что между пахарей мы многих бы Александров и Цезарей нашли, но они, родясь с сохой, с сохой и умирают, никогда не подозревая такие дарования иметь»[83].

Поэтому государство «должно искать полководцев не среди пахарей, а там, где военные таланты с большой вероятностью имеются», т. е. среди благородных. По

---

[78] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 233.
[79] Там же, стр. 231.
[80] Там же, стр. 233.
[81] Там же.
[82] Там же, стр. 237.
[83] Там же.

мнению Щербатова, дворяне не только более способны к сухопутной военной службе, но и к морской. Опыт Англии, правда, противоречит этому утверждению. Капитаны кораблей там в большинстве случаев не дворяне. Однако Щербатов и здесь находит выход, хотя и очень неуклюжий. Он указывает, что сила Англии — корыстолюбие, что Англия одерживает морские победы «не героической храбростью», а благодаря упорству, которое вселено в них духом корыстолюбия, что Англия еще не встречала достойного противника на море, так как флоты всех других государств «не основаны были на пользе торговли, ни на умочертании народном, а потому и долгого пребывания в их силе иметь не могли»[84]. Англия, таким образом, по мнению Щербатова, есть исключение: общее же правило — дворянство более способно к морской службе, морской флот, управляемый дворянами, гораздо сильнее, чем флот, управляемый торговцами и купцами. Эти рассуждения являются сплошным морализованием, к которым Щербатов вынужден частенько прибегать в тех случаях, когда он не находит более или менее убедительных доказательств. Его вывод, сформулированный еще в проекте Наказа ярославского дворянства в 1767 г., остался неизменным до конца жизни.

«Все главнейшие чины, как в военных, так и в штатских местах, ими издревле всегда занимаемы были и ныне также состоят, и они единое, право (окромя особливых достоинств и услуг прочих чинов) имеют оные надеятся получить»[85].

Нарушение этого древнего права дворянства привело к тому, указывает Щербатов, что суды наши наполнились порочными и непросвещенными судьями. Результатом этого было «замедление в делах», «мздоимство», пристрастность судей и другие пороки. Армия наша наполнилась незнающими офицерами. К «почетным правам в рассуждении службы» Щербатов относит также очень, по его мнению, необходимое право — право свободы службы. Дворяне, пишет Щербатов, «имеют вольность служить сколько пожелают и отъезжать в чужие края для принятия службы»[86], причем дворяне, полу-

---

[84] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 244.
[85] Там же, стр. 12.
[86] Там же.

чившие известный чин за границей, сохраняют этот чин и по возвращении в отечество. Право, сформулированное подобным образом, напоминает древнее феодальное право отъезда.

С особенной страстностью Щербатов защищает необходимость представления дворянству права начинать военную службу не с нижних чинов, а с офицерских.

В манифесте о вольности дворянства ничего не было сказано о праве дворянства начинать службу с офицерских чинов, наоборот, дворянство «похвалялось» за то, что начинало службу с нижних чинов. По мнению Щербатова, это очень плохая похвала. Правило, что только тот может быть хорошим начальником, кто сам умеет повиноваться, ошибочное, ибо Помпей и Кондэ, пишет Щербатов, не были никогда подчиненными, однако это не мешало им быть прекрасными полководцами. Если это правило признать справедливым, то «оно на всех государей должно простираться; они через все чиноналичия не проходят: „ибо не могут быть добрые начальники, ибо в свое время сами повиноваться не приобвыкли"» [87].

Это правило приравнивает дворянство к прочим сословиям, что с неизбежностью ведет к «уподлению мысли благородного» [88]. В окончательном своем выводе Щербатов решительно требует предоставления дворянам права начинать службу с офицерских чинов. «Я общим правом всего дворянства полагаю быть прежде всего возрасту своего записану в службе, но не в солдаты и не в унтер-офицеры... а иметь наименование кадетов. При вступлении же в службу получает он немедленно чин офицерский» [89]. Причем очень неплохо было бы, по мнению Щербатова, при производстве в офицеры «делать различия по степеням дворянства».

4

Особенно много места и внимания Щербатов уделил третьей категории прав — «правам полезным относительно до владения имений», т. е. экономическому положению дворянства.

[87] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 276.
[88] Там же, стр. 265.
[89] Там же, стр. 266.

Положительная экономическая программа Щербатова по существу не прибавляет ничего нового к тем правам, которые закрепила за дворянством Екатерина II Манифестом о вольности дворянства.

Между тем критика Щербатовым этого Манифеста очень резка и зачастую придирчива. Это объясняется тем, что именно в этой области права дворянства, как считает Щербатов, «иль от перемены обычаев, иль от захвачения других чинов, ныне совсем в забвение пришли, или затушены подкопами под законы»[90].

Придирчивость и ожесточенность критики Манифеста объясняется также тем, что, по мнению Щербатова, он недостаточно защищает и ограждает дворянские экономические права от посягательств на них других сословий.

Исходной точкой экономической программы Щербатова является утверждение, что дворянство должно быть богато и благоденственно. Оно должно быть «собственной своей пользой привязано к отечеству»[91].

Богатство нужно дворянству: «1) на воспитание и на учение детей своих, чтобы сделать годными отечеству; 2) на прибавление для своего житья к малому жалованию, которые все чины в России получают и 3) для умножения великолепия двора. Если в сем случае они в некое сластолюбие впадают, то и самой сей порок их в пользу государства обращается, ибо один сей род в России спомоществует скорому обращению денег, побуждает ремеслы и художества и употреблением своим чужестранных вещей спомоществует торговле»[92].

Из всех экономических прав наибольшее значение для дворянства, по мнению Щербатова, имеет исключительное право на владение крепостными крестьянами, ибо это право есть «верный и нерушимый способ» сохранения благосостояния дворянства. Уже в проекте Наказа депутату Ярославского дворянства Щербатов определенно требовал: «Владение деревень из древних времен... дворянству же принадлежит»[93].

Не менее упорно и красноречиво отстаивает Щербатов и другую, очень важную дворянскую привилегию —

---

[90] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 12.
[91] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 60.
[92] Там же.
[93] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 12.

монопольное право собственности на землю. Щербатов считает, что земля является полной и абсолютной собственностью дворянства, так как она куплена дворянством не только «кровью и заслугами», но и деньгами, ибо «положенными пошлинами за справки и за продажи едва не всю цену и денежную в государственную казну внесли»[94]. Даже государство, корона, не имеет на дворянские земли никаких прав.

Наконец, Щербатов считает, что права дворянства в области торговли и промышленности должны быть также «велики и изящны».

Таковы исходные позиции М. М. Щербатова при решении всех вопросов общественной жизни. Его экономические построения и политические взгляды подчинены решению этой же центральной для него проблемы — всесторонней защите классовых дворянских интересов.

II. Вопросы сельского хозяйства в публицистике М. М. Щербатова

1

Вторая половина XVIII века в истории России ознаменовалась ростом товарно-денежных отношений и внутреннего рынка, значительным развитием промышленности, неуклонным расширением внешних торговых связей. Это период развития капиталистических отношений в недрах феодального способа производства, период разложения феодально-крепостнической системы.

Несмотря на то что дворянство во второй половине XVIII века занимало руководящее место в политической и экономической жизни России, сосредоточивая в своих руках огромные земельные богатства и миллионы крепостных рабов, в условиях роста элементов капиталистической экономики в недрах господствующей феодальной системы хозяйства дворянство стало испытывать значительные трудности. Хроническое «безденежье» дворянства, низкая производительность крепостного труда, малая товарность помещичьего хозяйства, с одной стороны, и рост расходов — с другой, побуждали помещиков искать выхода из грозившего тупика. Перед

---

[94] М. Щербатов. Неизданные соч., т. I, стр. 186.

помещичьим классом со всей остротой встала задача приспособить отсталое феодальное сельское хозяйство с его рутинной техникой и низкой производительностью крепостного труда к выросшему спросу, удовлетворить возросший спрос внутреннего и внешнего рынка силами крепостного хозяйства. Эту задачу дворянство пыталось решить, не затрагивая основ крепостнических отношений. В поисках денег дворянство усилило эксплуатацию крепостных крестьян, вступило в рыночные спекуляции, стремясь найти новые источники доходов. В этих своих стремлениях дворянство встретило упорное сопротивление крестьянства, которое на усиление крепостнического гнета ответило массовыми волнениями, вылившимися в грозную крестьянскую войну под руководством Пугачева.

Все более и более нарастали противоречия между дворянством и купечеством, которое во второй половине XVIII века становилось значительной общественной силой.

В этой обстановке, в условиях обострения классовых противоречий, дворянство, не ограничиваясь практической борьбой за свои социальные позиции, выступило также и с теоретическим обоснованием своего привилегированного положения. Этим объясняется и то огромное внимание, которое многочисленные дворянские писатели второй половины XVIII века уделяли экономическим вопросам, в первую очередь проблемам помещичьего крепостного хозяйства, и их настойчивые попытки выяснить причины ухудшения экономического благосостояния помещиков и найти пути предотвращения назревающего кризиса.

Идеологи дворянства разработали широкую программу использования новой экономической конъюнктуры исключительно в интересах дворянства. Теоретическая позиция дворянства и его практическая программа чрезвычайно противоречивы — они, как в зеркале, отражают сложность и противоречивость экономического и политического положения дворянства в условиях, когда начался процесс разложения феодального хозяйства.

Наиболее полно, ярко и законченно, со всей ее противоречивостью аграрная программа дворянства нашла свое выражение в сочинениях М. М. Щербатова.

2

Основную роль в экономической жизни народов Щербатов отводит сельскому хозяйству, причем главным образом земледелию. Такая оценка значения сельского хозяйства красной нитью проходит через все произведения Щербатова, начиная с первых выступлений в Уложенной комиссии и кончая большими сочинениями 70—80-х годов XVIII века.

Уже в начале своей общественной деятельности, 27 августа 1767 г., во «всепокорнейшем предложении на голос господина депутата города Самары Данилы Рукавкина» Щербатов писал: «Земледелие есть первый и главный труд, к которому поощрять людей должно» [1], «земледелие есть самый большой труд человека». Далее Щербатов пересказывает соответствующие места «Наказа» Екатерины II и в полном согласии с ней заявляет: «Чем больше климат приводит человека к избежанию сего труда, тем больше законы к оному возбуждать должны» [2].

В одной из наиболее интересных своих работ — «Статистика в рассуждении России», относящейся к 1775—1777 гг., Щербатов, развивая это положение, пишет, что основой «благоденствия» государств является только сельское хозяйство, «никогда не может быть та благополучна страна, где пропитание жителей не на земледелии основано» [3]. Все другие области человеческой деятельности имеют гораздо меньшее, второстепенное значение. «Мое мнение есть, — говорит Щербатов, — что единая десятина распаханной земли полезнее государству, нежели множество драгоценнейших соболей в лесах» [4].

С великим неодобрением говорит Щербатов о тех губерниях, например о Нижегородской губернии, в которых крестьяне впадают в «обленчивость», уходят из сельского хозяйства в торговлю и промыслы. Он считает это огромным вредом для страны и предлагает во что бы то ни стало вернуть крестьян к земледелию [5].

---

[1] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 48.
[2] Там же, стр. 47.
[3] Там же, стр. 481.
[4] Там же, стр. 507.
[5] Там же, стр. 490—491.

По мнению Щербатова, нельзя останавливаться ни перед какими трудностями, ни перед какими затратами для распространения и улучшения земледелия, ибо это сторицей окупится. «Приобретение и единого земледельца я толь прибыльным государству щитаю, что никак не могу сожалеть о великом числе денег, издержанных на сих колонистов» [6].

Оценивая столь высоко значение сельского хозяйства в экономике страны, Щербатов считает наиболее полезным и выгодным разведение зерновых культур. Описывая хозяйство башкир, он отмечает, что занятие скотоводством, которое составляет основу хозяйственной деятельности этого народа, не столь выгодно, как земледелие. «Не могу я умолчать, — пишет Щербатов, — чтобы ничего не сказать о большей части башкирцев, народе многолюдном и питающемся от стад своих, которые толико земли для паствы оных занимают, что конечно в десятеро их со изобильством могли питаться, если бы народ земледельствующий был» [7]. Таким образом, скотоводство, по мнению Щербатова, менее полезно и выгодно, нежели земледелие.

Также менее полезным считает Щербатов и разведение технических культур, например льна. Он считает, что Псковская губерния имела бы достаточно хлеба, если бы крестьяне «прибыльней себе не почитали сеять лен» [8].

Щербатов был не одинок в такой оценке земледелия, его идеи перекликались с идеями других дворянских писателей второй половины XVIII века. Большое значение придавали земледелию еще такие яркие представители меркантилизма, как Петр I, Посошков, Куракин и др. Однако только во второй половине XVIII века сельское хозяйство начинают рассматривать как решающую отрасль народного хозяйства, развитие которой определяет прогресс народного хозяйства в целом. Эти идеи характерны как для Екатерины II, так и для большинства дворянских писателей. Один из талантливейших писателей этого времени П. Рычков в своих произведениях 60—70-х годов XVIII века упорно пропаганди-

---

[6] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 541.
[7] Там же, стр. 505.
[8] Там же, стр. 529.

рует мысль о невозможности дальнейшего развития хозяйства в России без прогресса земледелия, о наибольшей выгодности сельского хозяйства для самих производителей и для государства в целом.

Еще более ярко и прямолинейно эти идеи выражены в произведениях таких представителей дворянства, как Сумароков, Елагин и др.

Неправильно было бы объяснять напряженное внимание дворянских экономистов к вопросам земледелия и высокую оценку последнего, как преимущественной отрасли народного хозяйства, влиянием физиократических идей. Несомненно, причины этого явления кроются в специфических условиях развития экономики России, которые порождали идеи, перекликающиеся с физиократизмом, но глубоко оригинальные в своем существе.

Эти идеи определены классовой позицией их авторов в сложных социально-экономических условиях. Дворянские писатели России, как и физиократы, исходили из мысли, что богатство народов создается только трудом земледельца: только земледельческий труд производит прибавку к сумме материалов, идущих на удовлетворение потребностей человека, лишь в земледельческом промысле, за покрытием издержек производства, остается известный излишек, чистый доход, который и присоединяется к народному богатству. Промышленность и торговля, по мнению дворянских писателей, не увеличивают народного богатства, промышленность лишь видоизменяет продукты сельского хозяйства, а торговля лишь перемещает их.

«Земледельческий труд, — говорит К. Маркс, — есть, по мнению физиократов, единственный производительный труд, так как он представляется им единственным трудом, который создает прибавочную стоимость»[9].

Дворянских экономистов, в том числе Щербатова, привлекала в физиократизме его феодальная оболочка. К. Маркс указывает, что экономическая система физиократов является «как бы буржуазным воспроизведением феодальной системы, господства земельной собственности; и те отрасли промышленности, в которых капитал впервые самостоятельно развивается, кажутся

---

[9] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. I. М., 1936, стр. 31.

ей, наоборот, «непроизводительными» отраслями, простыми придатками земледелия»[10].

«Феодальная оболочка» физиократизма позволяла представителям дворянского класса по-новому развернуть защиту социальных притязаний «благородного сословия», направленных на укрепление социальной и экономической позиций дворянства в условиях начавшегося разложения феодальной системы.

Приведенная оценка сельского хозяйства позволяет Щербатову соответственно решить вопрос о значимости различных классов, о взаимоотношении между городом и деревней. В «Записке по крестьянскому вопросу» (1768) Щербатов утверждает, что единственным производительным классом населения являются земледельцы, все другие — горожане, купцы, ремесленники, дворовые и др. — являются потребителями, которые сами, по существу, ничего не производят. Указывая на огромный вред отрыва крестьян от земли, Щербатов пишет: «И все эти люди (крестьяне, отошедшие от земледелия. — *И. Ф.*) способные к работе на земле, выходят из состояния земледельцев и вместо помощи становятся им обузой, не производя ничего, но потребляя продукты, плоды труда пахаря... Таким образом, получаются два состояния, которые я назову производителями (les pourvoyeurs) — это земледельцы и потребители (les consomoteurs) — это люди, занятые другими делами человеческими и потребляющие произведения земледелия». В этой классификации не упоминается дворянство, которое, по мысли Щербатова, — особый «самый нужный корпус в государстве». Роль дворянства в земледелии огромна, гораздо больше, чем роль «грубых и непросвещенных» крестьян. Указывая на цветущее состояние земледелия в других странах, Щербатов пишет, что только «трудами, иждивением и искусством их (благородных. — *И. Ф.*) бесплодные поля покрылись плодоносною жатвою или тучною сеянною травою...»[11].

Из этой оценки земледелия и земледельческих классов вытекает и отношение Щербатова к проблеме города и деревни. По его мнению, усиленное внимание правительства городам ничем не оправдано и диктуется

---

[10] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. I, стр. 33—34.
[11] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 246.

лишь «славолюбием» императрицы. Не города должны привлекать к себе заботу и внимание правительства, а земледелие как самая важная отрасль экономики. Правительство, указывает Щербатов, не должно вмешиваться в строительство городов и тем более поощрять его.

В одном из своих более поздних сочинений — «Пугешествие в землю Офирскую» — Щербатов снова ставит этот вопрос, пытаясь провести «пропорциональную» черту между городом и деревней.

Города, по мнению Щербатова, должны возникать естественно, сами собой, в силу географических и экономических условий; всякое поощрение или искусственная постройка городов государством не только не полезна, но и вредна, да и вообще обилие городов вредно, так как отвлекает население от земледелия и ведет к «обленчивости» и «развращению нравов». «И переименованные земледельцы в мещане, отставая от главного промысла, развращаясь нравами, впадая в «обленчивость» и оставляя земледелие, более вреда нежели пользы государству приносят»[12].

По его мнению, обилие городов не ведет к росту торговли и промышленности, к этому результату может привести лишь улучшение сельского хозяйства. «...Побудит ее (торговлю. — *И. Ф.*) сельская жизнь, воздержанность и трудолюбие, которые, конечно, несравненно менее... в городах находятся, нежели в деревнях»[13].

Щербатов отстаивает идею невмешательства государства в экономическую жизнь страны. Однако эта мысль получает у него своеобразную окраску: государство, по мнению Щербатова, не должно вмешиваться в вопросы торговли и промышленности, поощрять рост городов, предоставив все «естественному течению вещей». Но земледелие, являющееся основой экономики страны, источником благоденствия народа, должно пользоваться заботой и поддержкой со стороны правительства. Земледелие, говорит Щербатов, должно всячески «обороняться» и «поощряться» правительством, а в связи с этим особенные заботы правительства должны быть направлены на благоденствие дворянства как та-

---

[12] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 796.
[13] Там же.

кого класса, который «приобретает человеку нужнейшую вещь для его жизни, то есть вещество пропитания» [14].

Щербатов подчеркивает, что состояние русского земледелия во второй половине XVIII века совершенно не соответствует той роли, которую оно должно играть.

Русское земледелие «ухудшилось» — таков основной мотив многих произведений Щербатова. Это, указывает Щербатов, подтверждается и малой урожайностью земель и частыми неурожаями, и дороговизной хлеба, и его недостатком, и малой производительностью сельского хозяйства.

Сельское хозяйство, писал Щербатов еще в 1767 г., не может удовлетворить тем новым требованиям, которые перед ним встали, ибо оно «ухудшилось», оно «совершенно упало». «У непросвещенных наших предков,— указывал далее Щербатов, — скирды хлеба погнивали, мы со всем просвещением и со всеми побуждениями и в обильные годы семян не имеем» [15]. По мнению Щербатова, России грозит постоянный, хронический голод, и если его еще нет, то только потому, что «на все количество потребления следует скинуть чуть не пятую долю с крестьян, которые питаются мякинным хлебом, живя скорее, как животные, а не как люди» [16].

Позднее Щербатов неоднократно возвращается к этому вопросу.

«Достойно удивления,—пишет Щербатов в 1787 г.,— что тогда, когда правилами своими для законодательства царствующая над нами императрица утвердила сию великую истину, что земледелие есть наиполезнейший труд, когда с сочинениями своими Экономическое Общество тщилось все роды домостроительства побуждать, и когда самые нужды наши должны бы наиболее побудить нас к земледелию, оно тогда совершенно упало» [17].

В этой характеристике видна одна основная мысль, все более настойчиво появляющаяся в произведениях Щербатова, — сельское хозяйство при данных условиях не может справиться с новыми запросами, которые к нему предъявляет страна.

---

14 М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 245.
15 Там же, стр. 634—635.
16 М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 7.
17 М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 634.

Особенно тяжелое положение, по мнению Щербатова, сложилось на бывших монастырских и архиерейских землях, перешедших в ведение коллегии экономии. Вообще конфискация земель у монастырей и архиерейских домов, передача их в ведение коллегии экономии и перевод на оброк имели самые гибельные последствия. И Щербатов, сгущая краски, говорит, что «великие конские и скотские заводы разорились», «мельницы опустились, леса многие стали истреблены, пруды спущены и рыба распродана, земля не токмо круг монастырей... осталась не запахана, но и почти во всех деревнях, где была монастырская пашня, а где и запахана осталась, и тут не удобрена, как прежде была», «запасы хлеба раскрадены и за бесценок проданы»[18]. Эта характеристика относится к 70-м годам. В конце 80-х годов Щербатов описывает положение бывших монастырских земель еще более мрачными красками: «Множество земель, пахотных на самые монастыри, остались пустыми»; «с самого того времени, как крестьян на оброк положили... крестьяне, получа новые земли, ближайшия к усадьбам, все свои прежние отдаленные впусте оставили»[19]. Эту печальную картину Щербатов заключает следующими словами: «И подлинно, кто хотя мало езжал по дорогам, тот ясно усмотрит, что круг Троицкого, Воскресенского и почти всех других монастырей, везде пространные поля пусты и не обработаны находятся»[20].

Щербатов отрицательно относился к секуляризации церковных земель. По его мнению, «сие отнятие деревень у монастырей уменьшило хлебопашество; ибо с самого сего времени стал хлеб во всей России дорожать»[21]. Щербатов резко критиковал правительство за секуляризацию не потому, что он был сторонником церковного землевладения (как раз напротив), а потому, что эти земли не были возвращены их «первоначальным владельцам»: «...деревни не к тем возвратились, которых предки разорили для сыскания рая души своей»[22]. Эта мысль особенно важна для Щербатова, так как из нее он делает необходимые ему выводы.

[18] М. Щербатов. Соч., т I, стр. 599.
[19] Там же, стр. 645—646.
[20] Там же, стр. 646.
[21] Там же, стр. 600.
[22] Там же, стр. 599.

Земледелие «ухудшилось» и на государственных землях. Даже в таких плодороднейших областях, как Малороссия, земледелие и другие «художества» находятся вовсе не в цветущем состоянии.

Логически закономерным результатом «падания» земледелия в России был, по мнению Щербатова, страшный голод 1787—1788 гг. Не неурожаи 1786—1787 гг., пишет Щербатов, являются основной причиной этого голода. Причины глубже, они кроются в общем упадке земледелия, и сам голод есть лишь следствие, которое можно было предвидеть. Однако «видели и не видали, разумели и не радели»[23], — упрекает Щербатов правительство.

Жалобы на «оскудение» земледелия были характерным явлением второй половины XVIII века. Причем уже на основе анализа произведений Щербатова можно видеть, что этот мотив с каждым годом звучит все напряженнее. Эти жалобы являлись косвенным показателем разложения феодально-крепостнической системы: низкая производительность подневольного труда, рутинность техники уже не соответствовали возросшему уровню развития товарно-денежных отношений и не могли удовлетворить возросшие требования помещиков на доходы.

Видя внешнюю сторону явлений, Щербатов, как и другие дворянские экономисты, остававшиеся на феодально-крепостнических позициях, не смог вскрыть действительные их причины и наметить более или менее действенные меры для улучшения сельского хозяйства.

3

Дворянские экономисты считали главной причиной упадка сельского хозяйства отлив земледельческого населения на неземледельческие работы — в промышленность, торговлю, строительство. Об этом неоднократно писали Елагин, Сумароков, Болотов и др. Яркие страницы посвятил этому явлению Рычков[24]. Наиболее полно этот взгляд на причины «оскудения» земледелия вы-

[23] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 689.

[24] См. П. И. Рычков. Примечания о прежнем и нынешнем земледелии. «Труды ВЭО», ч. VI, 1767, стр. 59—60, 69; его же О мануфактурах из хлопчатой бумаги и из верблюжьей шерсти. Там же, ч. II, 1766, стр. 303.

разил М. Щербатов, для которого вопрос о рабочих руках в сельском хозяйстве — постоянная, неизменно повторяющаяся тема.

Уже в проекте Наказа депутату Ярославского дворянства Щербатов, ссылаясь на большой Наказ Екатерины II и отмечая огромное значение земледелия, утверждал, что сельскохозяйственное население уменьшается и что это грозит неисчислимыми бедами государству. «Понеже ежедневно из числа крестьян множество земледельцев выбывает иль отдачею в рекруты, иль хождением их в разные мастерства, иль бранием для господ в их домы для услуг, иль, наконец, что заживны записываются в купечество... что со временем земледельцев толь может убавиться, что не будет их довольного числа для напахания и хлеба на прочие чины»[25].

Проблема рабочих рук очень остро стояла в Уложенной комиссии. Купеческие депутаты выступали сплоченной группой, требуя себе права владения крепостными и восстановления права покупки крестьян к фабрикам. Дворянские депутаты очень упорно отстаивали свое монопольное право на владение крепостными крестьянами.

Щербатов был красноречивым защитником дворянских интересов, яростно выступая против разрешения купцам владеть крепостными, даже в самых ограниченных размерах. Он аргументировал это огромным значением земледелия в экономике страны. Отлив населения из земледелия, по его мнению, даже в незначительных размерах приведет наше сельское хозяйство к полнейшему упадку.

В 1768 г. Щербатов выступил с одной из самых значительных работ по аграрному вопросу, в которой категорически утверждает, что одной из основных причин упадка сельского хозяйства в России является недостаток рабочих рук. «Истинное происхождение дороговизны может вытекать только из следующего: дело в том, что по соразмерности с числом людей, обрабатывающих хлеб, недостает людей, обрабатывающих землю»[26].

Для доказательства этой мысли Щербатов предлагает подсчет количества «обрабатывающих землю» и

[25] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 28.
[26] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 4.

«обрабатывающих хлеб». В России Щербатов считает всего 7 млн. ревизских душ мужского пола, из них способных к труду, по самым оптимистическим подсчетам, заявляет Щербатов, 4 млн. человек. Однако в эти 4 млн. входит 150 тыс. дворовых (считая 3 дворовых на дворянина) и не менее 1 млн. человек уходят в торговлю и на промыслы и если «поддерживают свое существование, то лишь благодаря роскоши частных лиц, которые, недовольствуясь необходимым, производят излишние постройки... Горестное состояние, когда существование свое надлежит основывать на предосудительных пороках частных лиц, подрывающих государство. Тем не менее... один млн. людей... ищут средств в пасти, отверстой безумием других людей»[27].

Таким образом, из 4 млн. трудоспособных земледельцев 1 150 тыс. необходимо вычесть, остается 2 850 тыс. Щербатов для верности берет 3 млн. Эти 3 млн., по подсчетам Щербатова, могут собрать в год в лучшем случае 624 млн. четвертей урожая, из них 120 млн. необходимо на семена. Остается 504 млн. четвертей. Этим хлебом должно прокормиться 18 млн. человек (7 млн. ривизских душ — мужчин, 7 млн. женщин, 2 млн. дворян, духовенства, военных, горожан-мужчин и 2 млн. женщин). При таком положении, заключает Щербатов, России «постоянно, невзирая на ее малонаселенность и обширное пространство, грозит страшный голод»[28].

Таким образом, недостаток рабочих рук в сельском хозяйстве, отлив населения из земледелия и переход тем самым его из класса «производителей» (les pourvoyeurs) в класс потребителей (les consomoteurs) — вот основной порок русского сельского хозяйства, который может дойти до того, что число «производителей» будет сведено на нет[29].

---

[27] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 5.

[28] Там же, стр. 7.

[29] См. там же, стр. 13. «Крестьянское сословие в России, — писал далее Щербатов, — представляется мне в образе большого озера, на дне которого имеются некоторые родники, но из которого вытекает несколько рек, так что оно не получает от родников своих столько воды, сколько ее теряет через реки, а их вода никогда уже не возвращается обратно, и, таким образом, мало-помалу самое озеро сведется на нет. Тем более, что к прежним истокам из него присоединяются еще новые, уносящие немалое количество остающейся еще воды».

Куда же идет отлив населения из земледелия?

Земледельческое население, указывает Щербатов, идет в армию, в дворовые, в мастерства, в торговлю и промыслы и, наконец, значительный процент «обезнароживания» падает на счет бегства крепостных крестьян от своих помещиков.

«Посудите сами, господа, как многочисленны эти реки, истекающие из озера крестьянства российского: рекрутские наборы, которые составляют иногда кровопускание в 60 тыс. человек, беглые в Польшу и на Украину, помещики постоянно извлекают оттуда людей для пополнения своих домов и для отдачи в мастерства, многие сами за недостатком земли или соблазненные положением ремесленников, или торговцев покидают селения и подражают им»[30].

Таким образом, уже в конце 60-х годов Щербатов считал основным пороком русского сельского хозяйства недостаток рабочих рук, отлив населения из земледелия. Однако выясняя причины убыли сельскохозяйственного населения в эти годы, он отводит равнозначное место и рекрутским наборам, и бегству крестьян от помещиков, и уходу их в торговлю и промыслы.

В 70-х годах вопрос о рабочих руках и об отливе населения из сельского хозяйства звучит в произведениях Щербатова еще более тревожно, еще более настойчиво. Однако в этот период он связывает отлив населения из сельского хозяйства главным образом с рекрутскими наборами, и решение аграрного вопроса ищет в лучшей организации армии. «Кровавая война, оконченная в сем 1774 году, язва, война, приключенная от самозванца Пугачева и бунту многих поселян, толико истребила народу в России, что конечно дворяне помышляют число его наполнить»[31].

На многих страницах своих произведений Щербатов описывает тяжелые последствия, которые влекут за собой многочисленные рекрутские наборы. «Нет ни одного российского гражданина, — пишет Щербатов, — который бы не чувствовал тягость сей войны, частые рекрутские наборы, которыми собрано 327 044 человека».

---

[30] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 13.
[31] Там же, стр. 84.

По вычислениям Щербатова, «считая со всего числа душ, уже почти 23-й человек в рекруты взят, а с числа работников смело можно положить 11-й или 10-й, а со всем тем армия не удовольствована»[32].

Существующая система рекрутских наборов особенно вредна, по мнению Щербатова, для такой страны, как Россия. «Россия, — говорит он, — недовольно населена», а потому «и малая убавка земледельцев становится чувствительной государству». Россия — страна земледельческая, и «убавка земледельцев убавляет количество произведений, а потому убавляется и торговля»[33].

«Сие, — заключает Щербатов, — не токмо трудно, но и разорительно»[34].

Таким образом, к вопросу о войнах, а следовательно, и усиленных рекрутских наборах Щербатов подходит с точки зрения интересов дворянского крепостного хозяйства.

Осуждая внешнюю политику Екатерины II, он имеет в виду главным образом тот вред, который наносят дворянскому хозяйству войны и рекрутские наборы.

Однако не только и не столько армия вырывает огромное количество земледельцев из сельского хозяйства. Процент убыли крестьянского населения от рекрутских наборов был сравнительно невелик. Поэтому уже с конца 70-х годов Щербатов считает основной причиной отлива сельского населения уход крестьян в торговлю, в промыслы, в города. Другим причинам убыли крестьянского населения — рекрутским наборам, бегству крестьян, взятию крестьян в дворовые — Щербатов в эти годы отводит второстепенное место.

В 1777 г., описывая Нижегородскую губернию в «отношении плодородия», Щербатов отмечает, что «народ здесь особливо склонен ко всяким промыслам и торгам и многие тут обретаются великие села, которые богатством и торговлею своею знатным городам не уступают, но так как сие естественно должно быть, где есть такие великие промыслы у крестьян, тут земледелие ослабевает»[35]. Такое явление, отмечает Щербатов,

[32] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 69.
[33] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 73.
[34] Там же, стр. 65.
[35] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 490—491.

характерно не только для этой губернии, «сие кажется есть коренное зло в России, что во многих ее областях великое множество крестьян, оставя земледелие, ударилось в другие промыслы»[36].

Другим злом, которое гибельно отражается на русском сельском хозяйстве, является, по мнению Щербатова, устройство заводов в сельской местности и приписка к ним крестьян. «Многие заводчики, получа право покупать деревни и перевозить туда крестьян, коих отняв от земледелия, туда перевезли... и через все сии заводы распростерли действие на уменьшение земледелия»[37].

Окончательное оформление этих мыслей у Щербатова нужно отнести к 80-м годам, когда отлив населения в города выставляется им по существу главной, основной причиной упадка земледелия. Антагонизм города и деревни, принимающий все более острые формы, получает у Щербатова наиболее полное отражение именно в этот период. За два года до своей смерти, примерно в 1787—1788 гг., Щербатов пишет «Разсуждение о нынешнем в 1787 году почти повсеместном голоде в России, о способах оному помочь и впредь предупредить подобное же нещастие», в котором его взгляды на этот вопрос получают отчетливую, законченную формулировку.

Считая голод 1787 г. закономерным результатом «упадания» земледелия в России, Щербатов в число причин этого явления записывает и «сластолюбие», и «роскошь», и «обленчивость» крестьян, однако все эти причины сводит к одному — к отливу населения в города, к росту торговли и промышленности.

В России, пишет Щербатов, образовалась диспропорция между количеством производителей (земледельцев) и потребителей (неземледельцев) в результате того, что количество сельского населения все время уменьшается, а количество населения России вообще растет, так как «благополучное положение нашей страны и крепость народная, чинящая россиян весьма удобных к детородию, не взирая на войны и язвы, весьма умножило народ, так что в 50 лет оный в полтора прибыл»[38].

---

[36] М. Щербатов. Соч.. т. I, стр. 491.
[37] Там же, стр. 502.
[38] Там же, стр. 632.

Это произошло потому, что в России чрезвычайно «умножились» «мастерства», рукоделие и промыслы, города, застройка которых требует великого количества рабочих рук. Щербатов приводит яркую картину роста и застройки городов, особенно Москвы.

«Если мы возьмем в пример одну Москву и рассмотрим разных мастеровых, живущих и приходящих в оную, то ясно увидим коль число их приумножилось. 20 лет тому не прошло, весь каретный ряд вмещался за Петровскими воротами... Ныне не токмо уже многие лавки распространились внутрь Белого города и в заворот по обе стороны по Земляному городу, но и в других улицах множество есть таких сараев для продажи карет... хлебники были весьма редки; ныне почти на всякой улице вывески хлебников видны. Кирпичу в год ряд до 5 млн. делалось, ныне делается до 10 млн.; строеньи были редки, и много как в Москве прежде когда 20 домов строилось, а ныне нет почти улицы, где бы строения не производились. Все таковые промыслы требуют людей, или навсегда пребывающих или приходящих на время летнее.., а все сии люди, удвоившиеся или утроившиеся на летнее время, оставляют свои домы и земледелие, чтобы, не способствуя к произращению, быть истребителями съесных припасов» [39].

Не только в Москве, отмечает Щербатов, «во всех наместничествах, огромные всенародные и приватных людей здания, в малое число лет якобы волшебством каким произведенные» [40].

И все это, заключает Щербатов, отвращает народ от земледелия, «а потому убавкою произведения нужнейших к жизни вещей Россию ослабляет» [41].

Как же Щербатов объясняет массовый отлив населения в город? Чем он объясняет «неумеренный» рост городов? Щербатов не мог понять закономерности и прогрессивности этих явлений. Относясь резко отрицательно к этому новому, он объяснял его «вкоренением сластолюбия во все чины государственные», «нерачением» крестьян и «обленчивостью» их.

Достаточно посмотреть дома, столы, одежду, говорит Щербатов, чтобы увидеть, насколько увеличились

---

[39] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 632—633.
[40] Там же, стр. 633.
[41] Там же, стр. 634.

роскошь и сластолюбие. Особенно опасно, по его мнению, то, что «сластолюбие», проникши и до крестьян, заставляет их излишнее употреблять на свои «издержки», кроме того, «сластолюбие» влечет за собой леность, а «леность людей ослабляет в земледельческой работе». Все это ведет к тому, что крестьяне начинают искать «легкого» и верного заработка, «убегают» от земледелия, «от неподлинного прибытку», в «торги, в мастерства и в другие промыслы» и в результате «земли, обрабатываемые ими, праздны остаются»[42].

Видя новые явления в экономической жизни России, Щербатов как идеолог крепостнического дворянства не мог правильно оценить и объяснить их, вскрыть действительные причины этих явлений. Его взгляды были по существу реакцией на эти новые явления, резкой антитезой наиболее прогрессивным идеям, которые прозвучали в выступлениях в Уложенной комиссии Г. Коробьина, Я. Козельского и особенно в произведениях замечательного мыслителя-революционера А. Н. Радищева. Порвав с дворянской идеологией, Радищев разглядел действительную причину упадка земледелия — низкую производительность крепостного подневольного труда[43]. Щербатов резко отрицательно относился к подобным идеям, самую постановку вопроса о возможности изменения положения крестьян путем регламентации повинностей, наделения крестьян землей, освобождения крестьян он считал преступлением. Он пытался найти выход из назревавшего кризиса, не затрагивая основ феодально-крепостнических отношений.

Недостаток рабочих рук и их неправильное распределение усугубляется, по словам Щербатова, низкой производительностью сельского хозяйства, которое является результатом, с одной стороны, плохой организации помещичьего хозяйства, под чем Щербатов подразумевает «нерачение» помещиков к земледелию и массовый перевод крестьян с барщины на оброк, и, с другой стороны, результатом истощения земли и технической отсталости русского сельского хозяйства.

«Помещики, — пишет Щербатов, — с детства отдалены от своих деревень... пребывают в службе... не имея

---

[42] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 631—632.
[43] См. А. Н. Радищев. Соч., т. I, стр. 223, 318—319.

ни времени, ни удобности войтить во все подробности домостроительства, худо и понимают... все тонкости земледелия, ...кладут свои деревни на оброк»[44].

Помещики, таким образом, вынуждены вести оброчное хозяйство ввиду того, что бывают отдалены от своего хозяйства, а знающих и верных людей для присмотра за ним нет. «Достойные и благоразумные помещики, чувствующие, какую пользу можно от земледелия получить, имея в разных уездах свои деревни, за недостатком людей для присмотру, принуждены и в плодоноснейших областях деревни свои на оброк класть»[45]. Однако как бы ни были уважительны эти причины, перевод крестьян на оброк ведет «к ущербу себе, а равно и государству», к ухудшению земледелия. Щербатов выступает сторонником барщинного хозяйства, так как оно дает, по его мнению, больше возможностей для повышения доходности помещичьих имений, путем увеличения эксплуатации крепостных крестьян. Именно в этом он видит решение задачи повышения интенсивности хозяйства и рационализации его. Это те самые идеи, которые породили «Наказы управителю» Болотова, Рычкова[46] и других и которые находились в резком противоречии со взглядами передовых мыслителей того времени, поднявших свой голос не только против усиления крепостнической эксплуатации, но и против крепостного права в целом.

Низкую производительность сельского хозяйства Щербатов объясняет также примитивностью его, отсталостью русской агротехники. Еще в 1768 г. Щербатов писал: «Я должен признать, что вообще говоря земли обрабатываются в России довольно плохо»[47].

Позднее Щербатов неоднократно возвращается к этой теме, подчеркивая, что крестьяне «имеют плохое знание о земледелии», следуют «токмо обычаям предков», «к земледелию прилежат с небрежением», «худым урожаем пуще огорчается и труд, долженствующей составить его благосостояние, в ненависть приемлет»[48].

---

[44] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 638.
[45] Там же, стр. 636.
[46] См. П. Рычков. Наказ управителю или приказчику. «Труды ВЭО», ч. XVI, 1770, стр. 11.
[47] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 4.
[48] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 635.

Особенно тяжело, по мнению Щербатова, сложилось положение на государственных и экономических землях, лишенных «отеческого» присмотра помещиков. «Крестьянин, не знающий физики, приняв отцов своих обычай не удобрять землю, обманут ее цветом и остановлен леностью, поля свои не удобряет, хлеб у него час от часу хуже родится»[49].

Несколько лучше положение на помещичьих землях, так как некоторые помещики начали удобрять землю и вести более или менее рациональное хозяйство. Однако, признает Щербатов, этот факт довольно редкий даже среди помещиков, а «крестьяне по упрямству и по лености своей сего не исполняют и наводят и себе бедность и государству отягощение»[50].

Таким образом, «нерачение» помещиков, массовый перевод крестьян с барщины на оброк и отсталость техники сельского хозяйства выдвигаются Щербатовым также в качестве причин «упадения земледелия».

Привлекает внимание Щербатова и еще одна сторона русской экономики, которая, по его мнению, также ведет к подрыву сельского хозяйства. В России неудовлетворительно организован сбыт продуктов сельского хозяйства, говорит Щербатов, это ведет к ухудшению земледелия, к росту дороговизны хлеба, к «оскудению» дворянства. Щербатов считает, что в России в организации внутренней торговли продуктами земледелия огромная роль предоставлена купцам, перекупщикам, которые одни получают барыши от торговли этими продуктами.

Эта точка зрения нашла свое полное отражение в выступлениях Щербатова в Уложенной комиссии.

Уже в 1767 г. Щербатов указывал, что участие купечества в торговле сельскохозяйственными продуктами в качестве посредников ведет к вздорожанию хлеба, к ущербу не только для крестьян и дворян, но и для большинства горожан. Купцы, «задавая деньги вперед крестьянам, наконец, принуждают их за половинную цену хлеб им отдавать»[51].

Это значит «все бы труды земледелия почти на откуп малому числу купцов, такими вещами торгующих, от-

---

[49] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 643.
[50] Там же.
[51] Там же, стр. 18.

дать»[52]. Это, по словам Щербатова, противно крестьянскому закону, «для торговли никакой полезности не составляет и не служит к разделению состояния»[53], а в то же время вреда от этого очень много: «Отягчение земледельца и ослабление его в толь трудной работе, дороговизна всех нужных для жизни вещей по городам». Кроме того, крестьянин, видя запрещение продавать порознь, «принужден будет с уменьшением цены продавать лавочнику. Таковы часто повторяемые ему потери не могут ли, наконец, его довести до ненависти его состояния и склонить через какие другие способы пропитание себе искать?»[54].

В этих высказываниях Щербатова обращает на себя внимание ряд моментов. Щербатов выступает не против торговли, а лишь против предоставления неограниченных прав купечеству. Он предлагает ограничить права купечества в пользу дворянства и этим самым неизбежно попадает в противоречия с исходными позициями своей феодально-крепостнической концепции. Кроме того, одним из признаков упадка земледелия Щербатов считает вздорожание сельскохозяйственных продуктов. Между тем для аграриев характерны жалобы на падение цен на земледельческие продукты.

Таковы, по мнению Щербатова, общие причины упадка сельского хозяйства в России. Голод 1787—1788 гг. был, по мнению Щербатова, логическим следствием и результатом общего «упадания» земледелия. Однако, говорит Щербатов, голод имел некоторые частные причины; среди них большое значение имели увеличение винокурения и отмена строгих законов о корчемстве. «Ныне, — говорит Щербатов, — отменение корчемного уставу, наказания за корчемство и смотрение за ними весьма уменьшилось, а тем самым оно весьма умножилось к вящему повреждению нравов, истреблению лесов и хлеба и к ущербу государственного доходу»[55]. Характерно для Щербатова его мнение о том, что корчемство ведет к подрыву монополий дворян на винокурение.

Второй важной причиной голода является, по мне-

[52] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 43.
[53] Там же, стр. 44.
[54] Там же, стр. 46.
[55] Там же, стр. 634.

нию Щербатова, «неразсмотрительный выпуск хлеба за границу». Вообще Щербатов положительно относится к внешней торговле хлебом, однако в русских условиях, в условиях бездорожья, огромных пространств и отдаленности портов, эта торговля выгодна лишь одним купцам, которые, обогащаясь, «делают дороговизнь и нужду в России в хлебе» [56]. Щербатов предлагает организовать внешнюю торговлю продуктами сельского хозяйства таким образом, чтобы она «пропитание у собственного своего народа не отнимала» [57]. Наконец, последней непосредственной причиной дороговизны и голода Щербатов считает отсутствие хлебных запасов в России. «Сластолюбие и роскошь, — говорит Щербатов, — проникшие во все чины государства, учиняют, что какия бы мы не имели доходы, они все для удовольствия нашего суть недостаточны, а потому ничего не оставляем себе вперед и не запасаем хлеба». Щербатов отмечает, правда, некоторые попытки со стороны отдельных помещиков создать такие запасные фонды. Однако эти попытки ни к чему не привели. «Дух неподвластия, вкоренившийся в крестьян» повел к тому, что «и сии засыпи были в прежние годы без крайней нужды растащены...» [58].

На протяжении 20 лет (с 1767 по 1790 г.) Щербатов упорно утверждает, что русское земледелие «упадает». Существенных отличий в характеристике русского земледелия у Щербатова нет, но известное развитие этой мысли несомненно. К концу 80-х годов гораздо острее ставится Щербатовым вопрос о недостатке рабочих рук в сельском хозяйстве, об отливе населения из земледелия, причем отлив населения в эти годы он связывает преимущественно с ростом городов, с развитием торговли и промышленности. Это объясняется углублением кризиса феодально-крепостнических отношений: явления, наметившиеся в середине века, получили свое дальнейшее развитие в 70—80-е годы. Именно поэтому в это время вопрос о развитии городов и промыслов ставится Щербатовым с большей тревогой. Причем, не понимая сущности этих явлений, Щербатов считает их следствием

---

[56] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 641.
[57] Там же, стр. 642.
[58] Там же, стр. 644.

«повреждения нравов», увеличения роскоши и сластолюбия.

Гораздо большую остроту приобретает в эти годы проблема технической отсталости сельского хозяйства.

Говоря об ухудшении земледелия, Щербатов имеет в виду в первую очередь помещичье хозяйство. Щербатова больше всего беспокоит то, что в результате ухудшения земледелия «оскудевает» «благородное» российское дворянство, что от неудовлетворительной организации торговли все барыши от нее получают купцы, перекупщики, тогда как «благородное» сословие беднеет, впадает в неоплатные долги. Щербатов приводит многочисленные примеры задолженности и разорения русских дворян (Шувалова, Шереметева, Разумовского и др.). Сам Щербатов жаловался на нужду в деньгах и просил у Екатерины выдать ему довольно значительную сумму в 40 тысяч рублей.

Оскудение дворянства, малая доходность помещичьих имений в сравнении с ростом дороговизны и ростом потребностей — вот что беспокоит Щербатова. Поэтому не случайно, изыскивая пути улучшения сельского хозяйства, Щербатов по существу ищет возможности улучшения благосостояния «самого заслуженного корпуса» — русского дворянства.

4

С узкоклассовых дворянских позиций исходит Щербатов и при выработке позитивной практической программы решения аграрного вопроса, пытаясь найти мероприятия, которые нейтрализовали бы новые явления экономической жизни и позволили бы улучшить экономическое положение дворянства в рамках крепостной системы.

Еще в Уложенной комиссии Щербатов намечает мероприятия, которые могли бы улучшить сельское хозяйство. Все они сводятся по существу к попытке воспрепятствовать отрыву крестьян от земли и тем самым увеличить количество рабочих рук в помещичьих хозяйствах. С этой целью Щербатов предлагает:

1. В рабочую пору не вызывать крестьян в город по исковым делам, ибо «таковое их задержание, как им самим так и владельцу их и всему обществу чрез упущение земледелия знатной убыток приключает».

2. Для того чтобы крестьяне не стремились сами уходить в города, Щербатов предлагает «учредить такое установление, дабы каждый крестьянин, живший в деревне, имел удвоенное или утроенное бесчестие противу прежде положенного... такое положение принудит крестьян более к деревенскому житию и, следовательно, к земледелию»[59].

3. Третье предложение Щербатова относилось к тому частному случаю, когда крестьяне, оставив земледелие, записывались в купцы. «Дабы не лишать земли ее делателей», — предлагает Щербатов, — не отнимать у крестьян прежние привилегии записываться в купечество, но сумму, которую должен предъявить, гораздо приумножить»[60].

Однако сам Щербатов признал, что эти мероприятия не смогут сколько-нибудь удовлетворительно решить вопрос, не могут задержать отлив населения из деревни. Именно поэтому он к этим предложениям более не возвращался.

В первой половине 70-х годов Щербатов упорно проектировал различные мероприятия, направленные к «наполнению» помещичьих хозяйств рабочими руками. В связи с тем что продолжительная турецкая война потребовала значительного увеличения армии, которое шло в основном за счет сельского населения, проекты Щербатова в этот период имеют своей целью в первую очередь сократить отлив населения в армию, уменьшить вред, который войны и рекрутские наборы приносили помещичьему хозяйству.

В своей небольшой статье «О турецкой войне» он указывал, что вся тяжесть рекрутских наборов падает на «Великую Россию» и предложил перенести центр тяжести рекрутчины на население окраин.

Наряду с этим Щербатов предлагал удлинить сроки солдатской службы и распространить крепостной гнет на отставных солдат и их детей. «Солдаты, — пишет Щербатов, — отставляются многие весьма молоды и здоровы, через что великое число делается прибавки в рекрутах и чрез что земледельцы уменьшаются».

---

59 М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 28.
60 Там же, стр. 29.

Многие из этих отставных солдат остаются в городах и число «праздношатающихся умножают», и если некоторые и возвращаются на старое местожительство, то «ни под чьим правлением остаются». Дети же солдат также, по словам Щербатова, никакой пользы не приносят, «праздно шатаясь, пропадают... и токмо к ябедам причины подают»[61].

Щербатов предлагает отставлять солдат как можно более старых, «ибо хотя солдат уже и стар, но если он в силах, то хотя он и не щеголеват, но к сражению еще он лутче молодова, потому что извык издавна к военной службе и еще наставлениями своими может полезен молодым солдатам быть»[62].

Иными словами, Щербатов рекомендует для «поправления» земледелия максимально удлинить сроки службы.

Щербатов мечтал не только об удлинении сроков солдатской службы, но и о возвращении отставных солдат на «прежние жилища», т. е. к тем помещикам, от которых они были взяты в армию, «где хотя сами ничего не должны платить помещикам, однако некоторое положенное число земли давать обязаны; но дети их, рожденные после солдатства, остаются крестьянами того господина так, как и тех, которых они, быв в солдатстве, приходя к своим женам, живущим в деревнях, прижили»[63].

Таким образом, распространение крепостнического гнета на отставных солдат и их детей, усиление феодальной эксплуатации — вот программа Щербатова, призванная поправить российское земледелие.

Однако Щербатов на этом не останавливается. Он понимал, что достигнуть серьезного улучшения земледелия этими мероприятиями нельзя, что отставными солдатами и их семьями в достаточной мере невозможно «пополнить» количество рабочих рук в помещичьих хозяйствах, так как рекрутчина будет снова и снова вырывать из помещичьих хозяйств большое число наиболее полноценных рабочих. И Щербатов задумывается над вопросом — как вовсе уничтожить бич рекрутчины, столь тягостной для дворянства?

---

[61] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 84.
[62] Там же, стр. 85.
[63] Там же.

Ответом на этот вопрос является его статья 1773 г. «Мнение о поселенных войсках», в которой он предлагает произвести коренное переустройство армии, выдвинув идею создания военных поселений. Задача переустройства — освободить помещичье хозяйство не только от рекрутских наборов, но и от тех материальных издержек по содержанию армии, которые несет сельское население.

С окончанием турецкой войны, перенеся свое внимание на основное, главное «зло» русской экономической жизни — отлив сельского населения в города, на заводы, в промыслы, в торговлю, Щербатов пытается найти средства, которые воспрепятствовали бы этому отливу. В 1777 г. Щербатов писал: «Этому инако пособить не можно, как воззрением прилежным и на месте бывшем оком на все сии заводы, исчислением, более ли они пользы или вреда своими злоупотреблениями приносят, и, наконец, учинением таких узаконений, где бы польза государственная, происходящая от минералов, сравнена была с пользою, происходящею от земледелия, где бы благоденствие заводчиков сравнено было с благоденствием крестьянским и где б, наконец, собственность, спокойство и общая связь всех дел Империи беспристрастно наблюдена была»[64].

За этой туманной формулировкой видно одно страстное желание — отобрать крестьян у заводчиков и вернуть их к земле или хотя бы ограничить право заводчиков владеть крепостными, так как рабочие руки в первую очередь необходимы для сельского хозяйства, для помещиков.

В 80-е годы Щербатов, как мы указывали, все настойчивее ставил вопрос об отливе населения из сельского хозяйства в города. Однако найти более или менее действенные средства против этого «основного зла» русской общественной жизни, так же как и в 60-х и 70-х годах, он не может. Правда, проектируемое им идеальное Офирское государство покончило с этим пороком очень радикальным способом: оно разрушило ранее построенные города и покрылось древними развалинами, которые радуют глаз «добродетельного» путешественника. Об этом Щербатов мог только мечтать,

[64] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 503.

но рекомендовать это «идеальное» мероприятие реальному русскому правительству не осмеливался.

Мало того, Щербатов вынужден был признать, что нельзя запретить крестьянам заниматься промыслами, ибо «Россия была бы скоро приведена в бедственное состояние, не имея каменщиков, плотников и прочих ремесленников». Кроме того, такое запрещение повело бы к «праздности» и «обленчивости» крестьян, уменьшило бы «обращение денег» в стране, уменьшило бы «доходы государя и помещиков»[65].

Нельзя запретить крестьянам заниматься ремеслами, указывает Щербатов, так как этими занятиями они приносят доход государству и помещикам. Нельзя запретить крестьянам заниматься и торговлей ввиду того, что они вложили слишком большие капиталы в торговлю, и изъятие этих капиталов из обращения нанесет огромный вред не только торговле и купечеству, но и дворянству, получающему от этой торговли солидные барыши.

Таким образом, Щербатов не только признал вредным и невозможным ограничение хозяйственной деятельности крестьян, но вынужден был даже выступить в защиту крестьянских промыслов и торговли. Эта противоречивость мировоззрения Щербатова обусловлена ходом и противоречивостью общественно-экономического развития России, противоречивостью экономического положения дворянства в условиях роста товарно-денежных отношений.

Вопрос о крестьянской торговле неоднократно ставился екатерининским правительством, однако какого-либо определенного решения в смысле ограничения или запрещения крестьянской торговли никогда не было вынесено. Накануне своей смерти Щербатов вспоминал: «Во время бытности моей в комиссии о коммерции не единожды было предполагаемо, дабы каким не есть узаконением зло сие прекратить, но по довольным рассмотрении положенных великих капиталов крестьянами в торг, нашлось сие не удобно, яко могущее оные капиталы из обращения вынуть и погрести в землю; рассуждаемо тогда же было, что и самое сие зло имеет некоторую пользу, ибо и купцы, дающие им свои имена для

[65] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 14.

торгу, получают с них довольную плату, ибо сие подкрепляет самое благосостояние купцов»[66].

Практически предложение Щербатова сводится к регулированию помещиками отхода крестьян на промыслы в летнее время. «Что касается тех крестьянских промыслов, которыми заниматься можно только летом, то здесь помещики должны обращать внимание на то, чтобы уходили на них лишь члены больших семей и чтобы из-за занятий промыслами пашня промышленников не запускалась»[67].

Добиться коренного улучшения земледелия таким мероприятием было нельзя, основной, по мысли Щербатова, порок русского сельского хозяйства — недостаток рабочих рук, уход крестьян от земли в города — этим не устранялся. Щербатов и сам это чувствовал, поэтому коренное решение аграрного вопроса он перенес на другое — на расширение помещичьего землевладения, на укрепление крепостнических основ дворянского хозяйства, на улучшение организации и агротехники сельского хозяйства в рамках феодально-крепостной системы.

5

Еще в конце 70-х годов, указывая на недостаток земли у помещиков и крестьян, ведущий к отрыву крестьян от земледелия, Щербатов предполагал «малопомалу лишить крестьян тех промыслов, которые прямо городам принадлежат», а для того чтобы крестьяне не остались без земли, надо, чтобы правительство «лежащие в Белогородской и Воронежской губерниях пустые земли даром бы помещикам и крестьянам отдало». Этим самым «земледелие бы умножилось и Россия бы богатство и изобилие почувствовала»[68].

Таким образом, раздача, и притом бесплатная, государственных земель помещикам — вот что необходимо для улучшения земледелия, для повышения доходности дворянских имений. Щербатов был не одинок в этом своем мнении, этого же хотело все дворянство, и правительство, как известно, до некоторой степени шло навстречу этим дворянским желаниям.

---

66 М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 146.
67 Там же, стр. 14.
68 М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 492.

Крепостнические отношения были распространены на Украину и другие окраинные земли юга. Екатерина II щедрой рукой раздавала государственных крестьян дворянам. Наибольшего расцвета достигли дворянские привилегии по «Жалованной грамоте дворянству» 1785 г.; крепостной гнет усиливался жестокими правительственными указами 1765 г. и др.

Однако Щербатову и это казалось недостаточным. В «Статистике в разсуждении России», указывая на несправедливость секуляризации земель у монастырей и архиерейских домов ввиду того, что эти земли не были возвращены первоначальным владельцам, Щербатов намечал два пути «улучшения» положения монастырских земель.

По его мнению, необходимо или позволить крестьянам (экономическим) «избирать себе опекунов» (имеется в виду — из окрестного дворянства), которые будут наблюдать за «благоденствием» этих крестьян, конечно, за известное вознаграждение, или — и это Щербатову нравится гораздо больше — «раздробя деревни, отдать их в аренду: сие бы послужило к поправлению состояния множества бедных дворян и ко умножению государственные экономии»[69]. Мы видим, что, начав с улучшения земледелия, Щербатов приходит к улучшению положения «множества дворян». Здесь он делает пока нерешительные и очень осторожные выводы, которые, однако, показывают, в каком направлении развивалась его мысль.

Эта программа расширения помещичьего землевладения получила окончательное и яркое выражение к концу 80-х годов. Расширение помещичьего землевладения выступает в эти годы в программе Щербатова как минимум. Он выдвигает требование распространения крепостных отношений на государственных и экономических крестьян, на еще незакрепощенных крестьян Малороссии и других окраинных земель. В своем произведении «Разсуждение о нынешнем в 1787 году почти повсеместном голоде...» Щербатов указывал, что очень простой по исполнению, но самой лучшей мерой, направленной к коренному улучшению земледелия, является передача всех государственных и экономических дере-

---

[69] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 603.

вень дворянам. «Весьма бы краткой мой предлог был,— пишет Щербатов, — состоящий продать все государственные и экономические деревни дворянам», причем продажу эту произвести по весьма умеренной цене, «щитая кругом по 80 рублев за душу, мельницы и другие оброчные статьи, щитая по нынешнему доходу проценту по 5 рублев со ста». Стремясь еще более облегчить покупку государственных и экономических деревень, Щербатов предлагает по существу не продавать, а подарить эти деревни дворянам при условии выплаты ими процентов. «Продажу бы сию зделать, не брав деньги, но брав в залог самые сие деревни, бессрочно с платежом процентов».

Щербатов предусматривает возможность и захвата этих земель вельможами, фаворитами Екатерины II. Еще в 70-х годах Щербатов указывал на «захватчивость» вельмож, которые получили огромные земельные территории и, не имея возможности заселить их, превратили в пастбища. Чтобы предотвратить подобную «захватчивость», Щербатов предлагает «продажу бы сию сделать, распределяя по чинам, в прибавку к имеющимся деревням, дабы б большие бояре и любимцы их все не расхватали, и участники (участки — ?) не толь велики были, чтоб за великим числом деревень и смотрения за ними не было, и ниже бы кто мог на выбор оные взять и получить по жеребью, с позволением меняться»[70].

Это мероприятие (т. е. продажа государственных и экономических деревень по умеренной цене помещикам) могло бы, по мнению Щербатова, коренным образом «обновить» «упадшее» земледелие и обогатить дворянство, что особенно дорого для Щербатова и что он в первую очередь имел в виду, разрабатывая свой проект.

«От сего бы пользы следующие произошли: каждый бы старался умножить разные домостроительства в сих деревнях; дворянство бы обогатилось, земледелие и другие домоводствы умножились, службы наградились, крестьяне лучше бы управляемы и защищаемы были, доимок бы не было, и казна не токмо бы потеряла, но нашла прибыль в денежном своем доходе»[71]. Одним

---

[70] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 667.
[71] Там же, стр. 667.

словом, все было бы, по мнению Щербатова, прекрасно, если бы правительство отдало государственных и экономических крестьян дворянам. Это — идеальное решение вопроса для Щербатова[72]. Однако и сам Щербатов понимал, что надеяться на такое решение невозможно, что этот проект вряд ли может быть принят, несмотря на всю его «полезность». «Но льститься о сем (т. е. о проведении этого проекта в жизнь. — *И. Ф.*) нам не должно, — заключает Щербатов, — ни мнимой проект сей... более распространять, ибо коль он ни есть полезен, но исполнен не будет до того, пока у нас не познают прямую пользу короны, чего и во сто лет не уповательно быть»[73].

Поэтому Щербатов предлагает другой проект для поправления земледелия, не такой идеальный, «сложнейший и труднейший в исполнении... но сходный с теперешним расположением на него правительства»[74].

Сущность этого проекта заключается опять-таки в расширении помещичьего землевладения, если и не за счет государственных и экономических населенных земель, то, по крайней мере, за счет государственных пустопорожних земель, земель, еще не обработанных.

Щербатов проектирует учреждение Государственной коллегии или Приказа земледелия и домоводства, который и должен заняться ликвидацией земельного голода.

Для этого Вотчинная коллегия должна в первую очередь приступить к планомерному переселению государственных и экономических крестьян из густонаселенных губерний в малонаселенные, причем это переселение производить или по добровольному согласию, или по жеребьевке[75].

Второй задачей Вотчинной коллегии, по мнению Щербатова, должно быть более рациональное распределение ранее розданных земель. Необходимо, пишет Щербатов, пересмотреть ведомости «о розданных и проданных приватным людям землях... и если усмотрятся злоупотребления ... учинить доклад государю»[76]. Нако-

---

[72] См. П. С. Бак, Д. А. Голицын. «Исторические записки АН СССР», 1948, № 26, стр. 263.
[73] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 668.
[74] Там же.
[75] См. там же, стр. 673—674.
[76] Там же, стр. 674.

нец, последней и основной задачей этой коллегии является продажа всех «лишних земель» дворянству. «Все лишние пустые земли... учиня о сем верное исчисление, подать доклад сенату о продаже их помещикам, желающим, где есть теснота их крестьянам, переселить их в те места». Эту продажу Щербатов предлагает учинить на следующих основаниях: «1) цена должна быть положена весьма умеренная, и покупающий волен платить или не платить денег, платя ежегодно с суммы по пяти процентов; 2) пошлины с данных сих должно отменить, ибо где содевается польза государственная, тут на малости сии не смотрят; 3) необходимо предупредить эту продажу от всевозможных злоупотреблений и «захватчивости приватных лиц»[77].

На этих же основаниях Щербатов предлагает продать «все оброчные статьи — в дачах состоящие, яко земли, луга, озера и реки и мельницы»[78]. Этим путем, указывает Щербатов, т. е. передачей «пустых», «лишних» государственных земель дворянству, можно достигнуть увеличения барской запашки, повышения доходности помещичьих хозяйств, а следовательно, улучшения земледелия.

Таким образом, расширение помещичьего землевладения за счет государственных, экономических и окраинных земель, расширение крепостнической основы феодального хозяйства путем распространения крепостного права на эти земли — вот то коренное мероприятие, которое является, по мнению Щербатова, радикальным способом улучшить «упадающее» земледелие.

6

Расширение помещичьего землевладения должно сопровождаться улучшением организации сельского хозяйства, рационализацией его, улучшением агротехники в рамках крепостных отношений. Щербатов является убежденным сторонником барщинного хозяйства, так как оно дает бóльшие возможности помещику, чем хозяйство оброчное. «Сия есть неоспоримая истина, что пахотная деревня с хорошим присмотром дает более прибыли помещику, нежели оброчная»[79].

---

[77] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 675.
[78] Там же, стр. 676.
[79] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 52.

Щербатов неоднократно осуждал помещиков за то, что они не «входят ... во все подробности домостройства», иногда без всякой причины бросают свои деревни на произвол судьбы, переводя их на оброк, следствием чего является уменьшение их доходов, задолженность, а иногда и разорение. Идеальным для Щербатова является такое положение, когда помещик сам ведет свое хозяйство, не отпуская крестьян на оброк.

Земледелие — занятие очень сложное, указывает Щербатов, ибо оно связано «со всеми частьми весьма трудной науки о почвах своей земли, о том, какой навоз требуется для удобрения глинистой или песчаной земли» [80].

Исходя из этого, Щербатов считает, что вести сельское хозяйство может только просвещенный человек, только дворянин, так как оно должно строиться на культурных началах, быть рациональным. Впервые о необходимости рационализации сельского хозяйства Щербатов писал еще в 1768 г. в «Записке по крестьянскому вопросу».

Щербатов призывал дворян построить свое хозяйство на рациональных основах, улучшить сельскохозяйственную технику. «Докажите же, господа, народам, погруженным в предубеждения, что не всегда старинные обычаи сказываются наилучшими, в особенности касательно земледелия; обратите их внимание на разность земельных почв, на различные удобрения, необходимые для каждой из них, на различные земледельческие орудия, которые следует употреблять, укажите плодородным областям, что путем улучшений в обработке можно добиться еще высшей урожайности, что урожай зависит и от выбора семян и от подбора почв, пригодных для разных пород семян; изобретайте орудия для ускорения уборки хлеба или познакомьте с теми, которые уже изобретены. Докажите помещикам, что как граждане, верноподданные и изрядные хозяева они должны поддерживать земледелие и наблюдать за своими крестьянами, чтобы те не презирали этого занятия, столь для всех необходимого ...» [81].

Но в эти годы призыв к рационализации сельского хозяйства звучит в произведениях Щербатова еще до-

[80] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 13.
[81] Там же, стр. 14—15.

вольно глухо. В 80-е годы вопрос о необходимости рационализации сельского хозяйства ставится Щербатовым острее, причем он указывает уже на необходимость рационализации в общегосударственном масштабе.

Проектируя в 1787 г. Вотчинную коллегию, Щербатов ставил перед ней задачу заниматься вопросами не только расширения помещичьего землевладения, но также и рационализацией и интенсификацией земледелия, улучшения техники сельского хозяйства, внедрения новых культур. В первую очередь Коллегия должна заботиться «о заведении разных новых родов хлебов», «перемене семян». Однако в сфере ее внимания должен быть не только хлеб. «Всем довольно известно, что земляные яблоки (картофель. — *И. Ф.*) составляют здоровую и сытную пищу, а к тому занимают мало земли, а всегда сильно родятся». Поэтому необходимо внедрять эту культуру так же, как «гороховое дерево, коего семена удобны в пищу людям и скотам»[82], всевозможными наградами и поощрениями.

Коллегия должна заботиться о лесах, «о заведении садов, всяких сортов деревьев и огородов». Поскольку техническое оборудование сельского хозяйства находится на низком уровне, господствует «старый обычай», «то выписки и употребление всяких орудий для заведения лутшия пашни должно сочинять попечения сей Коллегии»[83]. Для этого Щербатов предлагает завести опытные поля. «Коллегия должна иметь в собственном своем владении небольшие деревни, две или три, круг Москвы, где она будет производить опыты, нанимая для сего экономов и выписывая или делая орудия»[84]. Предметом забот Коллегии должно быть и коневодство, и разведение «разной скотины, яко быков, коров и свиней»[85].

Рационализацию сельского хозяйства, внедрение новых культур и новых земледельческих орудий Щербатов считает очень важным делом, для которого правительство должно не жалеть денег и выделять значительные субсидии, так как они идут на улучшение самой

---

[82] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 677—678.
[83] Там же, стр. 678.
[84] Там же, стр. 678—679.
[85] Там же, стр. 679.

важной отрасли экономики — сельского хозяйства. Перед этой Коллегией Щербатов ставит и еще одну очень важную задачу — заботу о фабриках и ремеслах.

На первый взгляд кажется странным, что государственная организация, призванная исключительно «ободрять» российское земледелие, должна заниматься вопросами промышленности и ремесла. Однако все оказывается очень ясным, когда увидим, какие фабрики и ремесла должны быть предметом попечения этого департамента. «Попечения сей Коллегии должно простираться и о самих ремеслах, — пишет Щербатов, — того ради защищает она от всякого притеснения из российских произведений все заведенные фабрики. Однако, наблюдая чтобы отделывания самих вещей не мешало их произведению, то есть, чтобы от них не претерпело земледелия и для сего полагает пределы, чтобы жадность к корысти приватных людей не отнимала множества рук от земледелия»[86]. Иными словами, Коллегия должна заботиться о фабриках, работающих только на русском сырье, т. е. «переделывающих» продукты сельского хозяйства, и лишь постольку, поскольку они не вредят земледелию, не ведут к отливу населения из земледелия.

Таким счастливым качеством обладают, по мнению Щербатова, преимущественно дворянские крепостные фабрики. Этот департамент, призванный улучшить состояние земледелия, «должен остановить до ныне бывшей великий прилив земледельца в города»[87].

Поручая этой Коллегии заботу о дворянских фабриках, Щербатов думает не об улучшении земледелия как такового, а об улучшении благосостояния помещиков. Этой государственной Коллегии Щербатов придавал очень большое значение, как видно из ее задач, из ее широких функций и полномочий, из того, что она должна была быть подчинена сенату и иметь право непосредственного доклада государю.

Правительство должно больше всего уделять внимания и заботы земледелию как самому полезному труду в государстве, подчеркивал Щербатов, оно не должно жалеть никаких затрат для «обновления земледелия»,

---

[86] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 679—680.
[87] Там же, стр. 680.

для улучшения покачнувшегося материального положения дворянства. Приказ земледелия и домоводства должен был, по мысли Щербатова, разрешить эту задачу.

Выше указывалось, что одной из причин «упадения» земледелия, дороговизны и обеднения благородного сословия (для Щербатова все эти понятия тождественны) является, по мнению Щербатова, огромная роль купечества в сбыте продуктов сельского хозяйства. Что же Щербатов предлагает для ликвидации этого положения?

Уже в проекте Наказа депутату Ярославского дворянства Щербатов ратует за свободную продажу хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, за отмену всяких стеснений дворян и крестьян в продаже продуктов сельского хозяйства, ибо в противном случае «попечение помещиков о земледелии будет утеснено, купцы богатые бедных удручат, а и прочие мещане покупкою из третьих рук себе в пропитании восчувствуют великую тягость, не считая колико из сего утеснения произойдет нарушение закона» [88].

Дворянство должно «пользоваться торгом хлебным на таком основании, чтобы купечеству было запрещено у крестьян по дворам хлеб закупать, ибо таковая закупка ими хлебу к разорению крестьян клонится» [89], — писал Щербатов в проекте Наказа.

Позднее, неоднократно возвращаясь к этой мысли, Щербатов четко сформулировал права дворянства в области внутренней торговли земледельческими товарами. «Благородные не возбранно могут произведения собственных своих деревень, кроме законами запрещенных, в городах продать гуртом и стаями, которых число и мера предписаны в учреждении, в деревнях же своих оные произведения могут продавать в мелочь» [90].

Заботу Щербатова вызывает и крестьянская торговля своей продукцией. Еще в Уложенной комиссии Щербатов требовал, «чтобы хлеб и всякие съестные вещи им (крестьянам. — *И. Ф.*) беспошлинно и невозбранно позволено было продавать в городах и на торжках, и от

---

88 М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 206.
89 Там же, стр. 18.
90 Там же, стр. 208.

покупки бы оных были исключены купцы, торгующие теми вещами, до полудни, дабы общество, купя из первых рук, могло пользоваться дешевизною, а крестьянин лучшей продажей побужден к земледелию и домостроению был»[91].

Нетрудно заметить, что все эти рассуждения имеют в виду повышение доходности дворянского хозяйства (и крестьянского, поскольку оно «неразрывными узами» связано с помещичьим) путем отмены всяких ограничений в их торговле сельскохозяйственными продуктами, вытеснения купечества с внутреннего рынка, главным образом из торговли продуктами земледелия.

Таким образом, для того чтобы повысить доходность своих имений, дворянство должно само выйти на рынок и заняться сбытом своих изделий, не доверяя этого сбыта купцам-перекупщикам и вытесняя их из торговли продуктами сельского хозяйства[92].

Эти идеи Щербатова отражают общую тенденцию дворянства, которое стремилось выйти на рынок, подчинить экономическую деятельность купечества своим интересам, вырвать у него экономическую инициативу. Однако это являлось уже известным разрывом с натуральной феодальной основой дворянского хозяйства и выступало как противоречие в положении дворянства в целом, в мировоззрении Щербатова в частности.

* * *

Суммируя высказывания Щербатова, можно прийти к следующим выводам.

Щербатов, как и многие его современники, констатирует наличие тяжелого кризиса в сельском хозяйстве России: недостаток продуктов сельского хозяйства, резкое вздорожание их, периодические неурожаи. Он подчеркивает невозможность для русского земледелия удовлетворять все возрастающий спрос и указывает даже на «закономерность» этого явления в современных условиях: «русское земледелие упадает и неизбежно упадать должно». Однако оставаясь на феодально-кре-

---

[91] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 25—26.

[92] Об участии дворянства в торговле см. § 4 «Вопросы торговли и промышленности».

постнических позициях, Щербатов основную причину этого видит в росте городов, промышленности и торговле, который, повышая спрос на продукты земледелия, ведет в то же время к отливу населения из сельского хозяйства, к образованию резкой диспропорции между количеством «производителей» (по концепции Щербатова, к ним относятся только земледельческие классы — крестьяне и «особо нужный» класс дворянства) и «потребителей» (все другие слои населения).

Изыскивая пути решения аграрного вопроса, которые сводятся для него по существу к упрочению экономического положения дворянства, Щербатов на первых порах своего литературного творчества намечает ряд мероприятий, которые воспрепятствовали бы отливу населения из сельского хозяйства в города, в торговлю и промыслы.

Однако признав тщетность этих попыток, а до некоторой степени и невыгодность их для помещиков, Щербатов в 70-е и 80-е годы намечает новую программу «решения» аграрного вопроса путем всемерного расширения и упрочения феодально-крепостнической основы помещичьего хозяйства: 1) расширение помещичьего землевладения за счет государственных, экономических и окраинных земель; 2) распространение крепостнических отношений на еще не закрепленных крестьян; 3) усиление крепостнической эксплуатации ведением барщинного хозяйства самими помещиками и пр.

Эта программа усложняется у Щербатова идеями интенсификации и рационализации сельского хозяйства, перекликаясь в этом до известной степени с идеями Болотова и писателей Вольного экономического общества, причем он предлагает эту «рационализацию» в общегосударственных масштабах, перекладывая заботы и издержки по рационализации исключительно на государственные учреждения («Департамент земледелия и домоводства»). Но при этом, по его утверждению, только дворянство может явиться организатором и руководителем рационализации сельского хозяйства, так что сама программа рационализации превращается в аргумент в пользу расширения дворянского хозяйства.

Таким образом, Щербатов решает аграрный вопрос в плане консервирования и укрепления феодально-крепостнической базы помещичьего хозяйства.

III. Вопрос о крепостном праве и положении крестьян

1

Пристальное внимание к экономическим вопросам подвело общественную мысль России к постановке большой социальной проблемы — о крепостном праве.

Вряд ли есть основания преувеличивать остроту крестьянского вопроса для 60-х годов. В своей законченной форме, то есть как проблема освобождения крестьян, этот вопрос вставал эпизодически и в очень неопределенной, расплывчатой форме. Но он был поставлен, поставлен самой жизнью — и экономическим развитием страны, и упорной борьбой крестьян за волю и землю. Именно поэтому этим вопросом интересовались и сама Екатерина II, и политические деятели, и мыслители того времени. Очень оживленно обсуждалось положение крестьян в Уложенной комиссии[1].

Этот вопрос, естественно, оказался также в центре внимания Щербатова. Нельзя было, рассматривая состояние сельского хозяйства России, отводя земледелию решающее место в экономике страны, изыскивая пути улучшения сельского хозяйства, оставить без внимания положение земледельцев, «делателей земли», которые являются единственным производительным населением, по высказываниям Щербатова. Тем более нельзя было для Щербатова пройти мимо вопроса об освобождении крестьян, о наделении их землей, поскольку этот вопрос был поставлен как один из способов «улучшения земледелия», повышения производительности крестьянского труда. Щербатов сам указывает, что он очень часто обращался к вопросу об освобождении крестьян, или о наделении их землей, как средству «обновления» упадающего земледелия. «Состояние свободы, в котором я рожден, и первые чувствования человечности заставляли меня весьма часто обращаться к мысли, что если бы дать свободу крестьянам в России, сие оживило бы их промысел, и неприкрепленный к земле, не находящийся более в рабстве, каждый из них потщился достиг-

---

[1] См. В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, тт. 1—2. СПб., 1888—1901; М. Т. Белявский. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. Изд-во МГУ, 1965.

нуть возможного благоденствия, а из сочетания частных благополучий проистечет и всеобщее блаженное состояние. Или же пусть дали бы им по крайней мере в собственность недвижимые их имения, коими теперь они владеют лишь в силу благодеяний их господ, в том предположении, что обладание собственностью заставит их с большим тщением относиться к своему имуществу, а это самое и создаст величайшее богатство государству»[2].

Крестьянский вопрос для Щербатова, как и для его современников, включал в себя три проблемы: это, прежде всего, вопрос об освобождении крестьян; во-вторых, о наделении крестьян землей; и, в-третьих, вопрос о регламентации крестьянских повинностей. По всем этим вопросам Щербатов дал исчерпывающие ответы, которые ярко характеризуют классовую дворянскую сущность его социальной программы.

Впервые вполне определенно Щербатов высказывает свою точку зрения на крестьянский вопрос в Уложенной комиссии. 4 августа 1768 г. он трижды выступал с примечаниями на 13, 14 и 15 статьи 2-й главы «Проекта о правах благородных», составленного частной комиссией о государственных родах. Эти выступления направлены против попытки ввести новое учреждение «свободных деревень» и некоторыми льготами их владельцам поощрить помещиков к освобождению своих крепостных крестьян[3].

Начинает свое выступление Щербатов восхвалением благородных намерений частной комиссии о государственных родах, дифирамбом естественному состоянию человека — свободе. «Великое сие есть право, — восклицает Щербатов, — чтобы кому свободу даровать! Единое сие имя свободы возбуждает в сердцах наших удовольствие...»[4].

---

[2] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 8.

[3] Статья 13 первой гл. «Благородные могут, если пожелают, право владения крепостных своих деревень переменить на право деревень свободных. Но свободных деревень паки на право крепостных переменить уже не можно». Ст. 14: «Благородные могут делать благородным завещания с условием, законами определенным, на деревни свободные; крепостных де деревень завещать таковым образом не можно». Ст. 15: «Благородным дозволяется продавать и покупать свободные деревни беспошлинно» (сб. «ИРИО», т. XXXII, стр. 580).

[4] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 192.

Однако при решении такого важного вопроса, говорит Щербатов, необходимо руководствоваться не «тщетными мечтаниями» и не «прелестным видом благодеяний», а здравым рассудком, исходить из «состояния государства», из «умствования и умоначертания народа», из климата «сей пространной империи». Щербатов признает, что некоторая польза от освобождения крестьян может произойти: «возвеселится добродетельное сердце» от «соделанного благодеяния», лишение наследства «злонравного сына добродетельным родителем», долг благодарности «усердным крестьянам» и, наконец, если это освобождение происходит за выкуп, то известная материальная выгода помещикам [5].

Однако эта польза весьма ничтожна, по мнению Щербатова, в сравнении с тем вредом, который может произойти от этого. Прежде всего, указывает Щербатов, людей только тогда нужно делать счастливыми, когда они несчастливы, только тогда улучшать их положение, когда оно плохое. А положение русских крестьян, по мнению Щербатова, прекрасно: «Оные час от часу богатее и благоденственнее становятся». В доказательство этого он приводит многочисленные жалобы городских депутатов на конкуренцию крестьян: «Они торгами своими подрывают купецкие торги, следственно, они богаты и благоденственны...» [6].

Щербатов рисует идиллическую картину взаимоотношений крестьян и помещиков. «Они (крестьяне.— *И. Ф.*) защищены своими господами, которые ... о хорошем состоянии их пекутся; имея частное правление, наблюдают о всем том, что может добронравие и трудолюбие в них вкоренить самую строгость употребляя, содержат их в доверенности в промыслах их у купцов... А все сие по большей части клонится к самому их благоденствию».

Таким образом, крестьяне уже имеют «надлежащее благополучие» и всякое увеличение этого благополучия, по мнению Щербатова, может только «во вред обратиться» [7]. Такова одна сторона дела.

---

[5] См. М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 194.
[6] Там же, стр. 195.
[7] Там же, стр. 196. Еще более идиллическую картину положения крепостных крестьян он рисует в своем «покорнейшем предложении на читанный ... голос г. депутата гор. Сер-

Освобождение крестьян вредно для «целости и благоденствия» государства. По мнению Щербатова, сила государства, в особенности самодержавного, каким является русское, основывается на неразрывной нисходящей связи монарха, дворянства и крепостного крестьянства — материальной базы такого государства. Всякое нарушение этой связи гибельно для государства. Дарование крестьянам свободы, «коль бы мало сие право свободы ни было, однако разрывает сию цепь, связующую помещиков с их крестьянами». И, следовательно, ведет к ослаблению государства. Кроме того, «сие влечет за собой повреждение их (крестьян. — *И. Ф.*) в нравах, из чего происходит разбой, воровство, кормчества и уменьшение или неверность государственных доходов» [8].

Вследствие всего этого крестьяне впадут в «обленчивость», перестанут заниматься земледелием с необходимым прилежанием, «запустеют заводы и фабрики, куда часто для умножения или прибытку во время зимнее самими помещиками принуждаемы бывают ходить» [9].

Русский народ, говорит Щербатов, еще груб и невежествен, «требует во многом просвещения» и это просвещение крестьяне могут получить, по словам Щербатова, только от своих помещиков. Поэтому не разрывать эту связь между крестьянами и помещиками нужно, а «без утеснения... стеснить сей союз». И если даже, в лучшем случае, это освобождение пройдет благополучно, сохранится «нужная связь между помещиком и

пейска Родиона Глинкова: «Дворяне, получа земли и деревни в награждении за пролитую кровь свою и за разные услуги, большую часть земель для пропитания своим крестьянам уступили: снабдили их лесами, снабдили их лугами, надзирают подобно, как над детьми своими, чтобы никто никакой обиды им не учинил и чтобы между собой друг друга не разоряли; ссужают их во время нужды и хлебом, и скотиной, и лошадьми. За такие дарования, защищение и доброе управление иль полагают крестьян своих на пашню и работу, оставляя однако по меньшей мере две трети времени на их собственные работы, иль положили их на оброки и тогда уже работы не требуют; но редко чтоб каким из сих положений отягащали таких людей, которых благосостояние не токмо им самим, но и детям их нужно, и коих разорение самих их разорение приключит по обязательству, в котором находятся платить за крестьян своих всякие государственные поборы». (М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 128—129).

[8] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 196.

[9] Там же, стр. 196—197.

крестьянством», улучшится положение крестьян, то все равно освобождение их вредно, ибо «единое сие имя свободы, — говорит Щербатов, — во всех непросвещенных людях не произведет ли умствования неподданства до самой крайности доведенного». Положим, рассуждает Щербатов, таких деревень будет немного, но и одной, по его словам, достаточно, чтобы «вложить мысли зависти, непокорства и негодования» [10].

Таким образом, Щербатов выступает категорически против освобождения крестьян, даже если это освобождение будет в самых незначительных размерах, ибо вред от освобождения, по его словам, гораздо больший чем польза. Щербатов предостерегает, что опыты производить над такими вещами нельзя, ибо человека, раз получившего свободу, уже нельзя закрепостить. «Не толь легко отнимать свободу, коль легко ее дать», и если опыт окажется неудачным и необходимо будет отнять у крестьян свободу, «то лишение имени свободы не производит ли роптания, а может быть и более — сопротивления, — которыя иногда и оружием должно будет унимать» [11].

Щербатов призывает к осторожности. Лучше всего, по его мнению, вовсе оставить попытки освобождения крестьян и не променять «верные и давно пребывающие блага государства на неподлинную новость» [12].

В том же 1768 г. Щербатов пишет «Записку по крестьянскому вопросу», очевидно, в ответ на сочинение Берда да Лабея, получившее первую премию в конкурсе Вольного экономического общества 1766 г.

К вопросу об освобождении крестьян Щербатов подходит в этом произведении несколько с иной точки зрения, чем в Уложенной комиссии, а именно с точки зрения улучшения земледелия в России. Нельзя ли для «поправления» земледелия в России отпустить крестьян на свободу, ибо свободный больше заботится о своем благосостоянии, или по крайней мере предоставить крестьянам в собственность землю, в предположении, что «обладание собственностью заставит их с большим тщением относиться к своему имуществу». И здесь Щербатов категорически отвечает — нельзя.

---

[10] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 197.
[11] Там же, стр. 199.
[12] Там же, стр. 200.

Предоставить крестьянам свободу нельзя, по его мнению, по следующим соображениям: во-первых, Россия раскинулась на огромные территории, «вмещает в себя различные климаты», имеет земли разной плодородности, различную густоту населения. Все это поведет к тому, по мысли Щербатова, что крестьяне оставят неплодородные земли и уйдут на земли плодородные, расположенные в благоприятном климате. Доказательство этому Щербатов видит в том, что крестьяне и сейчас, будучи крепостными, бегут от своих господ в плодородные области. Результатом такого массового переселения крестьян будет то, что «центр империи, местопребывание государей, вместилище торговли станут лишены людей, доставляющих пропитание, и сохранят в себе лишь ремесленников, которые, покинув землю, ищут средств своих там, где роскошь и безумие людей достигают высших степеней... не говоря уже о трудности получить необходимые доходы» [13].

Правда, более плодородные области будут разработаны лучше, но отсутствие путей сообщения, дороговизна провоза поведут к еще большему ухудшению земледелия.

Вторым препятствием освобождения крестьян является, по мнению Щербатова, очень плохое состояние русского судопроизводства, массовые злоупотребления местных чиновников. «Несчастный порок мздоимства, малое прилежание судей к своим обязанностям и низкие их чувствования слишком вкоренились, чтобы могли быть в скорости исторгнуты. Поэтому помещичьи крестьяне, терпя тысячи притеснений со стороны губернских начальств, отдадутся с удовольствием вельможам и будут переходить из рук в руки к тем, кто теперь стоит или тогда стоять будет у вершины власти» [14].

И, наконец, третье, очень важное, по мнению Щербатова, соображение против освобождения крестьян заключается в том, что это поведет к разорению дворянства — верной опоры самодержавной власти. «Дворянство российское, дворянство, достойное величайших похвал и восхищений... составляющее славу России и вызывающее восхищение вселенной, из состояния богатст-

[13] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 9.
[14] Там же.

ва низвергнутое в бедность, принуждено будет покинуть отечество или, доведенное до отчаяния..., предпримет нечто противу отечества своего, не для исправления, ибо дело будет непоправимо, но в видах отмщения»[15]. Таковы аргументы Щербатова против освобождения крестьян: они, как видим, не отличаются особой оригинальностью и главное место в них принадлежит, несомненно, тому убытку, который понесут дворяне от такой реформы.

Таким образом, уже в 1768 г., т. е. в начале своей общественной деятельности, Щербатов отрицательно решает вопрос об освобождении крестьян. Даже мысль об этом приводит Щербатова в ужас. «Но, боже, — когда я углубил далее свои изыскания, какая представилась глазам моим ужасная картина, какие недороды, какие убийства, возмущения и пр.! Нет, нет, я бегу далеко от сих мыслей. И чтобы ни говорил естественный закон, оставим лучше крестьян в России в том состоянии, в котором они пребывают в течение нескольких столетий»[16].

Не менее решительно Щербатов выступает в Уложенной комиссии и против наделения крестьян землей, против регламентации крестьянских повинностей, вообще против всякой попытки улучшения положения крепостных крестьян.

5 мая 1768 г. артиллерии поручик Григорий Коробьин, депутат козловского дворянства, внес в Большую комиссию свои «примечания» к читанным ранее законам о беглых. В этих примечаниях Коробьин указывает, что причина бегства крепостных крестьян от своих помещиков заключается в чрезмерных поборах помещиков, в злоупотреблении ими своей властью, а все это происходит от того, что помещик имеет неограниченную власть над имуществом крестьян. Коробьин предлагал: «Предписать законами коликую власть имеют помещики над имениями крестьян», т. е. урегулировать каким-то образом подати, накладываемые на крестьян, законодательным путем установить количество дней работы на помещика. Крестьянин, говорит Коробьин, «известную часть своего имения почитать

---

[15] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 9.
[16] Там же, стр. 8.

должен не за свою, но за помещичью, а прочее именно за свое собственное, т. е. за такое..., над которым он полный господин»[17]. При всем этом крестьяне должны остаться, по мнению Коробьина, в крепостной зависимости у помещиков. Эти очень скромные предложения, направленные на некоторое улучшение положения крепостных крестьян, встретили решительную отповедь со стороны представителей дворянской консервативной партии, в том числе и Щербатова. Признавая возможность отдельных случаев злоупотребления помещиков своей властью, Щербатов, однако, не считает это основной причиной побегов, так как злоупотребления, по его мнению, единичны, а побеги крестьян — явление очень распространенное. Если бы злоупотребления помещиков носили массовый характер, то крестьяне бежали бы целыми семьями, мало этого, целыми деревнями. «...Не одна или две семьи из деревни бежали бы, но и целые бы деревни мало-помалу опустели бы побегом их жителей». Однако этого нет, «ибо давно бы Россия от сего в пустыню обратилась»[18].

По мнению Щербатова, истинные причины побегов крестьян следующие: 1) огромное пространство России, разные климатические условия, способствуют тому, что крестьяне могут искать себе более удобные условия для существования; 2) недостаток и истощение земель в одних местах и обилие плодородных земель в других местах; 3) крестьяне бегут от рекрутских наборов; 4) «непостоянство, обленчивость и худые нравы самих крестьян»[19].

Признавая излишние поборы с крестьян и другие случаи злоупотребления властью со стороны помещиков, Щербатов, однако, не считал возможным искоренить их законодательным путем. Нельзя, указывает Щербатов, ограничить помещиков в доходах, регламентировать единым законодательным актом поборы помещиков с крестьян или хотя бы установить определенное количество дней для работы крестьян на помещиков.

Дело в том, что подати на крестьян накладываются

---

[17] «Сб. ИРИО», т. XXXII, стр. 406—410; Из этого Щербатов делает вывод о том, что Коробьин предлагал наделить крестьян землей в собственность, хотя Коробьин позднее отрицал это.

[18] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 181.

[19] Там же, стр. 179.

согласно «их обстоятельствам и выгодам», а это правительство учесть не может. Они зависят от «разности климатов, доброты земли, обильства или недостатка угодий, способов к промыслам», «умоначертания крестьян и их способностей», степени прилежания крестьян и других обстоятельств. Из всего этого Щербатов делает решительный вывод, что «ограничение господ доходом, яко подлежащие к толиким несчетным подробностям, сделать никак невозможно»[20]. Да и нет необходимости.

Помещики, по словам Щербатова, сами заинтересованы в благосостоянии своих крестьян, помогают им в случае нужды, а поэтому «надлежит их (поборы.— *И. Ф.*) представить на рассмотрение их самих»[21].

Таким образом, Щербатов отвергает всякую мысль о регламентации крестьянских повинностей, об ограничении помещиков в доходах, получаемых с крестьян.

Еще более решительно возражает Щербатов против наделения крестьян землей в собственность. Он понимает и признает бо́льшую производительность труда крестьян на собственной земле, так как крестьянин трудится для себя, старается лучше ее обработать, чтобы получить больше дохода. Он писал, что оброчное хозяйство выгоднее барщинного в том случае, если помещик сам не ведет хозяйства, так как «каждый для себя удабривая и обрабатывая (землю.— *И. Ф.*), содержит ее в добром состоянии и лутчей урожай приобретает, так что нет ни одной оброчной деревни, что б крестьяне не токмо уменьшили, но не размножили свою пашню»[22].

Выборгская губерния, где земля находится в частной собственности у крестьян, писал он в другом произведении, «показывает чудеса рук человеческих... неудобная к земледелию, неплодородная земля благодаря прекрасной обработке дает десятиричный урожай»[23]. Тем не менее мысль о наделении крестьян землей в собственность совершенно неприемлема для Щербатова. Он категорически ее отвергает, привлекая для доказательства ее несостоятельности аргументы социального и политического характера.

---

[20] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 183.
[21] Там же.
[22] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 52.
[23] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 518.

Для того, чтобы дать земли крестьянам в собственность, их необходимо отобрать у дворян. Это представляется Щербатову делом невозможным, несправедливым по отношению к дворянству: «и изображение сего довольно, мню, самого неправосудного в ужас приводит» [24].

Земли получены дворянами, говорил Щербатов, за «пролитую кровь», за «верную службу отечеству», «за сопротивление татарам и полякам, за неоднократное освобождение Москвы и пр.» [25].

Невозможно, по мнению Щербатова, в награду за то, что дворяне «от ига татарского Россию освободили, что всегда нерушимую верность сохраняли, что запечатлели сие усердие к своим монархам во время бунтов ругательными и мучительными смертями, что многие провинции России приобрели, у них самое то награждение отнять, дабы отдать их подданным, которые никогда к сему права не имели ибо токмо последовали ведущим их предводителям» [26].

Эти земли, указывает Щербатов, куплены дворянством не только «кровью и заслугами», но и деньгами, так как «положенными пошлинами за справки и за продажи едва не всю цену и денежную в государственную казну внесли».

Таким образом, лишение дворянства земли — вопиющая несправедливость и «Великая Екатерина коей мудрости вселенная удивляется... не может то терпеть, чтобы верные ее подданные такого правосудия страшиться могли» [27].

---

[24] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 186.

[25] Там же, стр. 185—186.

[26] Там же, стр. 186. Возможность лишения дворянства земель очень волнует Щербатова. Он произносит пламенную речь о заслугах дворянского корпуса: «Скажите, почтенные депутаты, скажите, вы слыхали от отцов своих, коликие заслуги корпус дворянский всей России оказал? Еще во многих у нас местах видны развалины разрушенных храмов, запустошенные селения от яростных иноверцев! Кто вам православную веру сохранил? Кто от ига и мучительства варвар и чужеземцев вас избавил, если то не дворяне? Толь ли награждения отцы наши, имея честь предводительствовать своих слуг против общих неприятелей и защищать православную веру и государство, надеялись получить, чтобы ныне их потомков с тиранами сравнить? Такое ли будет от вас награждение за спасение вас и душ ваших? (М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 187).

[27] Там же, стр. 186.

Невозможность предоставить крестьянам землю в собственность Щербатов пытается доказать и государственными интересами. Если отдать землю крестьянам, то есть предоставить им право покупать, продавать, дробить, завещать, дарить землю и пр., то это поведет к раздробленности земель, к чересполосице, которая будет мешать вести более или менее интенсивное хозяйство. «Каждый крестьянин, имея право продавать или подарить, будет другим оные продавать и раздробит их не токмо на части, но на лоскуты. ...В дачи одной деревни ста других деревень владения войдут» [28]. Мало этого, более богатые и предприимчивые крестьяне скупят земли у бедняков, которые будут вынуждены или вовсе оторваться от земледелия, или наняться батраками к богатым крестьянам. Щербатов видит пример этого в положении черносошных крестьян [29]. В результате большинство населения обнищает, размножение народа сократится, «через что, конечно, до крайности государство дойдет» [30].

Излишняя раздробленность земель поведет к различным злоупотреблениям: дракам, убийствам, перекосам, потравам и пр. Наконец, Щербатов указывает и еще одну, действительно, слабую сторону проекта Коробьина. Нельзя, по его мнению, сделать крестьян собственниками земли, оставляя их в то же время крепостными помещика. Если крестьяне останутся в крепостной зависимости у помещика, то и имущество крестьян фактически будет собственностью помещика. «...тщетно имя собственности растверживать: когда тело чье подвластно другому, имение его всегда тому же подвластно будет, и законы таковые, всегда сильнейшему уступая, лишь причина (презрением их) новому преступлению будет» [31]. И предотвратить такое положение нельзя ни в коем случае. Единственно, что можно было бы сделать для предотвращения этого, это дать крестья-

[28] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 187—188.

[29] «Каковое следствие сей собственности уже мы и видим у черносошных государственных крестьян, где большая часть, продав свои земли, у меньшей части в неволи находится, о чем шлюсь и на чиненные им запрещения такие делать продажи» (М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 188).

[30] Там же.

[31] Там же, стр. 189.

нам право суда с помещиком. Однако этого Щербатов допустить никак не может, ибо следствием будет «умствование равенства, до крайности доведенное». Крестьяне грубы и невежественны, они начнут массами жаловаться даже на «самые справедливые налоги» помещиков, целыми деревнями пойдут в судебные места, в результате «земля останется без земледелия и они лишатся своего пропитания. В разбое и татьбе принуждены будут себе его искать; ...к бунтам приклонятся и на жизнь помещиков восстанут» [32].

Таким образом, Щербатов категорически протестует против наделения крестьян землей. Во-первых (и это основное), потому, что это нанесет огромный вред дворянству. Во-вторых, как он утверждает, это нанесет вред государству, так как поведет за собой раздробление земель, обнищание населения и «уменьшение размножения народа». И, в-третьих, Щербатов указывает на нереальность этого предложения.

Так решал Щербатов крестьянский вопрос в начале своей общественной деятельности.

В «Записке по крестьянскому вопросу» Щербатов снова ставит вопрос о наделении крестьян землей и снова решает его отрицательно. И здесь возражения Щербатова против наделения крестьян землей, по существу, сводятся к тем же, которые он развил в Уложенной комиссии. Он только усиливает представление о том вреде, который может произойти от раздробления земель, угрожает тем, что крестьяне истребят все леса, запустят пашни, большинство крестьян обнищает и «окажется на попечении государства». Прервется связь между помещиками и крестьянами. Все это неминуемо обратится в ущерб государству.

Однако главным пунктом и в этих возражениях является то, что дворянство понесет значительный убыток, даже если эта земля будет крестьянами выкупаться, так как «платеж, который можно будет получить с крестьян за те земли, которые будут им предоставлены, никогда не сравнится с тем доходом, который помещик получает со своих крестьян» [33].

---

[32] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 189—190.
[33] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 12.

2

Крестьянское восстание 1773—1775 гг., охватившее значительную территорию Российской империи, произвело огромное впечатление на Щербатова. Он заново пытался осмыслить причины недовольства крестьян и крестьянских восстаний, искал пути и методы предотвращения их в будущем. Щербатов был далеко не склонен недооценивать этого восстания. Он понимал, что сила этого восстания в сочувствии к нему крестьянских масс всей России: «Пугачев с его сообщниками, — писал Щербатов, — учинивший бунт в Оренбургской губернии, воспаливший оным немалую часть России и учинивший опустошения и убийства, и, можно сказать, потрясший самый престол»[34]. В 1774 г. Щербатов выпускает по заданию Екатерины II свою «Краткую повесть о самозванцах». В ней он дает описание восстаний, имевших место в прошлом, но подлинных социальных причин их не находит. Эти причины он видит в народном характере, в склонностях людей, в их побуждениях и других психологических мотивах. «Такая есть слабость народная, что пребывая спокойны и счастливы, или ежели чувствуют и легкие огорчения, однако часто быв увлекаемы легкомыслием и новостью, в злейшие для себя несчастия ввергают»[35]. Таким образом, причины «бунтов» сводятся Щербатовым к «народной слабости» и «легкомыслию», к злым умыслам отдельных людей. Из этого Щербатов делает вывод, что такие смуты и бунты закономерны, что им «подвержены все царства и державы света» и что «не должно нам удивляться бывшим разным таким самозванцам и в России, которые все достойный конец дерзости своея получили»[36]. Щербатов и утешается тем, что «все достойный конец получили». Он так описывает разгром восстания Степана Разина: «Разин был истреблен, Астрахань покорилась, так же и прельщенные и увлеченные в преступления народы вины свои признали, и спокойствие России возвратилось; с печальным токмо напоминовением всех злоключений»[37].

---

[34] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 445.
[35] М. Щербатов. Краткая повесть о самозванцах, стр. 5.
[36] Там же.
[37] Там же, стр. 227.

Причиной крестьянской войны 1773—1775 гг. Щербатов считал также «вкоренение умствования равенства до крайности доведенное», «втвержение» крестьянам мысли о свободе и собственности на землю. «Российские крестьяне, хотя есть рабы своим господам, хотя земля обработанная ими, принадлежит их помещикам, хотя они имеют права и на имение их, но собственной своей пользою побуждены, никто имение и земли своих крестьян не отнимает, и крестьяне до нынешних времен и не чувствовали, что сие не собственное их было, а втвержение таких мыслей произвело различные бунты, яко ныне Пугачевской, и убивство великого числа помещиков от своих крестьян» [38].

Позднее этот мотив звучал в произведениях Щербатова еще более настойчиво. Восстание крестьян вызвало страх и озлобление у Щербатова, а его разгром привел к расширению и углублению его феодально-крепостнической программы. Он приходит к выводу, что «убийство великого числа помещиков от своих крестьян» ясно показало, «что они более никакой свободы недостойны, и что всякое разрушение древней власти помещичьей над крестьянами может великое разорение и гибель государству принести» [39].

К 1785 г. относится очень интересное анонимное произведение, посвященное крестьянскому вопросу, — «Размышление о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям, или сделать собственность имений» [40]. Семевский делает предположение, что автором этого произведения является Щербатов [41].

Г. Любомиров решает вопрос о принадлежности этого произведения Щербатову совершенно определенно [42]. Эти мнения, высказанные двумя крупнейшими знатоками русской истории второй половины XVIII столетия, нам представляются совершенно справедливыми.

В этом произведении, выясняя причины «крестьянского неподвластья», «мятежных мыслей», и, наконец,

---

[38] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 55—56.

[39] Там же, стр. 56.

[40] Напечатано в кн.: «Чтения в Имп. обществе истории и древн. российск.», 1861, кн. 3, отд. V, стр. 98—134.

[41] См. В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половины XIX века». СПб., 1888, стр. 194—195.

[42] См. Г. Любомиров. Неизданные произведения Щербатова. Примечания, стр. 190.

самого восстания Пугачева, автор приходит к выводу, что начало «расторжения связи, многие века пребывающей между крестьян и их владелей», относится к 1765 г., когда было создано Вольное экономическое общество и поставлен для публичного обсуждения неосторожный, по его словам, вопрос о выгодах наделения крестьян землей в собственность. Этот неосторожный вопрос «подал случай к разглагольствованию, ко вмешанию мыслей мятежных и неподвластию» [43]. Способствовали этому также, по мнению автора, «неосторожно предлагаемые мнения от господ депутатов, а паче от Коробьина», которые «всеяли паче сию заразу в сердца низких людей, тут находящихся депутатами». В результате всего этого, утверждал автор, «дух неподданства и разврата в грубые и немысленные души вкоренился. Уже 1767 г. учинился примечателен в России убиением многого числа господ от их подданных, а по роспуске депутатов и вящее зло произошло, присоединением почти всех крестьян к самозванцу Емельке Пугачеву, ни токмо в некоторых провинциях, но и немалой части нашего пространного отечества... Зараза сия, дух бунту тщетной надежды и неподданства не токмо был в тех, которые явными злодействами развратность свою оказали, но и почти во всех других крестьянах, которые токмо ожидали случая подобные же преступления чинить» [44].

Автор описывает страдания дворянства и повторяет вывод, который Щербатов сделал еще в 1772—1773 гг.: «Таковое, почти, можно сказать, всеобщее преступление, кажется, долженствовало бы, если бы они и право имели к вольности и собственности, немалое время их оного лишить, и есть ли бы не были рабами, предать их в рабство, дондеже искоренятся злые семена из сердца их» [45].

Далее автор рассматривает вопрос о том, «можно ли вольными крестьян сделать?» и дает категорический отрицательный ответ. Дать крестьянам свободу, это значит, по мнению автора, разрешить крестьянам переходить с места на место и жить там, где им заблагорас-

---

[43] «Чтения ИОДР», 1861, кн. 3, отд. V, стр. 98.
[44] Там же, стр. 99.
[45] «Чтения ИОДР», 1861, кн. 3, отд. V, стр. 99.

судится, т. е. по существу «зделать их такими, каковы до сего 1785 г. были цыгане». Это неудобно уже потому, что земледелие, «основное крестьянское ремесло», требует большого прилежания, много времени и сил. Земледелие нельзя начать вдруг на любом месте: для крестьянина необходим дом, сараи, дворы, землю необходимо удобрять, леса нужно выращивать, а этого нельзя сделать вдруг, быстро, для этого необходимы многие годы. Если крестьяне, будучи свободными, станут брать землю в аренду, то они будут стараться взять от нее как можно больше, будут вести хищническое хозяйство, так как по окончании срока аренды они ничем не гарантированы, что земля останется в их руках. Все это неминуемо должно обратиться во вред государству. Примером отрицательного действия свободы крестьян на земледелие автор считает состояние земледелия в Малороссии, где «при всем благорастворенном воздухе, при всем обильстве и доброте земли, переходящие крестьяне нигде прямого домоводства, ни земледелия не завели». Причиной этого является вольность крестьянства, право свободного перехода крестьян. Правда, в 1784 г. переход был запрещен, «но ленность и нерачитость еще в них осталась и сумнительно, чтобы до перемены сего рода, или в двух», эта «нерачитость» у них исчезла. И если даже великорусские крестьяне больше привязаны к «своему пепелищу», однако все равно найдутся много «легкомысленных», которые переменяют верность на «новизну» и пойдут скитаться, нанося огромный вред государству [46].

Препятствием к освобождению крестьян автор считает и народный характер. Не говоря уже о воспитании, «которое грубостию своею в российских крестьянах жестокость производит», у русских крестьян сложился характер, с одной стороны, сангвинический, ибо «холодный климат, возбраняющий действия транскрипции, а проницательным своим воздухом; сжимающий наши жилы, побуждает нас к приятию более пищи, нежели в полуденных климатах», а сангвинический характер, по мнению автора, предполагает «наглость» и «стремительность в предприятиях своих». А с другой стороны, флег-

---

[46] «Чтения ИОДР», 1861, кн. 3, отд. V, стр. 101. Аналогичную характеристику состояния земледелия в Малороссии Щербатов дал в своем произведении «Статистика в рассуждении России».

матический («оной в нас производится от застоя движения крови в зимние месяцы и от недостатка движения тела, также от самых топленых покоев, в коих пустота воздуха приводит к ослаблению наши члены, к лености и увальчивости нас склонными чинит»), который предполагает «ленность, суровость и злопамятство». При свободе, при «ослаблении начальства» над крестьянами эти качества должны усилиться, ибо «точно примечано, где менее с крестьян берут оброка, т. е. менее им побуждения промышлять себе прибыли, там беднее становятся и более впадают в ленность» [47].

Над крестьянами, говорит автор, нужен постоянный надзор, в противном случае, они обязательно впадут в разбой, татьбу и разврат, и этот надзор осуществляют помещики. Какая-либо государственная организация надзора, вроде исправной земской полиции, постоянных разъездов и караулов в России при ее огромных пространствах и малой населенности, будет иметь небольшой успех. Только власть помещика над своими крестьянами может предотвратить такие пороки. Веское доказательство этому автор видит в том, что со времени царствования Елизаветы Петровны разбои повсюду уменьшились. Это произошло, по его мнению, не потому, что были уменьшены наказания («чудное предположение, якобы можно пожар унять тем, что огонь не заливать»), а от того, что «учинилась слабее отставка; дворяне, прежде не жившие в своих деревнях, учинились поселениями в оных, прекратили наглости и разбои, не только в своих деревнях, но и в окружных» [48].

Этот надзор помещики могут осуществлять только над своими крепостными крестьянами, над свободными крестьянами он не может «употребить необходимую строгость», так как будет вынужден «обольщать их» с тем, чтобы они не разошлись и «вообще он будет чувствовать, что они не его». Не только характер русских крестьян, но и сам климат России не благоприятствует освобождению крестьян. Дело в том, что Россия «вме-

[47] «Чтения ИОДР», 1861, кн. 3, отд. V, стр. 102. Совершенно аналогично пишет Щербатов в «Замечаниях на большой наказ Екатерины II»: «С другой стороны, и малые положенные подати приводят народ в обленчивость и, следственно, бедность те же злы производят», т. е. «беднее становится» (М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 52).

[48] Там же, стр. 104.

щает в себя» несколько климатов, что ее земли разделяются на плодородные и неплодородные. Северные области России отличаются суровостью климата, обилием лесов и болот и неплодородностью земли, а эти губернии являются центром империи. Между тем, более южные «полуденные» области имеют лучшие земли, теплый климат и «благорастворение воздуха». Если крестьян сделать свободными, то, по мнению автора, большинство их из северных губерний уйдет в южные, и тем самым «самую середку империи ослабят» [49].

Однако и на юге эти крестьяне не найдут себе счастья и благополучия, так как, оказывается, южный климат вреден для жителей северных областей и большинство этих переселенцев должно неминуемо погибнуть.

Освобождение крестьян, по мысли Щербатова, должно неминуемо повести к уменьшению народонаселения страны. Во-первых, погибнет масса населения при переселении, а во-вторых, потому, что свободные крестьяне будут избегать вступать в брак. «Все... довольно приметили, пишет автор, что отцы неохотно отдают дочерей своих, держа их яко работниц для своего прибытку». Это ведет к уменьшению размножения народа и развращению нравов. Пример этого автор видит в дворцовых и экономических крестьянах, где почти в каждой деревне множество «холостых и вдовых неженатых, девок и молодых вдов, не вышедших в замужество и неисполняющих долгу человечества в размножении народа» [50].

При крепостном праве помещики следят за своевременным заключением браков между крестьянами и тем самым способствуют размножению народа. Этот надзор имеет, по словам автора, очень отрадный результат: население в России растет гораздо быстрее, чем в других странах. Если же крестьяне будут свободны и помещики не смогут принуждать их к браку, то «колико мущин и женщин останутся век в незамужестве и, следственно: колико должно уменьшится народу» [51].

Препятствием к освобождению крестьян является,

---

[49] «Чтения ИОДР», 1861, кн. 3, отд. V, стр. 105—106. Аналогичные высказывания Щербатов делает в «Записках по крестьянскому вопросу» (его же. Неизданные соч., стр. 9).
[50] Там же, стр. 108.
[51] Там же, стр. 109.

по мнению автора, и состояние русского судопроизводства. Несмотря на то, что количество судебных мест в России очень увеличено, «дела великое замедление имеют». Это зависит и от огромной территории России, и от того, что «судьи не столь изучены законам» и от того, что в России нет хорошего, обстоятельного законодательства, «возможны частые перемены законов» и другие причины. Это «замедление», пишет Щербатов, имеется даже теперь, когда судиться имеют право только дворяне, купцы и некоторые другие категории населения, что, по мнению автора, не составляет и 2-х млн. человек. Если же освободить крестьян и дать тем самым право судиться еще 12 млн. человек, причем 12 млн. «людей грубых, непросвещенных, не знающих закона и упрямством желающих все перемочь, колико затруднятся сим все судебные места»[52].

Все это поведет к тому, что крестьяне оторвутся от земледелия, чтобы идти в город судиться. «Зарастет земля терснием», крестьяне разорятся, увеличится ябедничество, взяточничество и другие пороки. Мало этого, освобождение крестьян, говорит автор, нанесет огромный вред государству, так как гораздо труднее будет собирать подушный налог и производить рекрутские наборы. Подушный налог автор считает самым лучшим способом обложения крестьян. «В России весьма премудро положены доходы с душ, яко удобнейшие к переписи и могущие более равенства в расположении сохранить». Этот мудрый налог, говорит автор, приносит государству всегда верные доходы. Этих доходов оно должно лишиться, если крестьяне будут свободны. «Свобода крестьянская разрушит сие мудрое положение и произведет всегдашние недоборы в доходах, ибо не можно тут быть верности с доходов душ, где народ будет подобен приливу и отливу морскому, беспрестанно прибавляться и убавляться»[53]. И, наконец, последний

[52] «Чтения ИОДР», 1861, кн. 3, отд. V, стр. 111. Аналогичную характеристику русского судопроизводства Щербатов неоднократно дает в своих произведениях «Размышления о законодательстве вообще», «Оправдание моих мыслей и часто с излишнею смелостью изглаголенных слов» и др. (см. М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 68, 282—283; М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 614).

[53] Там же, стр. 111. В своем выступлении 31 августа 1767 г. в Уложенной комиссии Щербатов также очень высоко оценивал значение подушного налога (см. М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 49—54).

аргумент автора против освобождения крестьян заключается в том, что это освобождение поведет к еще большему ухудшению агрономической культуры. Крестьяне, указывает автор, закоснели в старых обычаях, «прямо последуют преданиям своих праотцов», не стараются «об умножении хлебородия». «Затверделый в своих обычаях, за тягость себе наш крестьянин щитает, если его принуждают переменить свои орудия для пашни земли», «не знает он ни различия земель... не умеет он ни зделать умножения себе навозу, ни без растраты его на свои полосы привести». И причиной этого автор считает упрямство и нерачение крестьян, их грубость и непросвещенность. При крепостном праве помещик старается об умножении земледелия, заставляет крестьян улучшать обработку земли и несет в деревню агрономическую науку. Если крестьяне будут свободны, то их никто не сможет «принудить к излишним, но полезным им трудам», и они останутся «в вечном невежестве и нерачении»[54]. Заключает эти свои рассуждения автор образным сравнением русских крестьян «с быстрым младенцем, которого еще должно водить на помочах, а отпущение его на свободу произведет ему убои, увечья, а может быть и погибель, к сожалению самих родителей, которые, не испытав силы чада своего, толь вредную ему дали свободу»[55].

Таким образом, автор «Размышления...» категорически протестует против освобождения крестьян. Аргументация его, как мы видели, является, по существу, воспроизведением аргументации Щербатова, углублением и расширением ее. И по содержанию, и по слогу, и по стилю эта аргументация напоминает те возражения, которые Щербатов выдвигал в самой различной связи против освобождения крестьян.

По вопросу об освобождении дворовых людей автор также дает отрицательный ответ, воспроизводя аргументы, которые Щербатов приводил еще ранее в своих произведениях.

---

[54] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 111. Аналогичную оценку агрономической культуры земледелия Щербатов дал в «Записке по крестьянскому вопросу» (М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 4). Так же Щербатов характеризует роль помещиков в земледелии в произведении «Размышления о дворянстве».

[55] Там же, стр. 115.

В 70-х годах Щербатов написал свое письмо «Об отпущенных на волю господских людях». Поводом этой небольшой статьи был указ Екатерины II от 17 марта 1775 г., который, по словам Щербатова, «закреплял свободу уволенных господских людей»[56]. Уже в этом письме нетрудно заметить отрицательное отношение Щербатова к этому указу, который повел, по его мнению, к многим злоупотреблениям. «Великое число из них (уволенных господских людей. — *И. Ф.*), вместо чтоб получа оную (свободу. — *И. Ф.*) обратить мысли свои в пользу общества и продолжать быть согражданами ...нашли такие способы, что не служа уволили себя от всякого рода службы и учинились в тягость обществу, не неся никаких тягостей оного...»[57]. Щербатов предлагал проверить законность отпуска на свободу этих людей, затруднить отпуск на свободу и, если представится возможность, снова закрепостить их.

Отправной точкой рассуждений автора «Размышления» по вопросу об освобождении дворовых был указ Екатерины II 1775 г. о запрещении вольноотпущенным вновь закрепощаться. Автор указывает, что этот указ вреден во всех отношениях: он вреден государству, самим вольноотпущенникам и, наконец, дворянству, что всегда, особенно волнует и тревожит автора. «Наполнилось государство безграмотными регистраторами и канцеляристами, никогда не видавшими полков и команд, вахмистрами и сержантами»[58].

Вольноотпущенные дворовые, рассуждает автор, не могут стать хорошими купцами, так как для этого необходимы знания, навык и значительные капиталы, а этого у дворовых людей быть не может. Единственным следствием занятия дворовых людей купеческим ремеслом будет, по словам автора, «умножение числа жителей мрачных магистратских тюрем»[59].

В военную службу люди, воспитанные в господских домах, не пойдут, а если и пойдут, то лишь на выгодные должности и «будут служить не государю, а полковни-

---

[56] Ссылка Щербатова на § 46 Манифеста Екатерины II (М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 202).

[57] Там же, стр. 87.

[58] «Чтения ИОДР», 1861, кн. 3, отд. V, стр. 123.

[59] Там же, стр. 131.

кам, а чрез сие служба государства не токмо не умножится, но потерпит, а злоупотребление возрастет»[60].

Не могут быть вольноотпущенники и хорошими приказными, так как не имеют «довольно знания законов и приказных обрядов», да к тому же нет никакой надобности увеличивать число канцеляристов, так как от этого последует уменьшение жалования и обнищание приказных служителей. Не могут быть освобожденные дворовые и хорошими ремесленниками, так как недостаточно обучены ремеслам и запись их в ремесленники «нетокмо в совершенство не приведет ремесла, но паче учинит падение их»[61].

Не скрывает автор и того факта, что освобождение дворовых в первую очередь вредно помещикам, так как «домы дворянские лишатся полезных людей». Освобождение дворовых, по мнению автора, несправедливость по отношению к дворянству, ибо «неправосудно есть лишить владельца плодов его издержек и попечения... огорчительно и затруднительно лишить сельского жителя нужных мастеровых», кроме того, дворянство понесет значительные убытки от разорения их фабрик в результате конкуренции ремесленников[62]. Таким образом, анонимный автор «Размышлений...» протестует против всякого изменения положения крепостных крестьян, его яростную критику вызывает даже такая ничтожная мера, как указ Екатерины II 1775 г. Кончает эту главу автор указанием, что гораздо лучше не пытаться изменить положение дворовых людей, а оставить все так, как есть.

Отдельная глава «Размышлений...» посвящена вопросу о наделении крестьян землей в собственность. Мы уже знаем, что этот вопрос очень интересовал Щербатова, что он неоднократно высказывал свое мнение по этому вопросу. Чего-либо нового, принципиально отличного от ранних высказываний Щербатова мы не найдем в этом произведении.

Автор указывает на невозможность для государства провести размежевание земель между крестьянами, так как каждому крестьянину придется выделять землю в пяти, шести, а то и больше местах. Для этого потребует-

---

[60] «Чтения ИОДР», 1861, кн. 3, отд. V, стр. 126.
[61] Там же, стр. 127.
[62] Там же, стр. 123.

ся огромное количество людей, времени и денег. «Каковой убыток ни корона, ни народ поднять не могут без крайнего отягощения: и по сему щитаю я такое положение совершенно невозможным»[63].

Если же межевать землю целым обществом, то это, по мнению автора, не приведет к желаемому результату, так как крестьянин не будет собственником своего участка, и это поведет лишь к дракам, ссорам и убийствам.

Кроме того, выделение крестьянам земельных участков в собственность вредно и потому, что количество людей, говорит автор, меняется, а количество земли остается неизменным. В результате одни семьи, сильно разросшиеся, раздробят свои земли на мелкие участки, и многие члены семей останутся вовсе без земли. С другой стороны, те семьи, которые по каким-либо причинам уменьшатся, будут иметь такое количество земли, которое им не под силу обработать. И если и обработают, то так «что и последний сок из земли вытянут и разве единую солому за труд свой получат»[64]. В результате «польза государственная претерпит, и пространные области государства, исполненные удобными к земледелию полями, не прибыльнее будут пустых степей»[65].

При наличии крепостного права, когда помещики являются хозяевами всех земель, они сами наблюдают за равномерным распределением земель между крестьянами, снабжают «семьянистых и любящих земледелие крестьян», отбирают у «несемьянистых», оставляя им только то, что они могут обработать собственными руками. Помещики, по словам автора, заботятся об увеличении собственных земель, распахивают леса, осушают болота, в случае необходимости покупают землю. Следствием этой заботы помещиков, по мнению автора, было значительное увеличение народонаселения.

При представлении крестьянам земли в собственность одни крестьяне разбогатеют, скупят многие участки земли, другие разорятся, «не имея земли, останутся бобылями и, не имея ни дому, ни основания, принуждены будут в батраки идти, а самое сие нарушит их благосостояние, сделает помешательство бракам, а чрез

---

63 «Чтения ИОДР», 1861, кн. 3, отд. V, стр. 116.
64 Там же, стр. 117.
65 Там же, стр. 118.

то нанесет вред и многонародию»[66]. Богатые крестьяне будут ссужать деньгами и хлебом бедных, причем не только с большими процентами, но и с условием отработки на себя. В результате богатые крестьяне сделают бедных «совершенно своими подданными и вечно данниками, платящими такую подать, каковую ни один помещик со своих крестьян не собирает...»[67].

В заключение автор указывает на плохое состояние русского судопроизводства, на отсутствие знающих судей, на медленность течения дел в судах, даже теперь, когда судится сравнительно небольшое количество людей. Если же каждому крестьянину разрешить обращаться в суд по делу своего участка, то «замешкание» в делах еще более увеличится. «Упрямые и непросвещенные крестьяне за малую мнимую, учиненную им обиду, пойдут тягаться в город, проживут свой достаток и земледелие оставят; поля необработанные, дороговизна хлеба, нищета крестьянская, недоимка в податях и обогащение вредных стряпчих и подъячих будут единые плоды такого учреждения и долговременной памятник суемудрия того века, в который такое узаконение учинится»[68].

Это зло еще увеличится и от того, что русские крестьяне имеют «грубой и запальчивый нрав», хождением по судам они не ограничатся, и «малейшие перекосы, перепашки, потравы... произведут ссоры, драки, и смертоубийства»[69].

Однако главный свой аргумент, самый убедительный, по мнению автора, он приберег к концу. Этот аргумент относится ко всем трем разделам его статьи. Какое-либо изменение положения крестьян государственным законодательством невозможно, несправедливо по отношению к дворянству, так как и земли, и крестьяне есть собственность помещиков, купленная не только

---

[66] «Чтения ИОДР», 1861, кн. 3, отд. V, стр. 119.

[67] Там же, стр. 120.

[68] Там же, стр. 121.

[69] Там же, стр. 132. Сверх того «взаимные пошлины за продажу земель и деревень, в числе коих последних цена наиболее за душу полагается, по частному прехождению имений из рук в руки, учинила, что если прямо рассмотреть, все сие недвижимые имения стали, окромя учиненных заслуг и излияния крови, куплено ценою денег, от короны» (там же, стр. 132).

«ценою заслуг и излияния крови, но и ценою денег»[70]. Причем эта собственность утверждена, по словам Щербатова, многочисленными законами. Всякое нарушение этой собственности есть беззаконие, нарушение элементарных прав «естественного правосудия...». «...Я оставляю на рассуждение всякого благоразумного человека, иль лучше сказать на рассуждение каждого того, в ком сластолюбие, лесть, подлость и пристрастия не все чувствия человечества затушили, справедливо ли будет кровью, службою, трудом и деньгами приобретенную собственность у владельцев, составляющих полезнейшую часть граждан Государства отнять, и нарушить тем, не говорю основательные права естественного правосудия, те самые права, на коих все общества основаны суть»[71]. Мысль о том, что и земли, и крестьяне являются полной и законной собственностью помещиков, что корона не имеет никаких прав на них, очень важна для Щербатова. Он к ней возвращается неоднократно. В архиве ГИМ сохранилась любопытная записка Щербатова, которая посвящена по существу именно этому вопросу — «Разные мнения и рассуждения о описи имений». В этой записке Щербатов указывает: «Ничто более не показует тиранскую власть, как описание имения на государя, в преступлениях оскорбления величества. В нашем... веке философском убегают государи от сего, имея притом и то причиною, что б кто из вельмож, из любимцев государевых, позавидуя деревне или дому какого человека, не учинил бы, или бы не зделал учинить на него обвинения, оскорбление величества, и, погубя его, не выпросил бы сие имение цену крови неповинного»[72].

Таким образом, Щербатов решительно протестует не только против наделения крестьян землей в собственность или освобождения крестьян, но и против всякой даже незначительной попытки улучшения положения помещичьих крестьян. Он выступает даже против самой постановки вопроса об улучшении положения крестьян, так как это ведет к ослаблению помещичьей власти, к «расторжению связи» между помещиками и крестьянами, к «вкоренению умствования неподданства и

[70] «Чтения ИОДР», 1861, кн. 3, отд. V, стр. 132.
[71] Там же, стр. 133.
[72] Архив ГИМ, ф. 268, л. 25.

разных мятежных мыслей». Его яростную оппозицию встречает даже такое незначительное изменение в положении государственных крестьян, как введение «нижней расправы» для суда однодворцев, черносошных и других государственных крестьян, ибо это, по его мнению, есть «желание равности, до неумеренности доведенное».

Таковы взгляды М. М. Щербатова о крепостном праве и положении крестьян. Они носят откровенно реакционный крепостнический характер и являются непосредственной реакцией идеолога дворянства на усиление крестьянского движения против крепостнического гнета, с одной стороны, и на постановку этой проблемы передовыми кругами русского общества — с другой. Поражает ограниченность этой программы, ее негативный характер. Щербатов, по существу, ничего не может предложить позитивного и на все поставленные вопросы отвечает категорическим «нет». Нельзя освободить крестьян, нельзя регламентировать их повинности, нельзя отдать им землю. И грозит страшными бедствиями для государства, если хоть сколько-нибудь будут затронуты сложившиеся отношения между помещиками и крестьянами. Единственная уступка, на которую согласился Щербатов, да и то под давлением неопровержимых фактов, — это поручение дворянским собраниям и специальным правительственным комиссарам наблюдать за теми помещиками, которые злоупотребляют своей властью над крестьянами, и в наиболее вопиющих случаях отдавать имение таких помещиков в опеку.

Основная цель всех рассуждений Щербатова — сохранить незыблемыми существующие феодально-крепостнические отношения, а пути подъема сельского хозяйства и решения острых социальных проблем он ищет по линии расширения крепостнической базы, распространения крепостного права на новые территории и еще незакрепощенные слои крестьянского населения. Так, еще в 60-х годах Щербатов высказывался за распространение крепостного права на территории юга России — Украину, Дон и др. Активно выступал Щербатов за передачу секуляризированных монастырских крестьян помещикам, за новое закрепощение всех вольноотпущенников, за возвращение отставных солдат их бывшим помещикам. Мечтал Щербатов и о том, чтобы раздать всех государственных крестьян и все государст-

венные земли помещикам, однако сам понимал нереальность этих желаний.

В своих высказываниях Щербатов отразил настроения дворянского класса, достигшего ко второй половине XVIII века вершины своего могущества и исчерпавшего прогрессивные возможности феодального хозяйства.

IV. Вопросы торговли и промышленности

1

Наряду с проблемами сельского хозяйства важное значение в русской экономической мысли второй половины XVIII в. приобрели вопросы торговли и промышленности. Они обсуждались на страницах периодической печати, в таких журналах, как «Ежемесячные сочинения», «Сельский житель», «Экономический магазин». Среди авторов работ о «Поправлении Российской коммерции» можно встретить представителей бюрократии и дворянства (Неплюев, гр. Миних, кн. Вяземский, Теплов, гр. Воронцов, гр. Безбородко, Рычков), представителей купечества (Фомин, Крестинин, Чулков). Вопросы экономической политики, торговли и промышленности стояли в центре внимания в наказах депутатам екатерининской Уложенной комиссии.

Большое место заняли эти вопросы и в трудах М. М. Щербатова.

Усиление внимания русского общества к вопросам социально-экономического развития буржуазные историки объясняли влиянием общественной мысли Западной Европы [1].

Нет нужды доказывать несостоятельность такого рода суждений. Только конкретное изучение русской действительности, социальных противоречий эпохи может дать правильный ответ на вопрос об истоках взглядов того или иного мыслителя. Публицистика Щербатова убедительнее всего показывает органическую связь его экономических взглядов с теми процессами, которые происходили в жизни русского общества.

---

[1] См. Н. Н. Фирсов. Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле в царствование императрицы Екатерины II. Казань, 1902; К. Лодыженский. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886.

Экономическое положение России второй половины XVIII века характеризуется дальнейшим ростом товарно-денежных отношений, расширением внутреннего рынка, степень развития которого, указывает В. И. Ленин, «есть степень развития капитализма в стране» [2], значительным ростом промышленности и качественными изменениями в ней (рост вольнонаемного труда), расширением внешних торговых связей. Это период формирования капиталистического уклада в недрах феодальной системы.

Эти сдвиги в экономике России нашли свое отражение и в социальном развитии, в изменении расстановки классовых сил: росла эксплуатация крепостных крестьян, крепостнический гнет приобретал все более уродливые формы. «Помещик начинает производить хлеб на продажу, а не на себя. Это вызывает усиление эксплуатации труда крестьян...» [3].

С другой стороны, купечество становится настолько значительной силой, что дворянству приходилось уже серьезно считаться с ним. Все это привело к резкому обострению классовых противоречий, а в связи с этим, и к усилению идеологической борьбы. В этом ключ к объяснению причин огромного внимания русского общества к экономическим вопросам во второй половине XVIII века. Дворянство все с большим напряжением сил отстаивало свои монопольные права и привилегии от «посягательств» новой растущей силы — купечества. Недовольство дворянства вызывала растущая экономическая мощь купечества, его притязания на владение землей и крепостными крестьянами, проникновение купечества в дворянское сословие и пр. Наряду с этим ослабевали позиции дворянства, учащались случаи разорения помещиков, росла задолженность дворянских имений. Наиболее дальновидные представители дворянства пытались осмыслить эти явления, выяснить их причины и наметить пути выхода из назревающего кризиса, не затрагивая основ феодальной системы.

М. М. Щербатов наиболее ярко выразил чаяния и надежды дворянства.

Вопросы промышленности и торговли занимали Щербатова на протяжении всей его жизни. Решение

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 47.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 469.

этих вопросов Щербатов, как правило, подчинял центральной для него проблеме — взаимоотношениям дворянства и купечества. Его прежде всего занимало экономическое соперничество дворянства и купечества, и он пытался размежевать их экономические интересы в области торговли и промышленности, а когда это не удавалось, подчинить деятельность купечества дворянству.

Первый вопрос, который неизбежно вставал перед Щербатовым — это вопрос о значении промышленности и торговли в хозяйственной жизни страны. Уже в его решении Щербатов впадал в неизбежное противоречие, характерное для всей его концепции.

Главную и решающую роль в экономической жизни народов Щербатов отводил земледелию, основным и единственным производительным классом он считал земледельцев (к которым он относил и помещиков) и мечтал даже о таком государстве, в котором торговля и промышленность сведены до минимума (а внешняя торговля вовсе отсутствует)[4]. Однако, в условиях разложения натурального хозяйства и роста товарно-денежных отношений он не мог не признать важного значения торговой и промышленной деятельности в экономической жизни народов.

Подчеркивая решающее значение сельского хозяйства, Щербатов признает, что торговля способствует «обращению товаров» и тем самым «точит реки богатства в недра государства»[5]. Богатство Англии заключается в ее обширной торговле. «Великобритания быв составлена из островов, окруженных морями, простирая свою торговлю во все четыре части света, через которую все части ее народа богатятся и благосостояние свое получают, так что не взирая на малую обширность ее стран, она богатейшая в свете учинилась»[6].

Промышленность, по мнению Щербатова, также способствует обогащению народов, ибо она «умножает» цену «материи» путем ее обработки, путем «переделывания» продуктов сельского хозяйства из одних форм в другие. «Оные (фабрики. — *И. Ф.*) есть не что иное, как переделывание первых материй в вещи, которые

[4] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 750—751.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 239.

тех материй цену умножают, подают через ее способ немалому числу людей приобретать себе пропитание, и, наконец, по переделке вещей удовольствовать нужды и желания каждого»[7].

Однако практическое приложение этого тезиса Щербатов стремится ограничить исключительно торговлей и промышленностью, связанными с дворянским поместьем.

2

Наибольшее внимание Щербатова привлекали вопросы внешней торговли, которые тогда остро встали и перед правительством, и перед обществом.

Россия к этому времени заняла прочное место в системе европейской торговли. Внешняя торговля имела большое значение в хозяйственном развитии страны и в ее государственном бюджете.

При решении данного вопроса Щербатова также интересуют взаимоотношения дворянства и купечества и влияние внешней торговли на состояние государственного бюджета.

Щербатов признавал огромное значение внешней торговли в экономической жизни страны. По его мнению, это чуть ли не единственная «действительная торговля, обогащающая государство»[8]. Основные заботы Петра Великого, по словам Щербатова, посвящены именно внешней торговле. «...Предмет сего великого государя не состоял в том, что российское купечество не выходя не токмо из-за границ России, но ниже из города своего торг производило», наоборот, «сей великий монарх заключил договоры с английскими и голландскими банкирами для учинения кредиту российским купцам с чужестранными, следовательно, и хотел он, чтобы внешняя торговля процветала»[9]. Эту высокую оценку значения внешней торговли Щербатов неоднократно повторял в своих сочинениях. В одном из своих самых последних произведений — «Разсмотрение о вопросе — могут ли дворяне записываться в купцы» — Щербатов рисует значение внешней торговли еще более яркими красками. Внешняя торговля «обогащает госу-

[7] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 122.
[8] Там же, стр. 102.
[9] Там же, стр. 106.

дарство, она способствует избыть излишние свои произведения и получить нужные чужестранные»[10]. Щербатов указывает, что «древние военные народы, которые привели в разорение Римскую империю, сперва торговли презирали, но как скоро их состояние стало установлено, так скоро и они по естественной нужде к оной стали прилежать и стараться о распространении ее».

Наибольшую пользу государству приносят купцы, ведущие внешнюю торговлю. «Из сих чинов в первые поставляю я купечество, которое своею торговлею..., выпуская нужные чужестранным народам товары, животворительным своим духом подкрепляют и оживотворяет земледелие, рукоделие и всякое трудолюбие в государстве... того я купцом лишь считаю..., которой верностью своего слова приобрел себе кредит вне государства, которой знает исчисления разных курсов, как чрез вексели свои, посылая их в разные места и по обычаям выгод платеж тех мест, получив себе пользу, которой знает откуда и когда выписать какие товары и куда и когда товары отечества своего отправить»[11].

Поэтому, по мнению Щербатова, купечество нужно делить не по капиталам, которые сами по себе еще «полезности не составляют, а по их полезности для государства; а из купечества самые полезные те, кто занимается иностранной торговлей. Какой бы капитал ни имел купец, он должен быть внесен в разряд именитых, если занимается иностранной торговлей. «Я думаю относительно касательно до купечества, что банкир, имеющий переписку с чужестранными конторами и переводящий туда деньги, что купец, заведший контору, в чужих краях или, по крайней мере, отсылающий прямо товар к своим корреспондентам и получающий прямо оттудова на свой счет, что купец, открывший какую новую отрасль торговли, а паче в азиятския страны, что купец, вооруживший порядочным образом корабль для китовой ловли, исполняющий сей промысел не меньше 5 лет — могут удостоиться названия именитых людей, поелику учинили и чинят полезные отечеству промыслы, какой бы они капитал не имели»[12].

Подобная оценка Щербатовым внешней торговли

[10] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 142.
[11] «Чтения ИОДР», 1861, кн. 3, отд. V, стр. 124.
[12] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 408—409.

является вынужденным признанием кризиса натурального хозяйства в условиях бурного роста товарно-денежных отношений. Однако симпатии к натуральному хозяйству у Щербатова очень сильны. Об этом, между прочим, свидетельствует и тот факт, что его идеальное Офирское государство обходится вовсе без внешней торговли. Идеальным для Щербатова является такое положение, когда внешняя торговля не нужна.

Вынуждено высокая оценка внешней торговли выдает затаенное желание Щербатова, во-первых, ограничить сферу действий купечества исключительно внешней торговлей, требующей свободных капиталов, которых нет у дворянства, и тем самым развязать руки дворянству в других областях хозяйственной деятельности. Во-вторых, Щербатов хочет внушить, что «торговля есть нениское упражнение, лишь бы они (купцы. — *И. Ф.*) прямым путем в оную стремились»[13], и тем самым отвратить купечество от стремления выслужиться и получить дворянство. Наконец, эта оценка является признанием того факта, что дворянство было заинтересовано в развитии внешней торговли определенного вида товарами. Высоко оценивая вообще внешнюю торговлю, Щербатов предлагает, как увидим дальше, организовать ее таким образом, чтобы она была выгодна в первую очередь дворянству.

В характеристике состояния внешней торговли Щербатов, справедливо отмечая многие слабые ее стороны, не замечает, что внешняя торговля в XVIII веке достигла больших успехов, что сказалось и в росте общего оборота и в изменении ее характера и организации. Напротив, Щербатов упорно подчеркивает слабость ее и даже упадок.

Мотивы такой характеристики совершенно ясны, если вспомнить, что внешняя торговля, по мнению Щербатова, должна быть сферой преимущественного приложения купеческого капитала. Щербатов хочет подчеркнуть опять-таки, что купечество должно направить все свои усилия на развитие внешней торговли и не стремиться в другие отрасли хозяйства.

Эти мотивы совершенно четко проступают при анализе причин, которые вызвали, по Щербатову, упадок русской внешней торговли.

[13] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 143.

В делах комиссии о коммерции сохранилась любопытная записка Щербатова по вопросам внешней торговли. Она выясняет причины ухудшения русского торгового баланса. В этой записке Щербатов намечает мероприятия по его улучшению и вместе с тем высказывает ряд теоретических положений, характеризующих классовую направленность его взглядов [14]. Щербатов не согласен с теми людьми, которые рисуют состояние русской внешней торговли розовыми красками (Миних). Он считает, что русский торговый баланс в 1771—1773 гг. значительно ухудшился, так как «умножившийся ввоз товаров несравнительно превосходит размер умножения вывозу оных из России, от чего равно как и от великой контрабанды вексель упал весьма низко» [15].

Необходимо во что бы то ни стало достигнуть более выгодного торгового баланса, даже если это связано с уменьшением таможенных сборов. Это и должно стать основной заботой правительства. О необходимости выгодного торгового баланса Щербатов писал еще в Уложенной комиссии, когда указывал, что хотя дворянские фабрики больших успехов еще не достигли, но все-таки «понемногу равновесие торговли на российскую сторону преклоняют» [16].

Таким образом, меркантилистские тенденции необходимы ему для защиты интересов дворянства. Щербатов далее говорит о принципах или необходимых коммерческих правилах, на которых должна основываться всякая хорошо поставленная торговля.

«Первое правило, без которого торговля нигде водворится не может, есть вольность оныя» [17]. Свобода торговли является основой всякой торговли.

Рядом с меркантилистским положением о необходимости превышения вывоза над ввозом он ставит физиократический тезис о свободе торговли. И в том, и в другом случае Щербатов не является последовательным

[14] См. К. Лодыженский. История русского таможенного тарифа. Приложения, стр. 27.

[15] К. Лодыженский. История русского таможенного тарифа. Приложения, стр. 28.

[16] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 124.

[17] К. Лодыженский. Ук. соч. Приложения, стр. 28; См. также М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 125, 407; М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 153.

защитником этих экономических теорий; они нужны ему лишь для обоснования своих взглядов, отвечающих интересам русского дворянства. Свобода торговли, по мысли Щербатова, — не безусловная свобода при полном невмешательстве государства в эту область. «Но разумею я, — пишет Щербатов, — под именем вольности, чтоб было дано такое самовластие каждому торгующему, чтоб он ни мало не соображаясь с общею пользою государства, мог все делать, что хочет». Свобода торговли предполагает наличие таких узаконений, которые предохраняют купцов «от всякого утеснения», «содержат их кредит», предохраняют торговлю от всякого рода монополий, обеспечивают равноправие в торговле купцам различных государств[18]. Практически Щербатов допускает вмешательство государства в дела торговли, значительные ограничения свободы торговли. «Я весьма отдален мнить... чтоб можно было торговле положить пределы, ибо сластолюбие и роскошь оных не имеет. Но если обще торговли положить пределов не можно, оно конечно есть вывозу товаров, ибо государство не может более товаров выпускать, как толико, колико сверх его нужд в нем родится и соделается. Российская торговля тем более ограничена, что большая часть ее товаров суть первые нужды, а потому послужат ко излишной издержке...»[19].

Ограничение вывоза Щербатов признает не только возможным, но иногда и необходимым. «Неразсмотрительный отпуск хлеба за границу, по его мнению, являлся одной из причин голода 1787 г. Правительство заранее должно было предвидеть возможность неурожая и принять меры к сокращению хлебного экспорта.

Хлебная торговля выгодна лишь в государствах небольших, имеющих хорошие внутренние и внешние пути сообщения, хорошие порты, развитый торговый флот. В России же при огромных пространствах морские порты очень отдалены от хлебородных областей, внутренние пути сообщения находятся в плохом состоянии. При «такой пространственности», пишет Щербатов, «самый перевоз хлеба съедает все барыши, каковые

---

[18] См. М. Щербатов. По именному указу о разсмотрении положения внешней торговли; К. Лодыженский. Ук. соч., Приложение, стр. 28.

[19] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 156.

можно было бы от выпуску получить»[20]. Внешняя торговля хлебом в русских условиях мало выгодна для земледельцев, «обогащаются тем единые купцы, дающие вперед задатки и, обогащаясь, единые делают дороговизнь и нужду в России в хлебе»[21]. Вывоз хлеба за границу должен быть ограничен таким образом, чтобы он «пропитание у собственного своего народа не отнимал», доставляя выгоды лишь отдельным купцам. Этого можно достигнуть правительственной регламентацией хлебных цен. Щербатов предлагает установить максимально высокие цены на хлеб в Москве и в портовых городах и если цена на хлеб на внутреннем рынке не будет превышать установленные цены, то выпуск хлеба за границу разрешать, если же будет превышать, — запрещать. Это мероприятие, по мнению Щербатова, предотвратит «неразсмотрительный» выпуск хлеба за границу, «ибо лутчий термометр урожаю и неурожаю хлеба есть повольная его цена»[22].

В таком отношении Щербатова к свободе торговли имеются, несомненно, свои сильные стороны — предотвращение выпуска хлеба за границу в случае недостачи хлеба на внутреннем рынке. Однако главное для Щербатова не филантропическая забота о внутреннем потребителе, а забота об основном поставщике хлеба — помещике.

Внешняя торговля выгодна помещикам лишь в том случае, если на внутреннем рынке их товары не могут быть проданы по достаточно высокой цене. Гораздо выгоднее для помещиков сбывать изделия своего хозяйства на внутреннем хлебном рынке, который должен быть сферой непосредственной деятельности только помещиков. В случае недорода помещики могут получить достаточно высокую цену на внутреннем рынке, не делясь своими доходами с купцами. Именно этим и вызвано предложение Щербатова об ограничении хлебного экспорта установлением максимальных цен, обеспечивающих дворянству удовлетворительную прибыль.

Таким образом, свобода торговли, о которой Щербатов неоднократно говорит, принимается им на практике с очень большими исключениями. Они диктуются дво-

---

[20] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 639.
[21] Там же, стр. 641.
[22] Там же, стр. 642.

рянскими интересами, защитником которых Щербатов остается при любых условиях. Такое понимание свободы торговли характерно для многих современников Щербатова.

Вторым «коммерческим правилом», непосредственно вытекающим из свободы торговли, является, по мнению Щербатова, необходимость «совместничества», то есть предоставления купцам различных наций равных прав, ибо только при таком условии экспортные и импортные товары получат настоящую цену, могут быть достигнуты высокие цены на продукты помещичьих имений и понижены цены на импортные товары, являющиеся предметами потребления дворянства.

Далее Щербатов предлагает «основательные» правила для взимания таможенных сборов. При взимании таможенных сборов необходимо иметь в виду: 1) «что вывоз товаров есть самая лучшая прибыль для нации; 2) что прибыльнее выделанные товары нежели невыделанные отпускать, и, следственно, столь же полезно побудить ввоз сырых материй в государство, дабы в оном они обработаны были; 3) что мена товаров на товары есть полезна, есть ли она не противуречит вышепредложенным главностям; 4) что ввоз таких товаров, которые препятствуют употреблению товаров, мануфактурам и земледелию той страны, куда они ввозятся, неизбежно разорение нации навлекают; 5) что ввоз товаров, служащих роскоши если должно их на чистые деньги покупать, то есть что баланс торговли не достает уже для платежа за оные, есть истинный убыток государства; 6) ввоз товаров самонужных, хотя не есть зло, однако та нация, конечно, претерпевает и впадает в оскудение, ежель принуждена и за оные платить более денег, нежель может из других мест получить; 7) ввоз чужественных товаров для вывозу их в другие места, то есть трансит, есть действительный прибыток государству» [23].

В «основательных» правилах причудливо сочетаются самые разнородные положения: свобода торговли и необходимость превышения вывоза над ввозом, принцип «равноправного» «совместничества» и необходимость запретительных пошлин на ряд товаров. Однако при

[23] К. Лодыженский. Ук. соч. Приложения, стр. 29.

всем том Щербатов всегда исходит из интересов дворянства.

Ухудшение баланса внешней торговли Щербатов объясняет невыполнением этих «основательных» правил всякой «благоустроенной» коммерции. В России, указывает Щербатов, нет достаточно удовлетворительного банкрутского и вексельного устава, что подает многим «душевредным» купцам способ уклоняться от выплаты своих долгов. При таких условиях кредит развиваться не может. Кроме того, в России нарушен принцип свободной торговли, принцип совместничества, т. е. принцип равноправия купцов различных наций на русском рынке. По указу 1772 г. таможенные пошлины с иностранных купцов взимались полновесными ефимками сполна, а не на половину, как было установлено тарифом 1766 г. Лишь английские и русские купцы продолжали платить пошлины русской монетой. Эта льгота при упадке курса доставляла английским купцам около 10% премии. В результате «коммерция российская предается яко в монополию одному сему народу, отчего товары российские никогда своея цены, яко лишенные совместничества, иметь не могут»[24].

Английские купцы, пользуясь своим привилегированным положением, «привлекают к себе комиссии... (подряд. — *И. Ф.*) и учиняются самовластные попечители... в ценах»[25]. Это отталкивает купцов всех других наций от непосредственной торговли с Россией, «предает весь торг единой нации без совместничества, которая, учиняясь самовластною повелительницей цен российских товаров... обращая все в свою пользу, ежедневно на оныя цены уменьшает, обращая беспрерывно баланс торговли на свою сторону»[26].

Наконец, при раскладке таможенных пошлин, величина которых не изменялась с 1766 г., не были учтены те изменения, которые произошли в ценах товаров за истекшие годы. Поэтому многие русские товары, предназначенные к вывозу за границу, были обложены слишком большой пошлиной, а некоторые иностранные — недостаточно, что препятствовало развитию русского земледелия и мануфактур. Еще одной причиной

---

[24] К. Лодыженский. Ук. соч., стр. 30.
[25] Там же.
[26] Там же, стр. 32.

ухудшения русского торгового баланса является, по мнению Щербатова, и «чрезмерное распространение роскоши во все чины государственные».

Однако основную причину ухудшения внешней торговли Щербатов видит в другом.

«Нещетное множество есть вещей, которые яко малые источники воды, ее (торговлю. — *И. Ф.*) подкапывают, но главным источником, разрушающим «нестройное здание» русской внешней торговли, является, по мнению Щербатова, стремление купечества к выслуживанию в чины и дворянство. Оно особенно вредно для внешней торговли потому, что ведет к уменьшению оборотных капиталов в торговле и к подрыву кредита на внешних рынках в результате текучести состава купечества.

Для достижения «равновесия торговли на российскую сторону» Щербатов предлагал осуществить ряд мероприятий, отрицая при этом мнение князя Вяземского о том, что государство не в силах достигнуть увеличения вывоза товаров, а также точку зрения графа Миниха, который полагал, что от сокращения ввоза должен непременно сократиться и вывоз, поскольку ввоз и вывоз товаров тесно связаны между собой. Государство, возражал им Щербатов, в силах достигнуть выгодного торгового баланса путем поощрения отпуска и некоторого стеснения ввоза. Были годы, когда вывоз значительно превышал ввоз. Для того чтобы торговый баланс был выгоден России, необходимо, во-первых, укрепить доверие иностранных купцов к русским, а для этого важно выработать удовлетворительные банкрутский и вексельный уставы, во-вторых, восстановить полностью принцип свободы торговли, принцип «равноправного совместничества» иностранных купцов на русском рынке, в частности, отменить установленную в 1772 г. ефимочную пошлину, ставящую в привилегированное положение английских купцов.

Необходимо вести, настаивает Щербатов, непосредственную торговлю с купцами тех стран, товары которых мы хотим получить и куда хотим отправить собственные товары, «ибо покупка или продажа чрез третьи руки всегда бывает дорого заплачена тою нациею, которая сей способ употребляет»[27]. Только при непосредст-

[27] К. Лодыженский. Ук. соч., стр. 35.

венной торговле можно установить настоящие цены на товары, «сделать одобрение и земледелию и искусствам»[28].

Необходимо далее, путем увеличения таможенных пошлин стеснить привоз предметов роскоши. Однако в этом отношении он рекомендует соблюдать осторожность, так как роскошь в богатом государстве, каким является Россия, бывает иногда полезна.

«Как нужда есть родильница всех изобретений, то, можно сказать, роскошь есть питательница оных»[29]. Поэтому пошлины на предметы, служащие к «позволительной роскоши», должны быть уменьшены.

Для улучшения торгового баланса необходимо освободить от всяких пошлин вывоз русских товаров. «Выпуск товаров не чем иным умножиться не может, как облегчением пошлины с выходящих товаров»[30], особенно с тех, которые иностранные купцы могут доставать из других стран. К таким товарам Щербатов относит лен, пеньку, русские полотна, холст и др., т. е. он предлагает максимально освободить от таможенных пошлин товары сельского хозяйства и дворянских мануфактур. Для увеличения вывоза Щербатов предлагает также разрешить вывоз за границу селитры, меди, дубовых бревен, что «вечный и непресекаемый источник богатства России отворило бы»[31].

Социальная направленность позиции Щербатова особенно хорошо видна в оценке взаимоотношений дворянства и купечества в области внешней торговли. Щербатов еще в Уложенной комиссии отвергал жалобы купеческих депутатов на конкуренцию дворянства, крестьянства, подрывающих якобы купеческую торговлю. Эта конкуренция может иметь место только во внутренней торговле, во внешней торговле она незначительна. Щербатов соглашался даже с мнением купеческого депутата Алексея Попова о необходимости запретить крестьянам торговать иностранными товарами. «Вся внешняя торговля им (купцам. — *И. Ф.*) остается», — неоднократно повторял Щербатов. Во внешней торговле заключаются «истинные ключи богатства купеческого,

---

[28] К. Лодыженский. Ук. соч., стр. 35.
[29] Там же, стр. 38.
[30] К. Лодыженский. Ук. соч. Приложения, стр. 44.
[31] Там же, стр. 45.

да почерпнут в оных и тогда увидят, что действительная польза отечества с их обогащением сопряжена»[32].

Для того, чтобы внешняя торговля могла действительно стать выгодной для купцов и для государства вообще, необходимо, по мнению Щербатова, завести конторы и консульства в других государствах, нанять или построить там постоянные склады, завести торговый флот, который мог бы обслуживать Россию в пяти морях, прилегающих к ней. Необходимо улучшить русский кредит, наконец, необходимо, чтобы русское купечество по своим знаниям не уступало иностранным.

Все эти задачи, по мнению Щербатова, представляют великие трудности. Их решение особенно трудно в России, где нет ни опытных матросов, «ни лоцманов вольных, где нет и училищ, дабы с молодости желающих упражняться в мореходстве людей учить», где вообще население невелико по сравнению с огромными пространствами. В России, пишет Щербатов, «не люди землю, но земля людей пространством своим преодолевает, ибо народу мы довольно не имеем»[33].

Задачи эти нужно решить «не чрез дворян... воспитанных в сластолюбии и любящих пышность, но чрез купцов, которые бы бережливость со знанием торговли соединяли»[34].

Однако дворянство не исключается совершенно из внешней торговли. Наоборот, если она не связана с большими издержками и риском и обещает действительный прибыток, Щербатов приветствует участие в ней помещиков. Если в России будет построен хороший торговый флот, то управлять им будут, несомненно, дворяне, так как они, по его мнению, более всего способны к такого рода деятельности. При этом дворяне должны иметь право «некоторую часть товаров ввозить на сих судах своих собственных... сим российское дворянство получит сугубое побуждение к мореплаванию, купеческие российские корабли лутче будут управляемы, нежели голландские и английские смышлеными шкиперами»[35].

---

[32] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 108.
[33] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 144.
[34] Там же, стр. 158.
[35] Там же, стр. 158.

Следовательно, дворянство должно участвовать во внешней торговле лишь в том случае, если она обещает непосредственный доход и не требует больших капиталовложений. Необходимо разрешить дворянам отпуск своих товаров за границу, если они не могут получить за них на внутреннем рынке «настоящей цены». Дворяне должны владеть собственными торговыми судами для отправки на них своих изделий за границу. «Если кто из помещиков может барку своим хлебом нагрузить, тот сможет и барку иметь свою»[36], для того, чтобы иметь возможность производить «обще же с другими чинами... торг внешний своего урожая произведениями»[37].

3

Вопросы внутренней торговли занимают Щербатова не менее, если не более, чем вопросы внешней торговли. Это объясняется тем, что именно в данной области торговли, по мнению Щербатова, наиболее сильны экономические интересы дворянства.

Говоря о значении внутренней торговли, Щербатов передает слова аббата Куайе: «Внутренняя торговля есть великой полезности; она подает всем гражданам способ приобретать себе нужные вещи; она производит обращение денег, побуждает трудолюбие, и, давая пропитание великому числу подданных, спомоществует ко умножению народа и к силе государства»[38]. Щербатов вполне согласен с этой оценкой, он добавляет лишь к ней то, что, по его мнению, внутренняя торговля есть к тому же «вернейший способ для побуждения к земледелию и к распространению внешней торговли»[39]. Поэтому необходимо развивать внутреннюю торговлю, улучшить пути сообщения, приблизить торжки и ярмарки к населению, чтобы оно имело возможность легко сбывать изделия своих рук.

7 ноября 1767 г. Щербатов внес в Уложенной комиссии предложение об учреждении торжков и ярмарок в России. Щербатов предлагал установить в каждом городе в нерабочее для земледельцев зимнее время два или три торговых дня в неделю, летом же, когда кре-

[36] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 110.
[37] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 158.
[38] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 131.
[39] Там же, стр. 132.

стьяне заняты на полях, разрешить в городах торговлю только по воскресным дням или по праздникам, «дабы через сие иным нерачительным крестьянам воспрепятствовать многожды в одну неделю от своего дому отлучаться» [40]. Если поблизости от деревень нет городов, то установить торжки в деревнях не ближе 12 верст друг от друга, причем при устройстве таких торжков нужно смотреть не на величину селения, а на удобства его положения — «стояния близ большой дороги, нетрудный проезд, довольную воду и прочие подобные удобности» [41]. В этих селениях должны быть ремесленники — колесники, кузнецы и пр.

Поскольку «первое основание всякой торговли есть вольность» и правительство упразднило внутренние пошлины, постольку и эти торжки и ярмарки должны быть освобождены от всяких стеснений: никто не должен загораживать отведенных под них мест, никто не имеет права затруднять въезд или выезд, принудительно устанавливать цену, запрещать строить амбары и склады, ибо «вольность единая воодушевляет всякую торговлю» [42].

Предложение Щербатова о расширении сети ярмарок и торжков, о приближении их к покупателю продиктовано исключительно дворянскими экономическими интересами. Щербатов стремится снизить роль перекупщиков, увеличить доходность помещичьих имений, организовать внутреннюю торговлю таким образом, чтобы полновластными хозяевами в ней были помещики.

По мнению Щербатова, торговлю сельскохозяйственными продуктами необходимо максимально освободить от всяких стеснений, причем эта торговля должна быть целиком сосредоточена в руках крестьян и дворян.

Еще в проекте Наказа депутату ярославского дворянства в Уложенную комиссию Щербатов целый раздел посвятил торговле крестьян. Он предлагал разрешить крестьянам «беспошлинно и невозбранно» производить торговлю в городах и на торжках продуктами сельского хозяйства. Для того, чтобы максимально облегчить крестьянам продажу собственных «произраще-

---

[40] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 134.
[41] Там же.
[42] Там же, стр. 135.

ний» и ослабить конкуренцию со стороны купечества, Щербатов предлагал запретить купцам скупку сельскохозяйственных изделий по дворам (в деревнях), ибо таковую могут с успехом производить и помещики. Купцы, пишет Щербатов, выезжая навстречу крестьянам, стремятся скупить продукты сельского хозяйства по минимальной цене и обеспечить себе свободную продажу этих продуктов в городе по значительно повышенным ценам, устраняя, таким образом, крестьян как возможных конкурентов в этой торговле. Наконец, Щербатов предлагал запретить купцам покупку товаров сельского хозяйства до полудня, «дабы общество, купя из первых рук, могло пользоваться дешевизною, а крестьянин лучшей продажей побужден к земледелию и домостроению был»[43].

По мнению Щербатова, крестьянину нужно разрешить вступать в подряды с поручительством его помещика на доставку «в государевы магазейны и во всякие места того уезда, где он жительство имеет», хлеба, холста и других сельскохозяйственных изделий на определенную сумму. Щербатов указывал, что крестьянам нужно разрешить торговлю дровами, лесом, досками, драныо, смолою, гонтом, калачами, хлебом и т. д., а также разрешить им содержать харчевни, торговать мелочными товарами, необходимыми для деревни — булавками, иголками, лентами, галунами, крашениной, китайской выбойкой, лаптями, дегтем, горшками. Крестьяне должны свободно заниматься и ремеслом, нужным для сельского хозяйства — кузнечным, плотничным, колесным[44].

Эту программу широкого развертывания крестьянской торговли Щербатов упорно отстаивал в Уложенной комиссии против многочисленных возражений купеческих депутатов. Купечество, как известно, требовало запрещения розничной продажи дворянами и крестьянами продуктов сельского хозяйства. По мнению же Щербатова, запретить крестьянам розничную торговлю — значит «все бы труды земледелия почти на откуп малому числу купцов, такими вещами торгующих, отдать»[45]. Это противоречит «непременному правилу

[43] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 25.
[44] См. там же, стр. 25—29.
[45] Там же, стр. 43.

христианского закона... делать друг другу добро», ибо запрещение крестьянам розничной торговли своим изделием «полагает неволю на бедного земледельца, приобретшего чрез тяжкую работу и кровавый пот лица своего некоторое излишество»[46], так как он не может этого свободно, «как ему способней», продать. Такое запрещение, категорически решает Щербатов, может принести только вред: «...отягчение земледельца и ослабление его в толь трудной работе и дороговизну всех нужных для жизни вещей по городам»[47].

Единственным средством для поощрения земледелия и уменьшения цен на продукты сельского хозяйства, по мнению Щербатова, является отмена всяких стеснений крестьянства и дворянства в торговле сельскохозяйственными товарами, максимальное ограничение этой торговли для купечества. «Коль желаем учинить желаемую цену, она вскоре сама собой воспоследует, когда земледелец будет защищен, в продаже своих произращений не будет иметь притеснения. Чрез сие многонародие и земледельство умножится»[48]. Таким образом, Щербатов выступает красноречивым защитником крестьянской торговли, сторонником всевозможного ограничения купечества в торговле сельскохозяйственными продуктами, сторонником вовлечения сельского хозяйства в широко развитую внутреннюю торговлю путем максимального вытеснения из нее купечества.

Вопрос о крестьянской торговле очень остро стоял и перед екатерининским правительством и в экономической литературе второй половины XVIII века. В 1790 г. Щербатов вспоминал: «Во время бытности моей в комиссии о коммерции не одинажды было предполагаемо, дабы каким ни есть узаконением зло сие прекратить, но по довольном рассмотрении положенных великих капиталов крестьянами в торг нашло сие неудобно, яко могущее оные капиталы из обращения вынуть и погрести в землю, рассуждаемо тогда же было, что и самое зло сие имеет некоторую пользу, ибо и купцы, дающие им

---

[46] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 44.

[47] Там же. Такого рода высказывания Щербатов делал неоднократно. См. ответы Щербатова на «голоса» депутатов Ефима Натуракина, Данилы Рукавкина, Алексея Попова.

[48] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 105.

свои имена для торгу, получают с них довольную плату, ибо сие подкрепляет самое благосостояние купцов»[49].

Позиция Щербатова, несомненно, противоречива.

С одной стороны, он считает крестьянскую торговлю злом, так как она отрывает крестьян от земледелия, с другой — Щербатов не только не предлагает каких-либо мер, направленных против этого зла, но и выступает рьяным защитником крестьянской торговли, ибо она в условиях развития товарно-денежных отношений является новым значительным источником доходов дворянства.

Еще большую заботу вызывает у Щербатова помещичья торговля продуктами сельского хозяйства. Еще в Уложенной комиссии он подчеркивал, что «торг внутренний... своего урожая произведениями» должен принадлежать дворянству. Дворянство, по его мнению, должно иметь право вести не только валовую торговлю, но и «гуртовую, а в некоторых случаях и розничную». В этой связи Щербатов ополчался против 27-й статьи II главы «проекта о правах благородных», которая разрешает дворянам производить только валовую торговлю[50].

Щербатов указывал, что, во-первых, это чрезвычайно неудобно, так как лишь немногие богатые купцы в состоянии закупить сразу все изделия сельского хозяйства какого-либо помещика, а длительное хранение товаров приведет к их порче. Во-вторых, дворяне за недостатком покупателей вынуждены будут продавать свои товары за бесценок. «Самое сие не учинит ли утеснение земледелию, когда произведения оного не могут настоящей цены иметь?»[51]. Наконец, это приведет к общей дороговизне всех товаров, так как «гуртовые» купцы будут перепродавать изделия лавочникам, а лавочники, продавая товары непосредственно потребителям, еще более надбавят на них цену.

Чтобы избежать этого, Щербатов считал необходимым разрешить дворянам производить в городах торговлю собственными изделиями не только оптом, но и

---

[49] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 146.

[50] 27-я ст. II главы гласит: «Благородные невозбранно могут произведения собственных своих деревень, кроме законами запрещенных, продавать валовую продажею» («Сб. ИРИО», т. 3).

[51] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 206.

по частям, «гуртом и стаями». В деревнях же Щербатов предлагал разрешить дворянам и розничную мелочную торговлю, ибо, по его мнению, это диктуется интересами сельского хозяйства.

В 1789 г. в статье «Рассмотрение о вопросе — могут ли дворяне записываться в купцы» Щербатов, возражая против того, чтобы дворяне записывались в купцы, не возражал, однако, против дворянской торговли, поскольку она «клонится к распространению земледелия и ремесел. Ибо не можно быть земледелию, без продажи произведений»[52]. Мало этого, Щербатов приветствовал те законы, которые позволяют дворянам производить торговлю, не платя купеческих пошлин[53]. По его мнению, дворянству должен принадлежать и такой источник дохода, как содержание питейных домов в деревнях, поскольку они построены на дворянских землях и мешают возведению какого-нибудь другого здания. Щербатов предлагал в Уложенной комиссии: «...в деревнях благородных, обретающиеся питейные домы предпочтительно пред другими должны отдаваться на откуп тем самым владельцам деревень»[54].

Итак, Щербатов стремился полностью передать внутреннюю торговлю, по крайней мере всю торговлю сельскохозяйственными товарами, в руки дворян и крестьян. Что же остается купечеству? На их долю приходится «подробная (розничная. — *И. Ф.*) продажа, перевод денег, содержание лавок, прилавков, погребов, герберков, кабаков (окромя в помещичьих деревнях), отпуск скупных вещей»[55], а также чины браковщиков, маклеров, нотариусов. Вот экономические права, которые, по мнению Щербатова, можно предоставить купечеству. Ясно видно стремление Щербатова подчинить торговую деятельность купечества дворянским интересам, исключить купечество из внутренней торговли изделиями сельского хозяйства. С другой стороны, подобные взгляды являются практическим следствием вовлечения помещичьего хозяйства в товарно-денежные отношения. Они отражают упорную борьбу между дворянством и купечеством на внутреннем рынке.

---

[52] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 151.
[53] См. там же, стр. 151—152.
[54] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 128.
[55] Там же, стр. 109.

4

Не меньшее внимание Щербатова привлекали вопросы промышленности, причем они интересовали его прежде всего в аспекте взаимоотношений дворянской и купеческой промышленности.

Щербатов признает пользу промышленных предприятий: занимаясь переработкой «первых материй», они «умножают их цену», дают «пропитание» работникам и «удовольствуют нужды и желания каждого» [56].

Однако полезны лишь те предприятия, которые не отрывают людей от земледелия и не мешают тем самым развитию сельского хозяйства. Такими являются, по мнению Щербатова, только дворянские мануфактуры. Так, заводы Оренбургской губернии «распростерли действия на уменьшение земледелия», так как отрывают далеко живущих от заводов крестьян от земли. Щербатов предлагал издать такие узаконения, в которых «польза государственная, происходящая от минералов, сравнена была с пользою, происходящей от земледелия» [57] и которые помешали бы вредному действию заводов на сельское хозяйство. В 1787 г., проектируя создание Вотчинной Коллегии, которая должна была заботиться о развитии сельского хозяйства, Щербатов обязывал ее также «стараться... о заведении разных мастерств и фабрик, поелику не делают они уменьшения земледелия, дабы родившиеся вещи могли обделаны быть» [58].

Щербатов выступал вместе с тем за свободу промышленной деятельности, за невмешательство государства в сферу промышленности (исключая, конечно, государственные заводы).

В своей «Статистике в разсуждении России» он писал, что вмешательство государства в промышленную деятельность редко приводит к чему-либо хорошему. Например, правительство приказало построить шелковый завод на Ахтубе (Астрахань), который отрывает крестьян от доходных занятий рыбными промыслами и приносит мало пользы государству. «Сей завод, по указу заведенный, по указу и содержанный: а пчелы

---

[56] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 122.
[57] Там же, стр. 503.
[58] Там же, стр. 671.

и шелковые черви не могут по указу весьма много размножиться»[59]. Основание промышленных предприятий необходимо предоставить частной инициативе. Однако, переходя к вопросу о разграничении сфер промышленной деятельности между дворянством и купечеством, Щербатов далеко отступает от своего тезиса о свободе промышленности.

Впервые взгляды Щербатова на взаимоотношение дворянства и купечества в области промышленности получили оформление еще в 1767 г. в проекте Наказа ярославского дворянства депутату в Уложенную комиссию. В этом проекте Щербатов разработал программу, которая легла в основу его многочисленных выступлений в Уложенной комиссии. Она сводится, по существу, к двум основным положениям: 1) необходимо запретить купечеству покупку деревень и крестьян для фабрик и заводов; 2) право пользоваться «винною сидкою», а также заводить фабрики «сочиняющиеся изо льну и из пеньки, и из прочих земляных экономических произращений... дворянам должны принадлежать»[60]. Дворянство, указывал Щербатов, должно быть наделено большими правами в области промышленной деятельности, ибо оно есть опора и защита государства, и государство должно о нем больше всего заботиться. Дворянству должно принадлежать монопольное право винокурения и поставки вина в казну. Аргументировал это предложение Щербатов тем, что «вино сидится из разных хлебов и хмелю, которые все суть земляные и... принадлежащие дворянам продукты»[61], так как только дворяне имеют полную собственность на землю. Кроме того, дворянские винные заводы могут поставлять более дешевое вино, чем купеческие: дворянин употребляет на таком заводе свои дрова, свой хлеб, свою землю, использует труд своих крестьян.

Купечество, по словам Щербатова, таких возможностей не имеет. Оно может конкурировать с дворянством только «разве задаваемыми задатками и подобными способами, которые все удручают земледельца, отнимают его благосостояние, чинят ослабления земледелию

---

[59] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 493.
[60] Там же, стр. 17.
[61] Там же, стр. 101.

и делают препону умножения народа»[62]. Дворянству, по мнению Щербатова, должно принадлежать право заводить «минеральные заводы» (металлургические), так как «руды родятся в земле и переделываются чрез огонь... а как руды есть земляные произведения... то таковое произращение и дает корпусу дворянства право в сих заводах участие иметь»[63]. Наконец, дворянству должно принадлежать по крайней мере равное право с купечеством в заведении полотняных, суконных и других предприятий из русских «произращений».

«Фабрики, производящиеся из российских произращений, должны для умножения трудолюбия в России, для вывозу товаров, равно дворянам и купцам позволены быть с той разностию, чтобы купцы на оныя употребляли вольных людей, иль прежде всего узаконения приписанных к фабрикам, а дворяне могли бы употреблять вольных же и своих по их благоизобретению»[64].

Запрещение дворянам владеть промышленными предприятиями принесет, по мнению Щербатова, огромный вред. Во-первых, это поведет к разорению дворян; во-вторых, повредит земледелию, так как постройка фабрик в деревне содержит крестьян «в беспрестанном трудолюбии» и улучшает их благосостояние. Дворянские фабрики полезнее и потому, что они в летнее время могут не работать и не отрывать крестьян от земледелия.

Запрещение дворянам иметь фабрики приведет также к упадку русской промышленности вообще.

Щербатов не требовал запрещения купеческих мануфактур даже «из российских произращений», он говорил лишь о том, что купечеству и дворянству должны принадлежать в этой области равные права. Щербатов и не мог выступить с таким требованием, так как большинство Уложенной комиссии состояло из купеческих и крестьянских депутатов, причем купеческие депутаты выступали единодушно с требованием запретить дворянству заниматься торговой и промышленной деятельностью. Щербатов писал позднее, что «там (в Уложенной комиссии. — *И. Ф.*) купцы старались распространить свои права с ущербом прав дворян и

[62] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 101—102.
[63] Там же, стр. 96.
[64] Там же, стр. 124—125.

земледельцев»[65]. Перед лицом такой сплоченной группы Щербатов не мог выступать с решительным требованием запрещения купеческих мануфактур, тем более, что дворянские депутаты не были единодушны в своих мнениях и для многих дворянских депутатов это требование показалось бы чрезмерным. Однако, оставляя купцам некоторые права, например, право владения мануфактурами «из российских произращений», Щербатов стремился ограничить их право владения крепостными.

Купеческие депутаты, как известно, требовали разрешения купцам владеть крепостными крестьянами, мотивируя это тем, что свободных рук в России недостаточно и что крепостной труд якобы выгоден для купечества. Против этого требования купечества и выступил Щербатов. Он указал, что правом владеть крепостными издавна пользуются только одни дворяне, в силу особых качеств и заслуг благородного сословия, в силу того, что оно призвано «к управлению другими подданными своего монарха». Купечество же, по своим нравственным качествам, нисколько не отличается от «грубых и непросвещенных» крестьян, поэтому, если дать ему право владеть крепостными, то это «неволю нижнего рода людей еще чувствительнейшею сделаете»[66] и они «к бунтам преклонятся». Кроме этого, это неминуемо должно повести к упадку земледелия. Если каждому купцу позволить, указывает Щербатов, купить себе хотя бы по 2 семьи, то количество земледельцев убавится на 40 тысяч, «которых земля останется в пусте» и которые из производителей превратятся в потребителей. Разрешение купцам владеть крепостными принесет не меньше вреда также торговле и промышленности, так как купцы будут стремиться покупать деревни и «отстанут» от своих занятий; и сейчас уже заводчики, владея многими деревнями, приписанными к их предприятиям, используют их не на фабричные работы, а на земледельческие, предпочитая пользоваться доходами не от заводов, а от деревень. К тому же положение крепостных крестьян, приписанных к фабрикам и заводам, чрезвычайно тяжелое: владельцы изнуряют их работой, на заводы им

---

[65] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 361.
[66] Там же, стр. 115.

приходится ходить из отдаленных мест, купцы «чинят умаление в многонародии и утесняют земледелие». Крестьяне, по словам Щербатова, «почти невольниками содержутся, в весьма худом состоянии, как в том, что касается до содержания их, так и для нравов»[67].

Доказывая вред предоставления купцам права приобретать крепостных, Щербатов использует очень рискованный для себя аргумент, указывая, что вольный труд выгоднее, чем крепостной, ибо свободные работают по склонности к данному роду труда, из-за собственной пользы, между тем как крепостной работает «из-под неволи».

Категорически протестуя против предоставления купцам права владения крепостными крестьянами, Щербатов требовал пересмотреть положение деревень, приписанных к заводам. По его мнению, закон, изданный Петром I о праве купцов владеть посессионными крестьянами, вызывался двумя соображениями: абсолютной неразвитостью русской промышленности и нежеланием крестьян работать на промышленных предприятиях. Сейчас эти соображения, по словам Щербатова, отпали, так как промышленность за этот период далеко шагнула вперед, а «крестьяне к таким работам привыкли и охотою на фабрики работать всюду идут»[68].

Щербатов считал необходимым рассмотреть, на каких основаниях и для какого употребления приобрели заводчики посессионных крестьян. Деревни, которые заводчики приобрели не по закону и употребляют не для промышленных работ, а для получения с них помещичьего дохода, следует «у фабрикантов отнимать» и возвращать их дворянству. Те же деревни, которые куплены купцами совершенно законно и употребляются ими для промышленных работ, по мнению Щербатова, можно пока оставить в руках купечества, однако на таких условиях, которые способствовали бы возвращению этих деревень в руки дворян. Для этого Щербатов предлагал «отмежевать» деревни от фабрик и обязать купца при продаже своей фабрики продавать ее отдельно кому угодно, деревни же продавать только дворянам. Это до известной степени компромиссное предложение, в действительности же намерения Щербатова шли еще

[67] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 181—182.
[68] Там же, стр. 126.

дальше. В выступлениях в Уложенной комиссии Щербатов неоднократно указывал, что фабрики, основанные на посессионном труде, менее жизнеспособны, «лучше фабрики, которые есть в России, суть те, к которым нет приписанных деревень»[69], купечество должно заниматься на фабриках «собственным трудом», а не «чрез невольных людей», и что необходимо принять меры к освобождению посессионных крестьян. Право владеть мануфактурами, основанными на крепостном труде, должно принадлежать исключительно дворянству. В окончательной формулировке Щербатов, правда, не решился выставить это требование. Его формула остается компромиссной: «всякий купец, — говорит Щербатов, — может всякого рода фабрику, как из российских произращений, так из чужестранных, иметь в городе или в деревне на купленной им земле токмо под тот завод, и работу производить приписанными прежде или вольными людьми»[70]. Свободу промышленной деятельности купечества Щербатов ограничивал еще рядом положений. Владелец фабрики может производить торговлю только собственными изделиями. Для этой цели он может иметь только одну лавку, «дабы и другие купцы, у него покупая и продавая врознь, могли его трудолюбием пользоваться». В «Комиссии о среднем роде людей» Щербатов предлагал: «Позволить им (фабрикантам. — *И. Ф.*) иметь лавку, для тех только товаров, кои делаются на их фабриках. Выписные же и прочие товары в тех лавках им иметь запретить»[71]. И, наконец, «содержание фабрики... не должно освобождать купца ни от каких тягостей, каковые несут его собратия»[72].

Действительные взгляды Щербатова выясняются из его более поздних произведений. Что Щербатов не мог высказать в Уложенной комиссии, то он мог откровенно доверить своим запискам, предназначенным не для печати, а для потомства.

В них он высказывает свои сокровенные желания — лишить купечество не только права владения мануфак-

---

[69] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 127.
[70] Там же, стр. 130.
[71] ЦГИАЛ, фонд Комиссии по сочинению нового Уложения. д. 116, ч. I, 1767, л. 6. Дневная записка. Вторник, 1767, октября 30-го дня.
[72] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 131.

турами, основанными на крепостном труде, но и вообще права владения мануфактурами из «российских произращений». В 1785 г. в «Размышлениях о дворянстве» Щербатов писал: «...сим последним (купцам. — *И. Ф.*) весь чужестранный торг, лавочная и мелочная продажа и все смешанные и единственно сделанные из чужестранных произведений мануфактуры остаются»[73].

Такой же двойственный характер носят высказывания Щербатова о ремесле. Щербатов признавал необходимость развития ремесла, кустарного производства, однако высказывал по этому поводу самые противоречивые суждения уже в Уложенной комиссии. С одной стороны, он признавал необходимость цеховой организации, говоря, что «ремесленные люди должны быть записаны в цехи»[74], что в России ощущается «конечная нужда в цехах для побуждения и приведения в совершенство ремесл»[75]. С другой стороны, он отстаивал право крестьян заниматься ремеслом без записи в цехи, ибо это необходимо, по его словам, для развития земледелия. Возможно, конечно, что Щербатов в эти годы еще искал правильного решения задачи, но вероятнее, на наш взгляд, другое предположение: Щербатов, высказывая в ряде выступлений мысль о необходимости цехового устройства, пытался найти компромиссное решение: шел на известную уступку городским депутатам. Это подтверждается тем, что в своих сочинениях не только 80-х, но и 70-х годов, он выступал категорически против цехового устройства.

Уже в 1775 г. он писал, критикуя попытку организации ремесленников в цехи: «Повелено, что все мастеровые были записаны в цехи; а состояние Российского государства требует, чтобы благородные имели в домах своих мастеровых из собственных людей, которых нельзя удержать, да и нельзя им запретить, дабы они и на других не работали»[76].

Эту мысль Щербатов подробнее развивает в 80-х годах. В своем «Размышлении о законодательстве вообще» он указывал, что расцвет ремесла в некоторых западноевропейских государствах объясняется вовсе не

---

[73] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 268.
[74] Там же, стр. 112.
[75] Там же, стр. 148.
[76] Там же, стр. 609—610.

тем, что там было цеховое устройство, а, напротив, тем, что там «народы достаточнее», более развита торговля и сбыт изделий ремесла там гораздо лучше и выгоднее. Цеховое же устройство препятствует развитию ремесла: во-первых, установление определенных сроков обучения ремеслу уравнивает способных и «тупых» учеников — «сия есть первая несправедливость, удручающая разум»: во-вторых, посвещение ученика в мастера производится самими мастерами, которые не заинтересованы в увеличении количества своих собратьев, «се есть второе удручение к прилежности искусств»; в-третьих, совершенные изделия мастеров не могут найти широкого сбыта, так как они весьма дороги и поэтому «мастера будут принуждены с голоду помереть или, оставя хорошее искусство, соразмерно с состоянием народа вещи делать. А потому и надзирание за искусством их иметь не можно».

В России же, указывал Щербатов, учреждение цехов особенно вредно, так как «самый климат нашей страны, кажется, составляет препону такому учреждению». Эти препятствия заключаются, по его словам, в том, что учреждение цехов в первую очередь очень вредно дворянам, которые «с немалым себе убытком изучали ремесленников, которые, можно сказать, и лучшие есть». Во-вторых, в России долгое время бывает зима, т. е. нерабочее для крестьян время. Они используют это время для занятия ремеслом, чем «себе прибыль получают и спомоществуют пользе общества». Учреждение цехов, запрещение крестьянам заниматься ремеслом должны неминуемо привести их к бедности. Окончательный вывод Щербатова резко отрицательный: цеховое устройство ничего, кроме вреда, принести не может. «Ремесла есть вещь вольная, потому и никакого принуждения терпеть не может»[77]. Таким образом и в своем отношении к ремеслу Щербатов прежде всего исходит из интересов дворянства.

Наличие всех этих идей в мировоззрении Щербатова и страстность, с которой он их защищает, есть результат острого экономического соперничества между дворянством и купечеством в России во второй половине XVIII века. Купечество в этот период превращает-

[77] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 410—412.

ся в большую общественную силу, которая ведет наступление в первую очередь в области экономики. Щербатов стоит на позиции упорной защиты экономических интересов дворянства от натиска новой общественной силы. Не случайно Щербатов характеризует позицию купечества в Уложенной комиссии как «упрямое» наступление на дворянские интересы.

«Купцы, — писал Щербатов в 1790 г., — приносили великие жалобы, недовольными себя являли всеми преимуществами и явное оказывали желание все захватить, не взирая ни на пользу государства, ни на власть монаршу»[78].

5

В свете своих взглядов на торговлю и промышленность Щербатов решает и вопросы организации купечества, купеческого самоуправления. Он не ограничивался предложением разделить купцов на гильдии не по капиталам, а по полезности государству. Много внимания Щербатов уделил вопросу политической организации купечества.

В основе его взглядов лежит положение о необходимости сословной организации купечества. Кастовая ограниченность купеческого сословия, как, впрочем, и других сословий, — вот постоянный рецепт Щербатова для устранения всех зол русской экономической жизни. В этой связи особенно волнует его, как указывалось выше, возможность выслуживания купцов в обер-офицерские чины и получение ими дворянского звания.

Проникновение купечества в дворянство, в штаб и обер-офицерские чины возмущало Щербатова. Это чуть ли не главное зло русской жизни, по его мнению. «Чины есть язва, которая, заразив российских купцов вредным и обществу, и им самим безумием, совершенно разоряет российскую торговлю»[79].

Это положение Щербатов аргументировал рядом доказательств. Пожалование купцов дворянским званием

---

[78] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 133. В подтверждение Щербатов приводит мнение Екатерины II о позиции купечества в Уложенной комиссии: «Купцы привыкли за все товары, продаваемые ими, излишнее просить, то по сей привычке в сочинении Уложения излишних прав просят».

[79] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 620.

приводит к тому, что огромные капиталы выводятся из обращения и тем самым подрывается торговля. Так, например, купцы Лазарев, Логинов, Барышников, Лукин, Мещанинов, Хлебников, Гусятников, Матвеевы получили чины и дворянские звания и вывели из торговли не менее 10 млн. рублей. Пожалование купечества в дворянское звание мешает развитию кредита в России, ибо «чужестранные купцы, зная, коль легко в России из купцов в дворяне перепрыгнуть, удерживают своим кредитом, а без кредиту торговля быть не может»[80]. «Может ли тут быть кредит, где корреспондент, получа письмо от российского купца, в ответе своем должен усумниться, к купцу ли, к дворянину или к офицеру оно дойдет»[81].

Сравнительная легкость получения чинов и дворянского звания ведет к тому, что купцы считают торговлю лишь ступенью к получению дворянского звания, «не стараются», по словам Щербатова, «ни сами в опасные торги вступать, ни детей своих торгу изучать, но кидаются токмо в откупа и в подряды, окрадывая елико можно казну, а не производят никакого чужестранного торгу». Выход купцов из своего сословия вреден городам и купцам, так как они принуждены «вящую тяжесть нести, не зря (не видя. — *И. Ф.*) убавки расходов и служб, а имея умаление капиталов и людей». Выходя из купеческого состояния, купцы «теряют прибыльный себе торг ...лишаются спокойного жития»[82] и, в конце концов, приходят к разорению.

Так вышли из торговли и разорились купцы Затрапезный, Евреинов, Роговиковы, Журавлевы, Истомины, Лузины и др. Они и сострадания не достойны, по мнению Щербатова, ибо «безумием отцов их и их самих тому доведены». Купцы наши, заключал Щербатов, «похожи на листья древесные, которые от жару, и от ветра, и от осени обваливаются»[83].

Хотя внешне Щербатов аргументирует свою концепцию интересами торговли и самого купечества, однако главное для него другое — стремление упрочить экономическое благосостояние дворянства путем пресечения

---

[80] М. Щербатов. Соч., т. I. стр. 624.
[81] Там же, стр. 621.
[82] Там же, стр. 625.
[83] Там же, стр. 628.

всякой возможности для купечества проникнуть в дворянскую среду.

В этом стремлении Щербатова слышен и другой, очень важный для него мотив — боязнь усиления экономической и политической мысли купечества. Именно поэтому Щербатов возражал, с одной стороны, против записи дворян в купцы, опасаясь, что дворяне, записавшиеся в купцы, «силою оружия просьбы купеческие подкрепят» [84], а с другой стороны, против записи разбогатевших крестьян в купеческое сословие.

Идеал социальной организации общества, нарисованного Щербатовым в «Путешествии в Землю Офирскую», в полной степени отражает вышеприведенные его построения. Общество офирского государства уже тысячелетия раз и навсегда разбито на резко отдаленные друг от друга классы, причем переход из класса в класс совершенно невозможен. Купечеству отведена здесь самая ничтожная роль.

В связи с резким обособлением купечества от всех других сословий для Щербатова неизбежно вставал вопрос о формах организации купечества — о купеческом самоуправлении и сословном купеческом суде. В буржуазной историографии высказывалось мнение, что Щербатов являлся сторонником широкого купеческого сословного самоуправления и сословных судов как органов последнего.

Эта точка зрения, по нашему мнению, требует значительных поправок. Она может быть признана справедливой только в отношении высказываний Щербатова в Уложенной комиссии, где Щербатов выступал гласно, перед лицом многочисленных купеческих депутатов. Щербатов здесь не возражал против подсудности купечества своим собственным сословным судам. Он говорил: «...дабы купечество не могло быть стеснено никакими другими чинами, якобы должно быть подсудно своим, выбранным из их корпуса судьям» [85].

Однако уже и здесь у Щербатова звучали нотки о необходимости известного ограничения купеческого самоуправления с общей ссылкой на пользу «самих же купцов». Отвечая депутату Рыбной слободы Алексею Попову, он указывал, что жалобы купечества на «нема-

[84] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 154.
[85] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 109.

лые разорения от разных служб, яко быть в головах выборных... и других подобных», справедливы, так как они действительно отрывают купцов «от их собственных дел». На этом основании Щербатов предлагал «от оных (служб. — *И. Ф.*) их (купцов. — *И. Ф.*) освободить». Это мнение не получило, правда, достаточного развития в период работы Щербатова в Уложенной комиссии. Однако в более поздних его сочинениях оно нашло окончательное свое оформление.

В «Рассуждениях о законодательстве вообще» Щербатов указывал, что «купечество у нас снабжено было великими правами», даже излишними. Одним из таких излишних прав, которые «делают препону распространения торговли», является право судить равных себе, то есть право сословного суда. Это требует большого количества выборных лиц, которые должны отрываться от торговли на довольно значительный срок — 3 года, расстраивая свое собственное состояние. Щербатов теоретически признавал, что право судить равных себе само по себе очень хорошее, но в русских условиях, по его мнению, оно приносит только вред. «Правило сие справедливо и драгоценно есть для всякого гражданина; но еще есть справедливее и драгоценнее сего другое правило, чтобы судиться безпристрастными людьми и знающими в законах» [86].

Между тем судьи, выбранные из купцов, не только совершенно не знают законов и не имеют понятия о «нужной логике», но и «грамоте насилу знают». Они вступают в суд «с врожденной грубостию и пристрастиями; при выборах выбираются судьи которые, при присяге в верности государю и исполнению по законам, тогда ж, уповают, тихонько клянутся, быть подвластным в делах ябеднику, секретарю или подъячему, выгод своих и ближних своих из виду не выпускать, а неприятелям своим делать мщение» [87].

В доказательство Щербатов рисует картину русских магистратов, где замедление в делах, взяточничество, неудовольствие челобитчиков — повсеместное явление. Выход из этого положения Щербатов видел в том, чтобы купеческими судьями были избираемы дворяне, то есть в подчинении купеческого самоуправления дворян-

[86] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 402.
[87] Там же.

ству. «Чтоб все суды купеческие исполнялись дворянами или людьми не привязанными к торговле, а довольно для чести купечества, чтоб были избираем голова и при судах один купеческий депутат находился, а чрез сие, мне кажется, купцы не были бы отвлечены от их торговли, и непригодные судьи дела скорее исполняли»[88].

Подводя итоги, необходимо отметить своеобразие и противоречивость экономических взглядов М. М. Щербатова — их трудно подвести под какую-либо экономическую теорию того времени.

Классовая направленность их очевидна — всесторонняя защита дворянских экономических интересов. Однако тот факт, что эти взгляды сложились в условиях роста товарно-денежных отношений, формирования в недрах крепостного хозяйства новых капиталистических отношений, наложил отпечаток на все его мировоззрение. Щербатов понимал, что дворянское крепостное хозяйство не могло остаться неизменным, что необходимо приспособление его к новым экономическим условиям. Его программа и отражает стремление дворянства приспособиться к новым условиям, использовать эти условия в своих интересах. Отсюда и противоречивость его взглядов. С одной стороны, симпатии к натуральному крепостному хозяйству, а с другой стороны, признание большого значения торговли и промышленности, призыв к помещикам взять внутреннюю торговлю и промышленность в свои руки, вытеснить купечество из ряда отраслей хозяйственной деятельности. Исходя из экономических выгод дворянства, Щербатов выступает сторонником развития крестьянской торговли и промышленности. При этом он неизбежно впадает в противоречие. Стремясь упрочить положение «благородного сословия» на старой крепостнической основе, он вместе с тем своими предложениями подрывает основной принцип феодального хозяйства — его натуральность. Уже сам факт, что Щербатову пришлось выступить с защитой прав и привилегий дворянства, свидетельствует о том, что новые отношения достигли значительной степени своего развития.

---

[88] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 403.

Глава третья

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М. М. ЩЕРБАТОВА

Значительный интерес представляют политические взгляды Щербатова, его высказывания по вопросам государственного устройства и его отношение к русской правительственной системе.

Происхождение государства и его роль в историческом процессе, взаимоотношения государства и сословий, государство и церковь, законодательство и судопроизводство, внешняя и внутренняя политика, война и армия — вот далеко не полный перечень вопросов, который интересовал Щербатова.

Приступая к анализу политических взглядов Щербатова, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Политическая программа Щербатова получила свое яркое выражение и окончательное оформление в конце 70-х и особенно в 80-е годы, т. е. значительно позже оформления его социальной программы, с которой он выступил уже в Уложенной комиссии. Это объясняется тем, что вопросы социальные и экономические привлекали к себе внимание Щербатова в первую очередь, так как именно в этих вопросах были особенно сильны противоречия различных классов. Вместе с тем, его политическая программа очень последовательно дополняет и развивает программу социальную.

В своих политических построениях Щербатов широко использует западноевропейскую литературу — Гобса, Локка, Монтескье и даже Руссо. Однако это обстоятельство объясняется не единомыслием Щербатова с западноевропейскими мыслителями. Дело в том, что во второй половине XVIII века такие учения, как теория естественного права и вытекавшего из нее общественного договора, учение Монтескье о разделении властей, широкое стремление к установлению правового порядка, законности в государстве получили огромное распространение, в том числе и в России.

Сторонники консервативной идеологии и даже представители феодальной реакции вынуждены были не только считаться с этими учениями, но и пытались опереться в своих практических выводах на важнейшие достижения передовой просветительной мысли. Заимствуя внешнюю форму просветительной философии, они наполняли ее, однако, таким содержанием, которое в корне противоречило ее духу. Они использовали идеи просветителей для обоснования своих социальных претензий. Именно такой характер заимствования имеет место в мировоззрении Щербатова. Щербатов использует те стороны просветительной философии, которые помогают ему в аргументации его программы, и он прибегает к ним лишь постольку, поскольку они помогают, как ему кажется, обосновать эту программу.

I. Происхождение общества и государства. Характеристика государственных систем

Значительное место в его политических воззрениях занимает вопрос о происхождении общества и государства.

По мнению буржуазных исследователей, именно в этом вопросе влияние европейской литературы на него было наиболее глубоким и серьезным.

Действительно, свои рассуждения по вопросу о происхождении государства Щербатов часто строит на теории естественного права и вытекающего из него общественного договора, по которому «люди уступили часть своея свободы и своих выгод, дабы другими частьми безопасно пользоваться»[1]. Еще в 1773 г. в своих

[1] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 421.

замечаниях на Наказ Екатерины II Щербатов указывал, что «понеже великие правители первоначально были избраны народами для утверждения их благополучия, то во учинении с сими избранными правителями договора между уступленных прав народ не мог свою естественную вольность уступить»[2].

Этот вывод Щербатов дополняет и развивает в 80-е годы. В 1788 г. в статье «Размышления о смертной казни» Щербатов писал: «Когда составлялись общества — почтем ли мы их начала от первых родоначальников — или по избранию рассеянные роды, для лучшего над собою правления, дали единому или многим власть»[3]. В дальнейшем, в ходе исторического процесса естественное право вступает в силу, по мнению Щербатова, лишь в одном случае — при прекращении царской династии. «Глаголят все естественные и народные правы, что по окончании царского племени народ вступает в первобытные свои права, избирать себе нового царя или переменить законы»[4].

В полном соответствии с этими высказываниями он развивает мысли о характере монархической власти. «Не народ для царей, но цари для народа, ибо прежде, нежели были цари, был народ»[5].

«Государь, — обращается он к монарху, — первая должность монарха есть правосудие. Народы, избирая себе начальников не иной имели предмет, как пожертвовать часть вольности своея дабы другую безбедно сохранить... корона, государь, дается монархам в знак их сану, долженствующего соделывать счастье поданных содержанием их прав»[6].

Наиболее полно учение об естественном праве и общественном договоре отражено в одном из наиболее поздних его произведений «Рассмотрение о вопросе — могут ли дворяне записываться в купцы». Здесь он первоначальное происхождение человеческих обществ характеризует совершенно по Гобсу.

«Нераздельны есть страсти, а следственно и безумии с естеством человеческим; когда первые общества

---

[2] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 23.
[3] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 429.
[4] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 57.
[5] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 979.
[6] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 101—102.

сочинялись, разные страсти, разные своемыслия, разные пользы увлекали, если не каждую особу, то по крайней мере каждую семью в разные стороны. От сего произошли несогласия, обиды, наглости и ослабление общества, подвергающее его быть корыстию какого наглого неприятеля. Общие беспокойствия и нашествия, угрожающие всем, сплотили людей избрать из себя; коему общую власть препоручили, который был бы согласитель мыслей полезных общества, содеятель всеобщие воли клонящейся к благу всех и защитник его противу врагов»[7].

Однако в окончательном своем выводе Щербатов разошелся с Гобсом. Гобс, как известно, из теории естественного права выводил государственный абсолютизм, полную утрату свободы. Точку зрения, аналогичную Гобсу, наиболее полно и последовательно высказал Феофан Прокопович в своей книге «Правда воли монаршей», цель которой «обосновать неограниченное самодержавие императора, опираясь на все данные священного писания и тогдашней науки»[8]. Прокопович указывал, что наследственная монархия, как и «всякий образ правления, имеет начало от первого в сем или ином народе согласия», т. е. из договора, причем если народ избирает себе наследственного монарха, то он полностью и навсегда отказывается от проявления своей воли. «Согласно все хощем, говорит народ, обращаясь к государю, да ты к общей нашей пользе владеяши над нами вечно, и мы все совлекаемся воли нашей и тебе повинуемся не оставляюще нам себе самим никакой свободности»[9].

Отсюда и выводится Прокоповичем абсолютизм монархии и обязанность беспрекословного повиновения подданных. Щербатов категорически отрицал выводы Прокоповича. Самого Прокоповича и его книгу он оценивал отрицательно: «...Похвалы Прокоповича, сего непостриженного монаха, сего честолюбивого архиерея, жертвующего закон изволениям Бирона, сего иже не устыдился быть судьею таиной канцелярии быв архипастырем Церкви Божией, были лестны, яко свидетель-

[7] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 139—140.
[8] И. И. Дитятин. Статьи по истории русского права. СПб., 1895, стр. 594.
[9] Там же, стр. 595.

ствует его собственное сочинение: «Правда воли монаршей», памятник лести и подобострастия монашеского изволению государскому»[10].

Щербатов считает, что народ уступает лишь часть своей вольности и лишь для того, чтобы «другую безбедно сохранить». По его мнению, «уступил каждый ему несколько своих прав, возложив зато на его труд и попечение им остальные сохранить. Се есть начало царей и их должности ибо неестественно есть думать, чтобы человеческие естества, одаренные естественной свободою, хотели без нужды и непредвидимой себе пользы свободу свою уступить»[11].

Исходя из этого, Щербатов указывал, что «не могли они большую часть уступить, а самым тем ввергнуть себя в худшее состояние, нежели бы могли быть»[12].

Таким образом, теоретически вопрос о происхождении государства Щербатов решает в полном соответствии со взглядами Монтескье и других просветителей по данному вопросу. Однако здесь необходимо сделать две существенные оговорки. Дело в том, что в понятие «народ» Щербатов вкладывает определенный социальный смысл, что в значительной степени меняет всю концепцию и уводит Щербатова в лагерь, противоположный просветителям. Кроме того, учение о естественном праве и общественном договоре, по крайней мере, в таком виде, как это было у французских просветителей, Щербатов не положил в основу своих взглядов о государственном устройстве. Он пользовался им, и довольно часто, для доказательства «некоторых частных положений», как указывает Мякотин. Однако, эти «частные положения» и являются, по нашему мнению, краеугольным камнем мировоззрения Щербатова. Рассмотрим некоторые из этих «частных положений», для доказательства которых Щербатов прибегает к теории общественного договора.

Впервые о теории общественного договора Щербатов говорит в 1773 г. в «Замечаниях на большой Наказ Екатерины II». В этом произведении Щербатов очень резко и придирчиво критикует Наказ Екатерины II, указывая на литературный плагиат, на стремление ее к

[10] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 164.
[11] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 140.
[12] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 421.

самовластию и деспотизму, выразившемуся в невыполнении обещаний и окончательном унижении сената. Но при всем этом все произведение пронизывает одна центральная идея — необходимость увеличения политической роли дворянства, закрепления за дворянством тех прав и привилегий, которые оно уже имеет.

Крестьянство, по мнению Щербатова, не должно пользоваться никакими политическими правами, должно быть всецело и бесконтрольно подчинено помещикам, ибо «всякое разрушение древней власти помещичьей над крестьянами может великое разорение и гибель государству принести». Таким образом, народ, огромные массы крестьянства исключаются из политической жизни страны. Суверенитет народа в государстве, который Щербатов декларировал вначале, на деле оказывается суверенитетом лишь одного класса — дворянства. Этот же характер носят все высказывания Щербатова, в которых он в той или иной степени использует теорию естественного права.

В 1787 г. Щербатов пишет «Прошение Москвы о забвении ее». Здесь он ссылается на теорию общественного договора, чтобы доказать монархам, что древнее и заслуженное российское дворянство осталось верным старинной царской династии, хотя имело все права, согласно вышеуказанной теории, не только переменить династию, но и сменить форму правления. Щербатов ратует за перенесение столицы в Москву, ибо Москва есть средоточение русского дворянства, ибо в Москве влияние старого родовитого дворянства наиболее сильно. Понятие «народ», который вступает в свои права при прекращении династии, для Щербатова означает по существу «дворянство» [13].

В своей статье «Размышления о смертной казни» Щербатов вступает в полемику с Беккария, используя теорию естественного права для доказательства необходимости смертной казни. По его мнению, когда люди «дали единому или многим власть, то не могли они сего учинить, не учиня сию власть неограниченную наказывать все преступления, клонящиеся разрушить общества, а потому неуповательно, чтобы в условие не была вмещена и смертная казнь за великие преступления» [14].

[13] См. М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 53—65.
[14] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 429.

Среди этих великих преступлений на первом месте Щербатов ставит бунт народа (в этом случае Щербатов под народом разумеет плебейство, именно «подлый люд») против дворянства и государства. Такие преступники, как Пугачев, «воспаливший немалую часть России и учинивший многие опустошения и убийства и, можно сказать, потрясший самый престол» должны быть наказаны смертной казнью, публично в назидание «низкому» народу. Причем эта казнь должна быть особенно жестокой.

На теорию естественного права Щербатов ссылается и в своем произведении 1789 г. «Речь, какую бы могли говорить шведские дворяне при взятии под стражу их собратий». Исходя из теории общественного договора, Щербатов доказывает здесь неправомочность монарха самостоятельно объявлять войну или заключать мир, устанавливать налоги, издавать законы вопреки интересам «народа» или даже без согласия его. Однако, под народом Щербатов подразумевает и здесь лишь один его класс — дворянство. Интересы народа перед государством, указывает Щербатов, представляет Сенат, составленный из знатнейших и наиболее родовитых дворян, они — «ходотаи между народом и престолом, острозрительные взиратели на нужды и обстоятельства государственные» [15]. Попытка уравнять права всех состояний, ввести в состав Сената представителей подлого народа вызывает яростный отпор Щербатова. Шведские дворяне говорят монарху: «Хотите в естественное положение равности привести часть роду человеческого, находящуюся под вашею державою». По мнению шведских дворян, это «ошибочное положение», оно имеет только «вид приближаться» к естественному закону [16]. На самом деле оно ни к чему, кроме вреда, не поведет. Введение в Сенат «подлых людей», людей «низского состояния» приведет к «уподлению Сената», к «лишению его того уважения, который к нему народ имел... ропоты и бунты последуют от того» [17].

Мало этого, это поведет к «смешению состояний», к «уподлению дворянства», к «упадку торговли и промышленности», ибо «мещане, попы и крестьяне, все

---

[15] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 108.
[16] Там же, стр. 109.
[17] Там же, стр. 112.

восхотят в сенаторы и дворяне. Должность купца и ремесленника мимоходящие себе будут считать: исчезнуть ремеслы, упадет торговля, пропадет кредит»[18].

Только дворянство может и должно иметь решающее участие в государственной жизни, оно может и должно выполнять право суверенитета народа в государстве.

Для обозначения широких масс народа Щербатов предпочитает пользоваться старыми, уже изживавшими себя названиями «подлый народ», «низкий народ», «люди низкого состояния», которые вызывают возмущение у передовых людей того времени. Этому народу Щербатов не отводит никакой роли в государстве; политические права его, как мы увидим ниже, очень невелики.

Таким образом, учение об естественном праве приобретает у Щербатова узкосословный, дворянский характер.

Щербатов в основном принимает мысль Монтескье о зависимости государственного устройства страны от ее природных условий и от характера насёления. Однако и здесь Щербатов в значительной степени остается самостоятельным, вступая в полемику с Монтескье.

Щербатов оспаривает мнение Екатерины II, которое она заимствовала из Монтескье, своеобразно преломив его, о том, что «великая держава сама по себе предполагает деспотическую власть в том лице, которое ею управляет, надобно, чтобы быстрота решительных мер возмещала расстояние тех мест, к которым они относятся»[19].

Щербатов в «Замечаниях на большой Наказ Екатерины II» писал: «Чтобы великое государство требовало необходимо самодержавной власти, сие есть проблема еще принадлежащая к решению». И далее, развивая свою мысль, он признавал справедливость этого мнения лишь в одном случае — «ежели мы представим себе государя трудолюбивого и презирающего свои удовольствии для пользы подданного, которых бы все указы и повеления основаны на совершенной мудрости и правосудии были, то б, конечно, самодержавия такого могло означенные в сей мысли пользы принести... но редко бывают такие государи...»[20].

[18] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 113.
[19] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 220.
[20] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 21.

Само по себе это высказывание не может характеризовать взгляды Щербатова на данный вопрос, так как оно взято из очень тенденциозного произведения, отражающего общую оппозиционность Щербатова екатерининскому правительству. В своей яростной критике Наказа Щербатов использует даже такие аргументы, которые еще с большим успехом могли быть направлены и против него самого. Смысл вышеприведенной цитаты можно понять, если рассмотреть, какую он имеет в виду «пользу» и кого из «подданных» он понимает под словом «совершенная мудрость» и «правосудие». Тем не менее, это высказывание с достаточной убедительностью указывает, во-первых, что Щербатов не является безусловным последователем Монтескье по данному вопросу, и, во-вторых, что это теоретическое положение, которое он в основном принимает, не является для него абсолютной, безусловной истиной, как, впрочем, и многие другие теоретические положения (физиократизм, естественное право, роль воспитания и др.). Оно ему нужно лишь постольку, поскольку помогает обосновать его практические выводы. Центральной политической идеей Щербатова, под углом зрения которой он решает все вопросы государственного устройства, является мысль о преобладающем значении дворянства в политической жизни страны.

Именно от этой отправной точки Щербатов исходит в оценке различных типов государственного устройства. Самую схему этих типов Щербатов заимствует, несомненно, у Монтескье. В полном согласии с последним Щербатов различает четыре типа государственного устройства: монархическое, деспотическое или самовластное, аристократическое и демократическое. Однако в характеристике этих типов Щербатов существенно отходит от Монтескье, и притом не «наивно», не потому, что он не понял «сложных политических построений западного теоретика» [21], а совершенно сознательно. Характеризуя эти типы правления, Щербатов особенно нетерпимо относится к самовластию и демократии. Самовластие, по его мнению, «правлением назвать неможно, и в род оных поместить, ибо оно не что иное есть, как злоупо-

[21]. См. В. А. Мякотин. Из истории русского общества. СПб., 1906, стр. 122.

требление монаршической власти»[22]. Щербатов неоднократно указывал, что самовластие «есть мучительство, в котором нет иных законов и иных правил, окромя безумных своенравий деспота»[23].

Основной порок самовластия — отсутствие твердых, «основательных» законов, независящих от воли монарха. «Самовластие, последуя единому своему хотению, по воле своей все законы разрушает»[24]. «Воюет ли он, мир ли заключает, никогда ни в чем о пользах народа не старается, но более имеет в предмете честолюбие иль своенравие государя, сочиняет ли благие законы, народ не имеет причины радоваться, понеже в его самоизволении состоит их свергнуть, или и оставя их, пребывать нарушать их, когда ему угодно, ради всех тех, для кого он восхочет. И действительно, какие законы могут быть полезны для такого народа, который, я уже не упоминаю о дарованиях щастия, но и самую жизнь имеет токмо тогда, когда угодно деспоту дозволить ему оной пользоваться»[25].

Щербатова возмущает то, что «самовластие, не взирая ни на какие законы», «льет токи кровавые лучших своих подданных, честь их не сохраняет, не взирает на нежность сердец, имение по хотению своему отнимает»[26]. «В самовластии, — пишет Щербатов, — никого поставленные законы не защищают». По мнению Щербатова, «несть в самовластии награждения за заслуги, а, напротив того, самовластитель завидует блистанию оных»[27]. Совершенно беззаконно производится раздача должностей и чинов: «Калигула лошадь свою консулом сделал. А может быть и много людей, не лучше лошади стоящих, самовластители в вышние чины произвели. Добродетели, достоинства там утесняются, разум затушается, ибо вредно самовластие, чтобы кто вникал во взаимственные нравы, сочиняющие основания общества и умными бы очами возрил на состояние свое»[28].

По мнению Щербатова, любое мероприятие, проводимое самовластным правлением, в масштабе ли обще-

[22] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 387.
[23] Там же, стр. 343.
[24] Там же, стр. 387.
[25] Там же, стр. 344.
[26] Там же, стр. 387.
[27] Там же, стр. 388.
[28] Там же.

государственном или местном, обращается во вред народу, ибо «все, что к сему нечистому сосуду ни коснется, все ядом сим заражается...».

Критика Щербатовым самовластия, даже в таком обобщенном теоретическом виде, имеет, несомненно, узкосословный характер. Щербатова возмущает, что при самовластии «законы никого не защищают». Щербатов негодует на то, что от самовластия претерпевают «лучшие подданные», а мы знаем уже, что таковыми являются, по его мнению, только дворяне. Щербатов обижается на то, что в самовластии чины даются по прихоти, а по теории Щербатова чины должны даваться только дворянам.

Демократическое, или народное, правление также не вызывает симпатий Щербатова. Демократическому правлению Щербатов отказывает даже в законности и естественности происхождения. «Народное правление не толь от естества вещей, коль от обстоятельства произошло, ибо народ, чувствуя себя отягченно монархическою или вельможною властию, отяготящее его низринул и сам властителем и правителем себе учинился» [29].

Таким образом, источником демократического правления является, по мнению Щербатова, бунт, мятеж «подлого народа» против существующего государственного порядка, причиной которого является «мучительства вельмож (или монархов. — *И. Ф.*) «подлому народу» [30]. В качестве примера Щербатов приводит демократию Афин, которая возникла, по его словам, ни отчего иного, как от «неравного раздела земель». Римская республика произошла от «утеснения должникам» [31].

«Демократическое правление, — пишет Щербатов, — с первого взгляду является быть сходственнейшее с естественным законом. Понеже быв все рождены от единого отца, не все ли имеют справедливость требовать сию равность состояний?» [32].

Щербатов, по существу, ничего не находит возразить против этого. Однако демократическое правление для него неприемлемо, и он обращается к его критике. Основными пороками демократического правления яв-

---

[29] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 384.
[30] Там же, стр. 341.
[31] Там же.
[32] Там же, стр. 342.

ляются: 1) непостоянство и наличие нескольких партий в государстве. «Несть ничего непостояннее сего правления; оно снедает свои недры, разделялся в разные партии, которые разные смуты поджигают, яко корабль на волнующемуся море — хотя часто искусством кормщика от потопления избегает, но чаще и погибает иногда и у самой пристани»[33]; 2) медленность течения дел, происходящая от отсутствия единовластия; 3) невозможность сохранить государственную тайну; 4) невозможность накладывать налоги, необходимые иногда для государственных нужд, без согласия народа; 5) награждаются, по словам Щербатова, при этом правлении не заслуги, а «лесть», «пронырство», «лукавство». «Пронырство» и «лукавство» выдвинули, по мнению Щербатова, таких людей, как Сулла, Цезарь, Август, Алкивиад, Перикл; 6) в демократическом правлении нет хорошего правосудия: оправдание или наказание подсудимого зависит, по словам Щербатова, не от степени его вины, а от более или менее красноречивой защиты[34].

Исходя из этого, Щербатов и оценивает демократическое управление, как одну из худших форм государственного устройства после самовластия. Щербатов не может помириться с «химерой равности состояний», которую предполагает республиканское устройство.

О некоторых симпатиях к республиканскому типу государственного устройства может, на первый взгляд, говорить его оценка английской конституции. Дело в том, что Щербатов, согласно с теорией Монтескье, считает, что чистых форм правления нет, что всякое правление вмещает в себя черты всех существующих типов государственного устройства (в различной степени).

«Но не было и несть не у единого живущего в градах народа точно чистого какого из сих правлений, но все единое с другими мешалось, ибо монарх не может править без вельмож, вельможи не могут править без начальников и без народа, ни народ без начальников сам себя управлять»[35]. Соответственно этому Англия, по его мнению, «не взирая, что имеет короля, есть правления республики», ибо «нигде толь не цветет народная вольность, под тенью монаршеския власти, как в

[33] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 342.
[34] Там же, стр. 343.
[35] Там же, стр. 384.

Англии; там вышнюю власть, ограниченную законами, имеет король; верхняя камора, ...единая могущая накладывать налоги, представляет власть народную; и все сии три власти в беспрепятственных прениях между собою по раздельным их приватным пользам связаны непреоборимыми узами, равными стопами к благу общему шествуют»[36].

Однако в целом Щербатов отрицательно относится и к такому роду правления, как английское, причем причиной этого является недостаточное возвышение дворянства над всеми другими сословиями. «...При всех сих мудрых узаконениях, не зрим мы в английском народе сего беспристрастия, некорыстолюбия и благородства, которое отличается те народы, кои умеренно возвысили свое дворянство; но члены их парламента по большей части подкуплены, избрание недостойных, но по страстям делается; вожди их не толь славы и благополучия государству ищут, как прибытку, народ обще отягощен толико податьми, что почти самый воздух покупать должен»[37].

Щербатов резко отрицательно относится к республиканскому правлению в Нидерландах. По его мнению, в Нидерландах «мещанство над благородными преимущество имеет». Следствием этого и было, по его словам, «несогласие в народе, наступление на законную власть статгальтера, возмущения во градах, потеря, полезных поселений и стыдное покорство чужим державам суть плоды порочного их установления и необуздания народной власти»[38].

Оценка республиканского правления существенно отличает позицию Щербатова от Монтескье. Эти различия особенно рельефно проявляются в вопросе о нравственном начале демократического правления. Согласно теории Монтескье, Щербатов считает, что каждой форме государственного устройства соответствует особое нравственное начало. По мнению Монтескье, демократическому правлению соответствует «высшая доблесть», как нравственное начало этого правления. По мнению же Щербатова, «в народном правлении не столь должно иметь добродетелей, сколь блистательных качеств и

[36] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 386.
[37] Там же, стр. 256.
[38] Там же.

пронырства, каковы были Periклес, Цесарь и Кромвель»[39]. В демократическом правлении люди «смутнолюбивы и увертчивы»[40]. Чтобы не возвращаться к этому вопросу, укажем мнение Щербатова о нравственных началах остальных форм правления. Определение Щербатовым нравственного начала самовластия и монархии мало отличается от определения Монтескье. Тем не менее принцип монархии в формулировке Щербатова получает несколько отличный характер: «Монархия требует честолюбия, ибо единое нас честолюбие к престолу царскому привязует и побуждает человеку перед человеком делать низкости»[41]. «В монархии люди честолюбивы... в самовластном же правлении подлы и низки»[42]. Совершенно отличную от Монтескье дает Щербатов характеристику нравственного начала аристократического правления. Монтескье считал нравственным началом аристократии умеренность. Щербатов же полагает, что «в вельможном правлении требуется особливая добродетель, ибо кто хочет между равными себе иметь преимущество, тот должен добродетелью своею принудить их ему оное уступить»[43]. Люди в аристократии, по мнению Щербатова, «горды и тверды». Причиной такой подмены является определенный, совершенно сознательный взгляд Щербатова на превосходство монархии и аристократии, в связи с тем, что эти формы правления предполагают возвышение дворянства над другими сословиями. Таким образом, уже из этой «наивной подмены» умеренности доблестью видно, что аристократическое или вельможное правление привлекает к себе гораздо больше симпатии Щербатова.

Происхождение аристократического правления Щербатов выводит из двух источников: или от возмущения вельмож против «мучительства самовластителей», или же от причин «естественных» — от соединения «малых семей» в общества, причем начальники этих семей, не желая уступить свою власть кому-нибудь одному, договорились о коллективном управлении этим обществом. Правление «вельможное (происходит) или от того, ког-

---

[39] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 387.
[40] Там же, стр. 346.
[41] Там же, стр. 386.
[42] Там же, стр. 346.
[43] Там же, стр. 386—387.

да разсеянные малыя семьи не могли какому сильнейшему неприятелю сопротивляться, многия в едино общество соединились, и начальники оных, не хотя един другому уступить, равную власть над соединенным обществом сохранили; или от превратившегося монаршеского правления: по злоупотреблению могущества претерпевая утеснение и налоги, имянитейшие из народа соединились и поврежденную сию власть разрушили, дабы самим властителями общества учиниться»[44].

Аристократическое правление Щербатов описывает гораздо более радужными красками, чем правление демократическое. «Несть ничего прекраснее главностей сего правления; тут мудрейшие люди сочиняют Сенат: не по своенравию единого, но по здравому разсуждению разумнейших мужей государства дела течение свое имеют»[45].

Законы устанавливаются здесь большинством голосов, они имеют здесь более твердости и прочности, чем при каком-либо другом роде правления. Они не могут быть произвольно изменены или отменены, так как на страже их стоит Сенат, наполненный лучшими мужами — «сей Сенат есть бессмертен и непоколебим», «тут каждый ожидает награждений и не страшится наказаний, как токмо по мере услуг его государству. Сии достойные вожди народов трудятся для пользы иль своенравия единого: понеже ревность между членов Сената производит сопротивление: лесть сие ацкое чудовище не имеет власти в таком правлении, команда армии лишь храбрейшим и искуснейшим препоручается, а не пронырливейшим придворным. Юноши, воспитанные в добродетели, желая достигнуть до подобного достоинства в правлении, побуждены похвальным честолюбием, стараются добродетелями и заслугами своими достойными учиниться»[46].

В этой цветистой, красноречивой оценке аристократического правления совершенно очевидно, какие стороны его привлекают к себе симпатии Щербатова — принадлежность государственной власти представителям благородного сословия, причем благополучие этого сословия основано не на «своенравных хотениях деспота»,

---

[44] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 383—384.
[45] Там же, стр. 338.
[46] Там же, стр. 339.

а на твердых основаниях законов, на страже которых стоит «бессмертный Сенат». К странам, которые имеют аристократическое правление — Польша, Швеция, — он относится несравненно более благосклонно, чем к таким странам, в которых «состояния» смешаны — Англия, Нидерланды. В Польше, например, Щербатову нравится то, что там «составили законы, клонящиеся наиболее в пользу тех храбрых рыцарей, которые спомоществовали расширять и защищать отечество»[47]. Правда, Щербатов признает, что этими законами были даны дворянству «неумеренные преимущества», но, тем не менее, по мнению Щербатова, «сии законы со добрыми намерениями были деланы»[48]. Еще большими симпатиями Щербатова пользуется Швеция, так как здесь власть монарха поставлена под контроль Сената, составленного из «умнейших и благороднейших мужей»: без Сената король не может объявить войну и заключить мир, изменять законы, устанавливать новые налоги. Причем для Щербатова особенно важно то, что Сенат составлен исключительно из дворянства. Щербатов категорически протестует против возможности введения в Сенат представителей другого сословия. Такое «уподление» Сената, по мнению Щербатова, принесет огромный вред государству и может привести к его гибели. Однако Щербатов не является безусловным сторонником аристократического правления. Аристократическое правление, писал он, может выродиться в олигархию. История знает примеры, когда несколько благородных забирают всю власть в свои руки и «учиняются мучителями» остальной массы дворянства. «Сии толь мудрые люди, сочиняющие Сенат, также бывают заражены честолюбием и собственною к себе любовью; каждой, хотя и равен в Сенате, однако хотел бы властвовать и чтобы его голосу предпочтительно перед другими последовали. Сие рождает происки, партии, ненависти и другие злы»[49].

Некоторые сенаторы, указывает Щербатов, «предпочитая пользу своих родов интересам государства, стараются учинить вечными в их домах достоинствы и бо-

---

[47] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 255.
[48] Там же.
[49] Там же, стр. 339—340.

гатствы со исключением других»[50]. К недостаткам аристократического правления Щербатов относит наличие партий, отсутствие единоначалия, медленность течения дел, особенно опасное в военное время, возможность «неумеренного честолюбия», притеснения «подлого народа», «который, быв час от часу более утесняем от вельмож, ищет случая низвергнуть с себя иго их»[51]. Для Щербатова особенно неприемлемо превращение аристократии в олигархию и «утеснение» дворянства со стороны отдельных родов. Об этом красноречиво свидетельствует двойственная оценка Щербатовым попытки верховников ограничить власть монарха. «Уже собиравшиеся вельможи предопределили великое намерение, ежели бы самолюбие и честолюбие оное не помрачило, то есть, учинить основальные законы государству, и власть государству Сенатом или парламентом ограничить. Но заседание в Сенате токмо нескольким родам представили, токмо, уменьшая излишнюю власть монарха, предавали ее множества (многим?) вельможам со огорчением множества знатных родов, и, вместо одного, толпу государей сочинили»[52].

В этой оценке Щербатов, с одной стороны, выступает сторонником ограничения монархии, но, с другой стороны, он категорически протестует против такого ограничения, при котором власть переходит к нескольким знатным родам в ущерб остальному дворянству. В этом отношении Щербатов идет значительно дальше верховников. Он сторонник такого образа правления, при котором дворянство в целом, дворянство как сословие, как «корпус», резко отделенный своими привилегиями от остальных сословий, обладает решающим политическим значением в государстве.

Таким типом государственного устройства и должна являться, по мнению Щербатова, монархия.

Происхождение свое монархия ведет, по мнению Щербатова, «от правления патриархов, или отцов фамилий». «Понеже монархическое правление имеет свое начало от правления патриархов, или отцов фамилий, тут государь — по избранию ли, иль по праву рождения, на престол бывает возведен — должен не только себя почи-

[50] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 339—340.
[51] Там же.
[52] Там же, стр. 182.

тать царем народа, который управляем, как отцом, а они себя должны детьми считать: он есть их покровитель, защитник, судья и проч.»[53].

Для монархии характерно, по мнению Щербатова, патриархальность государственного устройства и наличие «основательных законов». «Монархия должна иметь свои основательные законы и сохранять все установленные... монархия по установленному закону хранит жизнь, честь, имение и спокойствие своих граждан»[54]. Признаком монархии, по Щербатову, является также наличие при государстве совета, «сочиненного из мудрейших и более знаний имеющих в делах, людей его народа»[55]. Отцы семейств, писал Щербатов, «в важных делах спрашивает совету у старейших иль мудрейших своих детей, то тем наивяще, понеже в монархическом правлении более важных дел случается, и что когда же надлежит сохранить установленные уже законы иль новые установить для благополучия народов»[56]. Эти мудрейшие и знающие люди должны государю «представлять то, что может служить к счастию государства и отсоветовать колико возможно в вещах, предосудительных государству и клоняшихся к самовластию»[57].

Таков, собственно, политический идеал Щербатова: государь, являющийся отцом своих подданных, правящий на «твердом основании закона» и слушающий во всех важных делах советы мудрых людей, и добродетельные подданные, довольные своим состоянием, считающие себя детьми этого монарха. Однако Щербатов сам признает, что такие идеальные монархи, «которые, имея уже вышнюю власть, быв склонены честолюбием, разными страстями, а паче ацким чудовищем (то есть лестью придворных. — *И. Ф.*), не покушаются достигнуть до самовластия. Коль же мало есть и министров, которые бы по слепой любви к государю, а более для собственной их корысти, не готовы б были ему в том помогать, иль бы могли сопротивляться блистанию злата и достоинств! Так же мало и народов, которые бы не хотели простереть их привилегии через уменьшение

---

[53] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 337.
[54] Там же, стр. 387.
[55] Там же, стр. 337.
[56] Там же.
[57] Там же.

власти и доходов государю»[58]. Что же Щербатов предлагает, чтобы парализовать эти недостатки монархического правления?

Монтескье, как известно, с этой целью выдвинул принцип разделения властей, отделение законодательной, исполнительной и судебной власти друг от друга. Монтескье указывал, что «необходимо, чтобы власть останавливала власть», но при этом, добавлял он, «власти вынуждены идти согласно».

Этот основной пункт политической доктрины Монтескье нашел в произведениях Щербатова весьма бледное отражение. Однако неправильно было бы думать, что Щербатов не понял Монтескье и поэтому «плохо разработал» данный вопрос.

Нам представляется очевидным, что Щербатов усвоил достаточно хорошо эту сторону учения Монтескье. Об этом свидетельствует оценка государственного устройства Англии, Швеции, Польши и др. Характеризуя русское правительство как самовластное, Щербатов правильно отмечал: «Что касается до правления (России. — *И. Ф.*), то оно совершенно самовластно; ибо власть законодательная и исполнительная вместе соединяются в монархе»[59].

В критике мероприятий правительства он использовал принцип разделения властей, но включить его в свою позитивную программу он не мог, так как понимал, что осуществление этого принципа может привести к действительному ограничению самодержавия и к потере дворянством преобладающего значения в государстве.

По существу вопрос о разделении законодательной, исполнительной и судебной властей снят Щербатовым.

Указывая на те или иные недостатки русского государственного устройства, вытекающие из положения, что различные власти сосредоточиваются в одних и тех же руках, Щербатов переносил центр тяжести при устранении этих недостатков на добрую волю добродетельных монархов и на частичное улучшение администрации.

---

[58] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 338.
[59] Там же, стр. 564.

II. Законодательство в монархическом правлении

Вопрос об организации законодательной власти разработан Щербатовым несколько полнее. Наличию в государстве прочного твердого законодательства Щербатов придавал огромное значение. Он считал это основным признаком всякой благоустроенной монархии. Щербатов неоднократно указывал, что «никакое общество не может быть без некоторых правил или законов» [1].

Деятельность законодателя, по мнению Щербатова, самая важная. «Никакая, — пишет он, — слава не сравнительна той славе, каковую себе приобретает мудрый законодавец» [2]. Щербатов так определяет наиболее важное, первостепенное место деятельности законодателя. «Я вещи, касающиеся до законов и правосудия в первых постановил, ибо тщетно гремит слава военная, тщетно побежденные народы лобзают покорившую их руку, когда внутри нет благоустройства и правосудия — непрочны те победы» [3].

«Основательные законы» должны быть обязательны для всех; им должны подчиняться и сами монархи. «В монархии... государь обязан править по основательным законам государств, и тогда... сделанные законы есть действительный источник всякие государственные и гражданские власти; но и сам обязан становиться, повиноваться им установленному закону» [4].

В соответствии с этим Щербатов неоднократно высказывал мнение, что «государи не есть иное, как токмо судии, поставленные для народного благополучия» [5].

Каково же должно быть законодательство? Как оно должно разрабатываться и интересы каких социальных слоев отражать? По его мнению, все законы разделяются на нравственные, которые должны быть одинаковы при любом виде правления, и политические, которые могут меняться в зависимости от самых различных условий. «Что касается до нравственных законов, то сии, кажется, должны быть повсюду одинаковы; ибо естест-

---

[1] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 346.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 229.
[4] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 25.
[5] Там же, стр. 16.

во везде равно вопиет: „не делай другому, что себе не хочешь"» [6].

По отношению же к политическим законам полностью приложим принцип Монтескье: «Законы имеют великое сношение с тем, каким образом народы себе пищу приобретают» [7], ибо политические законы изменяются, по мнению Щербатова, в зависимости от «нравов, климата, упражнений и состояния страны». Щербатов объясняет это положение следующими рассуждениями. Он писал: «Суровый народ милосердные законы не сдержут; те учреждения, которые в жарких местах необходимо нужны, лишь затруднительны в холодных будут; вольность и побуждение к искусствам и самое желание корысти пристойны для торгового народа, а слава и побуждение к чести военному принадлежат, искоренение сластолюбия и роскоши полезно бедным государствам, а богатые без роскоши обнищают» [8]. В этой общей формулировке заключается вся мудрость, необходимая, по Щербатову, для установления хороших законов. Эту общую формулировку Щербатов не раз развивает и дополняет. В своем произведении «Размышления о законодательстве вообще» Щербатов указывает, что всякое мудрое законодательство должно быть основано на следующих принципах. Во-первых, независимо от характера правления страны, законы всегда «должны быть сходны с божественными узаконениями», т. е. законы гражданские ни в коем случае не должны противоречить религиозным правилам, ибо «самые лучшие законы управляют единую токмо внешность, страх же Божий управляет нашу самую внутренность... утверждает безопасность власти и связь общества святостию присяги. А по сему, желая законы гражданские установить, не можно лучшего основания им положить, как страх Божий и почтение к божественному закону» [9].

Щербатов приводит ряд примеров из русского законодательства о противоречиях гражданских законов законам божественным. В русском законодательстве, пишет Щербатов, существует закон, который повелевает священникам, в случае, если они узнают на исповеди,

[6] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 18.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 372.

«какое злоумышление противу государя или государства, невзирая на священнейшую должность хранить тайну покаяния, учинится предателем и доносчиком на кающегося»[10]. Этот закон приносит, по мнению Щербатова, огромный вред: ведет к различным злоупотреблениям, «разрушает таинство покаяния, приводит веру в презрение, следственно и уменьшает святость присяги, а тем самым не может никакия пользы государю и государству принести»[11]. Не менее вреден, по мнению Щербатова, и другой закон, существующий в русском законодательстве, который нарушает церковное таинство брака. «Есть у нас узаконение, — пишет Щербатов, — повелевающее, что всякий, достойный смерти и наказанный ли, и ненаказанный, ссылающийся в ссылку, влечет за собой расторжение своего брака, яко граждански мертвого человека»[12]. Щербатов считает, что брак — это таинство, которое даже «церковь не разрушает» тем менее это может сделать гражданский закон, ибо «ежели что бог сочетает, человек не разлучает». Ко всему прочему, этот закон несправедлив, «отъятие жены от мужа есть новый род суровости, изобретенный для усугубления наказания»[13].

Второй чертой хорошего законодательства является соответствие гражданских законов «естественным узаконениям», т. е. «законы должны быть согласны с естественным положением государства». Под этим Щербатов подразумевает климат, пространство, численность и плотность населения, богатство страны, род и характер занятий населения, «господствующую склонность нации», и даже «знаменитость древних городов». Все эти факторы должны быть учтены при составлении законодательств.

Щербатов опять-таки приводит ряд примеров из русского законодательства, когда именно эти факторы не были учтены. Например, было издано повеление ставить дубовые межевые столбы, между тем некоторые губернии дуба не имели, поэтому этот закон не был исполнен. Вторым ярким и характерным примером противоречия закона «естественным узаконениям» являет-

---

10 М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 373.
11 Там же, стр. 374.
12 М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 375.
13 Там же, стр. 376.

ся, по мнению Щербатова, перенесение банка из Москвы в Петербург. Это постановление говорит о невнимании и презрении к матери городов русских — Москве. Кроме того, он вреден большинству дворянства, ибо именно в Москву «яко к естественному средоточию, стекается все дворянство, которое... от сего учреждения чувствует отягощение себе»[14]. Щербатов заключает из этого: «...где противоборствует естественная нужда, там закон силы иметь не может»[15].

Щербатов указывает далее, что законы, основанные на этих «главностях», по своему характеру должны иметь различия в зависимости от рода правления, так как «воспитание разнствует по разным родам правления» и, следовательно, «под всякими правлениями народ имеет особливые нравы, более или менее сходственные с законами государства»[16]. Противопоставляя монархию деспотизму, Щербатов видит главное отличие ее в том, что она имеет «фундаментальное» законодательство, которое ограничивает возможность произвола со стороны монарха.

В монархическом государстве, указывает Щербатов, должны быть «некии основательные права, которые бы не стесняли могущества монарха, ко всему полезному государству, но укращали бы иногда беспорядочные его хотения, по большей части во вред ему самому обращающиеся»[17].

К этим «основательным правам» Щербатов относит следующие: 1) Определенный твердый порядок престолонаследия. «В числе сих прав необходимо должно поместить твердое основание и положение о порядке наследства на престол, ибо сие, утверждая наследственное происхождение, утверждает спокойствие государств»[18]. Отсутствие такого права в русском законодательстве ввергло Россию, говорит Щербатов, в неисчислимые бедствия со времени смерти Федора Иоановича. Щербатов категорически отвергает точку зрения Прокоповича, согласно которой волеизъявление царст-

---

[14] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 380.
[15] Там же.
[16] Там же, стр. 346.
[17] Там же, стр. 390.
[18] Там же.

вующего монарха служит основой преемства престола, указывая, что такой порядок «совершенно деспотический». 2) Положение господствующей церкви в государстве, отношение к другим религиозным обрядам должно быть также твердо зафиксировано в законодательстве. «Хранение владычествующей веры и пребывания государя в оной и в гражданских законах должно составить нерушимое положение, а к тому же и терпение чуждых вер, до коих мест оно должно простираться, дабы не гонением, ослабляющим государства и возобновляющим нам ужасы шестого на десять века не впасть в бесноверие, ни излишной понаровкою не показать небрежность к владычествующей вере»[19]. 3) В законодательстве должен быть точно зафиксирован определенный порядок издания законов, накладывания новых налогов и изменения курса монет. «Права издания законов, разных налогов на народ, переделывание монеты, — вещи, которая по непостоянству вещей человеческих иногда переменяются, — то, по крайней мере, порядок произведения сего в действо на непоколебимых основаниях должен быть утвержден»[20]. 4) К числу фундаментальных законов Щербатов относит также твердый порядок суда и следствия, право защиты в суде. Должно быть установлено ясное и «милосердное» уголовное законодательство. 5) Тщательное определение прав различных сословий в государстве должно также войти в основательное законодательство. У Щербатова этот тезис имеет более узкую формулировку, он говорит об определении прав дворянства, так как его интересует по преимуществу дворянство. «Право именования дворянского, по их разным степеням ненарушимо в монархическом правлении поставлено быть должно»[21].

Как видим, политическая программа Щербатова весьма ограничена. Ничего нового она не содержит. Щербатов по существу не выходит из рамок той политической системы, которая сложилась в России к этому времени. Никаких гарантий против превращения монархии в «самовластие» он предложить не может и все надежды возлагает на ум и добродетельность монарха.

---

[19] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 391.
[20] Там же.
[21] Там же.

Еще менее разработан вопрос о политических правах народа. И даже политические права дворянства не получают сколько-нибудь значительного расширения.

Несколько полнее разработал Щербатов вопрос о суде и судопроизводстве. Однако и в этом вопросе его рассуждения носят ограничительный характер, весьма далекий от юридических взглядов просветителей, и имеют узкосословную дворянскую направленность.

Щербатов выступает за сословный дворянский суд. Еще в Уложенной комиссии Щербатов очень красноречиво отстаивает права дворян судиться равными себе. «Благородные в делах, до чести и жизни касающихся, судятся равными себе, то есть благородными» [22].

Его не пугают ни увеличение количества судебных инстанций, ни увеличение судебных дел и судебной волокиты. По мнению Щербатова, эти трудности мнимые. Польза от такого установления значительно превышает некоторые частичные недостатки. Используя юридическую мысль Западной Европы, Щербатов развивает это положение. Он считает, что дворянам-ответчикам необходимо предоставить право вывода из суда некоторого количества судей. Необходимо, чтобы ответчики-дворяне «могли бы из таких уже выбранных судей единых отрешить, а одного иль нескольких хотя от себя и представить». «Такой обряд суда, — писал Щербатов, — не к послаблению, но токмо к неутеснению виновного сверх меры и к защищению безвинного клонится» [23].

Щербатов признавал, что такой порядок создаст известные трудности для судопроизводства, однако лучше претерпеть эти трудности, чем осудить невинного благородного. «Хотя бы и в сем некоторые затруднения могли быть, но если рассмотреть важность самого дела, то есть касающегося до чести и жизни знатнорожденного человека, то не лучше ль поступить на некоторые затруднения... нежели подвергнуть какому утеснению в толь важных вещах дворянина?» [24]. Желая облегчить защиту дворянина перед судом, Щербатов предлагает также установить институт защитников — стряпчих или ходатаев. Дворянин «может представить для защи-

---

[22] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 209.
[23] Там же, стр. 212.
[24] Там же, стр. 213.

щения своего дела одного стряпчего, или ходатая в предписанное законами время»[25].

Дворянство, по его мнению, должно быть и на следствии поставлено в привилегированное положение. «Благородный без важных причин и взят не должен быть под стражу... ежели благородный заслужит лицеимство... то, представя за себя надежный залог, может оного освободиться»[26].

Эти свои предложения Щербатов подробно формулировал еще в проекте Наказа ярославского дворянства. Он писал: «...да соблаговолено будет при сочинении сего нового закона установить чтобы каждый в каком бы преступлении не явился, ожесточительным образом прежде изобличения его, содержан не был, и чтобы во время самого производимого следствия ему дозволено было на допросные пункты не токмо письменно ответствовать, но также в случае уторопленности своей и от приятелей своих, неподозрительных, совета требовать, и если между следователем его найдется кто его неприятель, такого бы мог отрешить...»[27].

Заботу Щербатова вызывают и дворяне, уже обвиненные судом. В одном из самых своих «радикальных» сочинений — «Замечаниях на Большой наказ Екатерины II» Щербатов оспаривает мысли Екатерины II, которые она «вычитала» у Монтескье о том, что «равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам»[28]. Щербатов считает, что это правило приложимо только «для разведывательного правосудия, а не до наказания». Он указывал, «что касается до наказаний, надлежит в сем различие сделать. Например, взятие под стражу, телесное наказание и подобные сокрушают благородного, но подлый сего не страшится»[29]. В пример Щербатов приводит телесное наказание братьев Пушкиных за изготовление фальшивых ассигнаций, для которых якобы было очень «чувствительно сие наказание; но в самое время сего печального позорища, многие подлецы дивилися малого наказания, почитая сие ни за что. Следственно, то, что поражало

---

[25] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 292.
[26] Там же.
[27] Там же, стр. 19—20.
[28] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 29.
[29] Там же, стр. 29—30.

сих преступников благородных и наказанием бы не было для подлых людей»[30]. Вывод из этого Щербатов делает следующий: необходимо «и в наказаниях отличать дворян от простых людей», чтобы они не лишались «знатных мыслей, которые через долгое время родители в них тщились вложить». «Дабы дворянин, впадший в прегрешение, не подвержен был к пытке и ко всякому публичному наказанию без лишения прежде его чина дворянского, дабы сей корпус не подвержен был к пятну»[31]. На выработку этих судебно-правовых норм, несомненно, оказала влияние западноевропейская юридическая мысль, в частности английская судебная практика, нашедшая свое теоретическое обобщение в трудах Монтескье. Однако существенная разница между взглядами французского мыслителя и Щербатова заключается в том, что Щербатов ограничил приложение этих судебно-правовых норм исключительно одним благородным сословием.

Какими же политическими правами Щербатов предполагает наделить другие сословия?

Этот вопрос Щербатова интересует гораздо меньше, чем вопрос о правах дворянства, причем решает он его чаще в отрицательном плане, чем в положительном, но в строгом соответствии со своими социальными взглядами.

Однако у Щербатова есть ряд высказываний, на основании которых некоторые буржуазные ученые оценивали его, как своего рода предвозвестника установления общегражданского правового порядка, сторонника «реформы общегражданских отношений на основах правового порядка», ибо «уровень самих общегражданских прав, над которыми должны возвыситься сословные привилегии, сам по себе рисуется ему весьма высоким»[32].

Рассмотрим эти высказывания Щербатова. В 1785 г. Щербатов пишет статью «Примечания верного сына отечества на дворянские права на манифест», в котором подвергает резкой критике жалованную грамоту дворянству 1785 г. Щербатов недоволен грамотой, так как

---

[30] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 30.
[31] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 19.
[32] А. А. Кизеветтер. Исторические очерки. М., 1912, стр. 53—54.

она, по его мнению, мало дала дворянству новых прав и привилегий, притом многие права, дарованные дворянству, являются не особым правом, достойным дворянства, а утверждением элементарного порядка. В примечании на статью 5-ю грамоты Щербатов пишет: «Чтобы лишить чести человека, то должно, чтобы он какое злодеяние соделал следственно, сие есть право всеобщее, а потому есть ни милость, ни право особливое» [33].

В примечании на статьи 8, 9, 10 и 11, в которых сказано «без суда да не лишится благородный дворянского достоинства, чести, жизни и имения», Щербатов писал: «Несть какое особенное право, ибо нигде и самый подлейший злодей без суда не наказуется» [34].

По поводу статьи 24-й, которой запрещалось самовольно без суда и приговора отбирать имения у дворян, Щербатов указал, что это постановление «не есть особливое право, но право благоустройства, чтобы суды не были разбойничьи притоны, но все бы по законам делалось» [35]. Кроме того, чтобы этот закон имел силу Щербатов считал необходимым установить «какое наказание на таких отбирающих и разоряющих имения благородных» [36].

О статье 55-й «Да не взыщется на дворянстве вообще личное преступление дворянина» Щербатов отозвался: «Не право, ибо еще не слыхано, чтобы общество за личные кого одного преступления наказывали» [37]. Наконец, статья 48-я — «Подтверждает собранию дворянства дозволение делать представления и жалобы через депутатов их как Сенату, так и императорскому величеству на основании узаконений» — вызвала следующее замечание Щербатова: «Право весьма полезное, однако, такое, которого и каждого человека лишить не можно, чтобы он в случае крайнего ему притеснения к высшему правительству прибежища не имел. Да к тому же это право есть не что иное, как дозволяется визжать, когда их бьют» [38].

---

[33] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 279.
[34] Там же, стр. 282.
[35] Там же, стр. 287.
[36] Там же.
[37] Там же, стр. 302.
[38] Там же, стр. 299—300.

Из этой критики Щербатов делает и некоторые позитивные выводы, которые свидетельствуют о его знакомстве с передовой политической мыслью в Западной Европе.

Законы должны иметь своей целью, указывает Щербатов, «предохранить безопасность личную и имений». Он предлагает упорядочить судебный процесс, тщательно дифференцировать систему предварительного заключения, ввести институт защиты в суде по уголовным делам.

Для личной безопасности Щербатов предлагает ввести «английское узаконение габеас корпус называемое». Причем этот закон Щербатов понимает как систему поручительства, благодаря которой можно освободиться от предварительного заключения. Для безопасности имений Щербатов предлагает установить такой порядок судопроизводства, при котором интересы людей имущих (Щербатов имеет в виду в первую очередь помещиков) ни в коем случае не страдали. Позитивного решения этого вопроса у Щербатова нет, но он указывает на ряд недостатков русского судопроизводства, при котором принцип безопасности имений нарушается: 1) «Власть неумеренная, данная гражданским палатам, которая равняется со властью Сената, что, не взирая на апелляции, определения исполняются»[39]. 2) Установлен очень короткий срок для апелляций. Его необходимо удлинить, ибо русское законодательство «писано дурным слогом, без статей и расстановок», разобраться в нем в короткий срок невозможно, «к тому же все почти дворяне имеют в разных уездах свои деревни, что должны через поверенных делах свои производить, которые принуждены спроситься с господином о подписании апелляции на которую переписку данного сроку недовольно, а между тем временем срок проходит, и неправильные определения исполняются»[40]. В законодательстве, советует дальше Щербатов, необходимо избегать установления таких законов, которые неудобны для исполнения или «весьма отяготительны». К ним Щербатов относит «безчестие и унижение имени, смешение состояний людских, чиненная строгость на уголовных делах прежде обвинения,

---

[39] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 418.
[40] Там же, стр. 419.

неимение свободы в своих имениях и в производстве работы рук своих и тому подобныя»[41].

Наконец, Щербатов считает необходимым всячески избегать противоречий в законах, ибо противоречивость законов влечет за собой противоречивость судебных постановлений и возможность злоупотреблений.

Однако, разрабатывая эту программу, Щербатов предполагает не повышение уровня «общегражданских правовых норм», а повышение правовых норм только одного благородного сословия, ибо сферу приложения этих принципов он ограничивает лишь дворянством.

Весьма характерны в этом отношении непоследовательность и противоречивость его высказываний по вопросу о защите в суде. Отстаивая институт защитников в дворянском сословном суде, Щербатов придерживается совершенно противоположной точки зрения, когда дело касается других сословий или когда ему нужно защитить более важные, с его точки зрения, привилегии дворянства. В «Размышлении о дворянстве» Щербатов писал: «Неоспоримо есть, что мечь правосудия тем наипаче страшный, что без защищения подданных поражает, не должен быть иному вверен, как благородным»[42]. А в «Разных рассуждениях о правлении», описывая демократическое правление, Щербатов считал одним из недостатков его возможность преступнику защищаться «с помощью хорошего ритора, который приятным чарованием своего красноречия умеет разжалобить народ и затмить законы»[43].

Ни о каком расширении общегражданских правовых норм и речи быть не может. Даже мысль об этом приводит Щербатова в «содрогание» и ужас.

Щербатов высказывался резко против всякого изменения правового положения крестьян, ибо любое изменение этого положения влечет к «расторжению связи между помещиками и их крестьянами», к «вкоренению умствования неподданства до крайности доведенного». Всякое уменьшение власти помещика над крестьянином вызывает его яростный протест. Например, он с ужасом писал о предоставлении крестьянам права жаловаться в суд на злоупотребления помещика. По его

---

[41] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 422.

[42] Там же, стр. 233.

[43] Там же, стр. 343.

словам, крестьяне грубы и невежественны, они начнут массами жаловаться на своих помещиков, целыми деревнями пойдут в судебные места, и в результате к «бунту преклонятся и на жизнь помещиков восстанут»[44]. Крестьяне, по мысли Щербатова, должны находиться в полной власти помещика. Не только повышение, но и определение законодательным путем прав крестьян не имеет никакого смысла, ибо «о праве крестьянском трудно сказать, ибо благосостояние их толь связано с благосостоянием их владельцев... что всякое расторжение сей связи угрожает падением государства»[45].

По мнению Щербатова, крепостной крестьянин и не является юридическим лицом. Он полностью его отождествляет с древнерусским холопом. «Донос и свидетельство холопей на их господина был и древними законами запрещен»[46].

Говорить о повышении уровня правовых норм для государственных и экономических крестьян также нет никаких оснований. Во-первых, Щербатов проектировал раздачу этих крестьян помещикам, т. е. закрепощение их, при котором не может быть и речи о повышении правовых норм. Во-вторых, даже такая робкая попытка, как учреждение нижней расправы, «для ради суда однодворцев черносошных и других крестьян государевых», вызывает его резкий протест. «Вот желание равности до неумеренности доведенное, учинило, что из последнего и непросвещеннейшего рода людей судьи избираются, то либо грубостию своею отнимут власть у самого главного судьи, ибо он ими так овладеет, что учинится деспотом»[47]. Кроме того, это может повести к просвещению «подлого народа». «Не так легко и не так полезно просветиться народу, как думают, ...ежели народ подлый просветится... тогда не будет ли он роптать за налоги, а, наконец, не произведет ли сие и бунта». Просвещение народа, по мнению Щербатова, «введет токмо в вящие заблуждения и к духу неподданства»[48]. Исходя из этого, Щербатов и предлагает упразднить нижнюю расправу, а государственных крестьян отдать в опеку

[44] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 190.
[45] Там же, стр. 268.
[46] Там же, стр. 292.
[47] Там же, стр. 616.
[48] Там же, стр. 617—618.

тем дворянам, которых они сами пожелают. «Не лучше ли бы было, есть ли бы, вместо сих сочиненных чинов, позволить им самим избрать себе ежегодно опекунов, со властию по прошествии года сменять или продолжать их».

В аналогичном плане Щербатов решает вопрос и о правовом положении купечества. Положительного определения прав купечества у Щербатова нет. Он решает этот вопрос в отрицательном плане, т. е. каких прав нужно лишить купечество, так как, по его мнению, оно обладает слишком большими правами.

«Не можно сказать, — писал Щербатов, — чтобы купечество у нас не снабжено было великими правами: — толь говорю я, снабжено, что их правы гораздо прав дворянских происходят» (превышают. — *И. Ф.*)[49]. И исходя из этого, он ставит демагогический вопрос — «совместно ли данные им права с желанием правительства побудить их к какому подвигу»[50].

Ответ его совершенно отрицательный. В первую очередь, Щербатов считает крайне вредным и несправедливым практику пожалования богатых купцов дворянским званиям. Недовольство его вызывает и то, что «дворянин... по рождению своему... почетного права никакого не имеет; а именитого откупщика или подрядчика коренного сына может в карете и четвертнею ездить, являясь чрез сие всенародно проповедовать, что деньги все, а служба и излияние крови есть ничто»[51]. Наконец, Щербатов считает необходимым лишить купечество права самоуправления, права сословного купеческого суда. О каком-либо повышении правовых норм для купечества Щербатов не только не думал, но даже не определил юридического и политического положения купечества, так как и этому сословию он не придавал никакого политического значения. Перестраивая экономическое положение купечества на основе подчинения его экономической деятельности интересам дворянства, Щербатов не отводил купечеству никакой роли в политической жизни страны — его политическое положение должно определяться на основе безусловного подчинения благородному сословию.

---

[49] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 400.
[50] Там же, стр. 401.
[51] Там же.

III. Отношение к религии и церкви

Традиционную государственную точку зрения отстаивал Щербатов в отношении религии и церкви. Влияние рационализма проявилось здесь в том, что он отрицательно относился к внешней обрядовой стороне религии. В заслугу Петру I он ставил его упорную борьбу с суеверием. «В России бороду образом Божием почитали, и за грех щитали ее брить... Чудеса, без нужды учиненныя, явленные образы, редко доказанные, повсюду прославляли, привлекали суеверное богомолье и делали доходы развратным священнослужителям»[1].

«Похвально есть, — продолжал далее Щербатов, — что Петр Великий хотел истребить суеверии в законе, ибо, в самом деле, не почтение есть богу и закону суеверие, но паче ругание. Ибо приписывать Богу неприличныя ему деянии сие есть богохулить»[2].

В своем идеальном государстве — Офирской земле Щербатов строит религию полностью на рационалистических началах. Эта религия лишена догматов, почти вовсе отсутствует в ней богослужение, нет и духовенства, как отдельного, предназначенного для церковной службы, сословия. Церковнослужители в Офирской земле избираются из добродетельнейших граждан и несут свою службу без вознаграждения. Главная задача их — отправление церковной службы и наблюдение за благонравием, что является одной из отраслей полицейской службы. Поэтому церковнослужители считаются представителями полиции и всецело подчинены государству. Содержание религии заключалось в отвлеченном почитании высшего существа, олицетворением которого являлось величайшее творение его — солнце. Таким образом, и религии, и церкви он отводит чисто служебную, вспомогательную роль, полностью подчиняя их государству и откровенно рассматривая их как средство поддержания существующего порядка. Исходя из этого, Щербатов выступал противником свободы совести. В его идеальном государстве имеется лишь одна религия, которой должно придерживаться все население. Атеистам, или богохульникам, как Щербатов их называет,

---

[1] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 165.
[2] Там же, стр. 164—165.

он не находит места в своем идеальном государстве. «Богохульники у нас наказуются яко безумные; ибо кто не чувствует естества Божия, по виданным ему тварям, тот инако как безумным не счесться не может. А для чего лишается он всех должностей, имение его и он сам отдается под опеку, и дети от воспитания его отъемляются, предоставляя сродникам излечить его болезнь. Но ежели таковой безумный будет, ходя повсюду, хулы на Бога возлагать, то дабы не нашел он таких слабых людей, как бы могли им заражены быть, то дом его определяется ему темницею с запрещением никуда не выходить, дондеже исправится и принесет публичное признание в безумии своем»[3]. Такова религия идеального государства, таковы мечты князя Щербатова. На практике же Щербатов еще менее склонен допускать атеизм. Его страшит даже всякое уменьшение веры.

Мы уже указывали на двойственность отношения Щербатова к петровским преобразованиям. Эта двойственность в полной мере имеет место и в оценке религиозной политики Петра. Признавая необходимость борьбы с суеверием, он считал, что эта борьба велась Петром слишком радикальными мерами, поспешно, а поэтому привела к отрицательным результатам. Борьба Петра «с суевериями» велась им очень «сурово» и притом тогда, пишет Щербатов, «когда народ еще был непросвещен, и тако, отнимая суеверии у непросвещенного народа, он самую веру к Божественному закону отнимал... Урезание суеверия и на самыя основательные части веры вред произвело; уменьшились суеверия, но уменьшилась и вера. Исчезла рабская боязнь ада, но исчезла любовь к Богу и к святому его закону; и нравы, за недостатком другого просвещения исправляемые верою, потеряв сию подпору, в разврат стали приходить»[4].

Таким образом, по Щербатову, атеизм, безверие гораздо хуже, чем суеверие. В одном из самых красноречивых своих произведений Щербатов нападает на Екатерину II за то, что «мораль ея состоит на основании новых философов, то есть не утвержденная на твердом камени закона Божия и потому, как на колеблющихся

---

[3] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 811—812.
[4] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 165—166.

светских главностях есть основана, с ними обще колебанию подвержена»[5]. Более того, Щербатов упрекает ее в безверии, в неуважении к религиозным принципам, в том, что она сама способствовала подрыву веры к богу, разрешая печатать «безбожные книги». «Упоена безразмыслительным чтением новых писателей, закон христианский (хотя довольно набожной быть притворяется) ни за что почитает. Коль ни скрывает своих мыслей, но оне многажды в беседах ее открываются, а деяния и паче доказуют: многие книги Вольтеровы, разрушающие Закон, по ее велению были переведены, яко Кандид, принцесса Вавилонская, и прочия, и Белизер Мармонтелев, не полагающий никакой разности между добродетели язычников и добродетели христианской, не токмо обществом, по ея велению, был переведен, — но и сама участницею перевода оного была»[6].

Упрекнуть самого Щербатова в «безразмыслительном чтении новых писателей» ни в коем случае нельзя: Щербатов категорически против свободы совести, причем он идет гораздо дальше в этом отношении, чем правительство Екатерины II. Это особенно ясно сказалось на отношении Щербатова к существованию других вероисповеданий в России.

Особенно враждебно Щербатов относился к раскольникам. Эта ересь, по мнению Щербатова, наиболее опасна, причем не только для господствующей религии (это его меньше всего интересует), она особенно опасна для государства, для господствующего класса. Эта ересь, пишет Щербатов, распространяется главным образом среди «подлого народа», причем ее распространение принимает угрожающие размеры. «Нет почти ни города, ни знатного селения, где бы кого из раскольников не было, а есть и целые грады, яко: Каргополь, Олонец, Н.-Новгород и многие другие, так же как и уезды их сим ядом заражены»[7]. По словам Щербатова, раскольники «есть ли не треть, то, по крайней мере, четвертую долю подлого народа сочиняют»[8]. Опасность раскольников заключается главным образом в том, что «они упрямы и бесноверы в своей вере», что они являются

[5] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 226.
[6] Там же, стр. 243.
[7] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 550—551.
[8] Там же.

«неприятелями правительства» и уклоняются от повиновения властям. «Когда мне случилось в Архиве Петра Великого разбирать великое число по Тайной канцелярии дел, тогда я нашел множество злоумышлений, учиненных противу Петра Великого и Государства от сих бесноверов, токмо по той причине, что они почитают якобы не Православный государь, но антихрист, или предшественник антихристу, на престоле Российском сидит, а потому всякая злоба и умышление против его есть вещь не токмо позволительная, но и богоугодная»[9]. Исходя из этого, Щербатов оправдывает все мероприятия Петра, направленные против раскола, считает справедливым и необходимым гонение правительства на раскольников. Уменьшение преследования раскольников преемниками Петра I привело к самым отрицательным результатам. «Правительство возомнило, что не должно совести принуждать, что гонение лишь токмо их озлобляет, что терпением их веры можно их к доброжелательству привести»[10]. Уменьшение преследования раскольников произошло, по мнению Щербатова, потому, что правительство не понимает, какую опасность представляет «вкоренение бесноверия» в великое число «подлого народа». «Ныне царствующая императрица, не довольно расмотря всю вредность их мысли в разсуждении правления и не хотя совести принуждать, позволила и каждому, кто хочет, в раскол записываться»[11]. Это привело лишь к тому, что «сие зло не токмо стало прекращаться, но еще умножается»[12].

Очевидным доказательством этого служат многочисленные бунты, которые произошли в первую половину царствования Екатерины II. «Свидетельствуют сему бывшие бунты: 1) московский, в котором, хотя скрытым образом, раскольники участие имели; 2) яицкий, которого града казаки, быв сей ересью заражены, не почли себе преступным делом противу законной власти вооружаться; 3) бунт самозванца Пугачева», который, по словам Щербатова, получал себе помощь именно от раскольников. Таким образом, отстаивая единство православной церкви, выступая против свободы совести,

---

[9] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 552.
[10] Там же, стр. 554.
[11] Там же, стр. 553.
[12] Там же.

Щербатов исходит не из церковных, а из государственных соображений. Какие же меры Щербатов считает необходимыми принять против раскольников? Щербатов слишком образован и умен, чтобы выступить сторонником прямого насилия над раскольниками. Он оговаривается: «Да не возомнят обо мне якобы я был склонен к гонению за веру, ибо как самые главности нашей православной веры, так и правила философии меня от того довольно отвращают»[13]. Однако, эта оговорка носит, несомненно, формальный характер, и его программа мероприятий против раскола является, по существу, воспроизведением старой традиционной политики откровенного преследования раскольников. Щербатов, правда, говорит: «Не гонением и наказанием, но наставлениями, стыдом и убытками надлежит их истреблять»[14]. Однако в его программе «наставлениям» отводится слишком небольшая роль, ибо раскольники и не слушают этих наставлений, основную же роль Щербатов отводит «убыткам и стыду». Эта программа содержит в себе следующие мероприятия: 1) проповедь наиболее грамотных и добродетельных священников в раскольничьих селениях, заведение среди раскольников школ греческого языка, чтобы убедить их в правильности исправления церковных книг; 2) «возобновить и твердо наблюдать, дабы они по прежнему разноличными лоскутами на плечах сукна различались», ибо «не единыя смерть люди боятся: стыд и отличность поносная еще более может сделать чувствительности самому гонению»[15]; 3) «возобновить мало-помалу и, смотря по обстоятельствам, прежние о них законы, чтобы в подряды, в свидетельства и в поручительства их не допускать; 4) «умножить им платеж подушных денег и пошлин, а также положения постою на дворы»[16].

В этой программе отсутствует лишь прямое физическое преследование раскольников, но основной смысл программы остается прежним — любыми мерами искоренить раскол. Такой же характер носит отношение Щербатова к другим вероисповеданиям на территории Российской империи. Щербатов рекомендует правительству

---

[13] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 555.
[14] Там же.
[15] Там же, стр. 556—557.
[16] Там же, стр. 557.

особенно осторожно относиться к тем «иноверцам», которые по своей религии связаны с иностранными государствами. «Особенно важно, — пишет Щербатов, — есть все правительству надзирать над теми народами, которые владычествующей вере государства не последуют, а паче, когда главу веры своея почитают быть в чужой стране»[17]. К таким народам Щербатов в первую очередь относит те, которые «исповедуют магометанскую религию, ибо 1) они, по закону своему, суть рожденные враги христианам, и напамятование их, что прежде владычествовали над Россией, их делает паче врагами россиянам; 2) они, быв опаровой секты, суть, по самому сему, связаны с турками, и всегда, когда бывает у России война с Портою Оттоманскою, тогда сии народы ясно сказуют свою преданность к оным»[18]. Задачей правительства, по словам Щербатова, является обращение всех иноверцев в православную веру, причем меры, предлагаемые Щербатовым для этого, по существу, те же самые, что и для обращения раскольников.

Отстаивая единство православной веры, выступая против свободы совести, считая необходимым установление единоверия в государстве, Щербатов исходил не из интересов господствующей церкви, а из государственных интересов, из насущных политических интересов господствующего класса. Самой православной церкви Щербатов отводил вспомогательную, чисто служебную роль — «вкоренение добронравия», «нравственное просвещение», главным образом, «подлого народа». Мы видели, что в его идеальном государстве церковь выполняет полицейские функции, наблюдая за благочинием. Именно такую роль хотел отвести церкви Щербатов и в России. В своем «Проекте о народном изучении» Щербатов указывает, что цель просвещения «подлого народа» заключается во «всеобщем воспитании и вкоренении добродетельных мыслей в народе»[19]. Для народа необходимо, по мнению Щербатова, «единственно... нравоучительные наставления, основанные на словах священного писания». Необходимо, чтобы «влагались бы им мысли богобоязия, справедливости, повиновения законам и

[17] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 561.
[18] Там же, стр. 557—558.
[19] Там же, стр. 727.

начальникам и побуждались бы к трудолюбию»[20]. Роль воспитателей «подлого народа» в духе повиновения властям и законам и должны выполнять по его проекту церковнослужители. Церковь должна быть поставлена под строгий и бдительный контроль светской власти. Щербатов признавал совершенно правильными, хотя и недостаточными, все мероприятия Петра, которыми он лишил церковь самостоятельного политического значения. Щербатов считал недостаточным, например, введение в священный синод лишь одного светского чиновника — обер-прокурора. «Архиреи и другия духовные особы, присутствующие в синоде, суть люди почтенные их саном, а часто и пронырством, сочиняющие корпус между собою, яко беспрестанно борющийся для приобретения себе больше силы, а в сопротивление им посажен один обер-прокурор, человек не большого чина и по большей части не случайной при государе, то может ли он единой силе их сана, пронырством и соединению противиться? Правда, поныне не видно еще, чтобы архиреи многое захватили, но посторонния тому обстоятельствы противились... Но я впредь не ручаюсь чтобы духовной чин, нашед удобный случай, не распростер свою власть»[21]. Ставя центральное управление церкви под бдительный и строгий контроль государственной власти, Щербатов считал необходимым контроль помещиков над священниками, он требовал установить право патроната их над священниками. В своей статье «Примечания верного сына отечества на дворянские права на Манифест» Щербатов настаивал на том, «чтоб без согласия владельцев в церкви, в деревнях их находящихся, как священники, так и церковники не определялись»[22].

IV. Организация законодательной власти

Социальная направленность мировоззрения Щербатова и вместе с тем беспомощность и бесперспективность позитивной программы особенно наглядно проявились в проектировании им высшего законодательного органа. «Сочинять законы» — дело очень трудное и ответст-

[20] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 733.
[21] Там же, стр. 571—572.
[22] Там же, стр. 294.

венное. Законодатель, указывает Щербатов, должен иметь такие качества, которые предотвратили бы возможность установления плохих законов, ибо плохие законы делают «злополучие народа». Законодатель должен прекрасно знать не только древние законы, но и историю своей страны, «дабы в некоторых пунктах их не опровергнуть». Он должен иметь «знание сердца человеческого, дабы проникнуть внутрь и искоренить пороки в самом их начале; надлежит ему знать владычествующую склонность своей нации». Наконец, что особенно важно по Щербатову, «надлежит, чтобы законодавец не высокомысленный человек был, который без дальнего разсмотрения осмеливается предписывать законы; дабы он был довольно мудр, дабы возмог сносить учиненные ему споры, и возмог бы поправиться»[1].

Таким качеством в полной мере не может обладать какой-либо один человек, будь то человек «приватный» или сам монарх. Монарх слишком занят другими государственными делами, чтобы достаточно времени уделить «сочинению» законов. Кроме того, монарх окружен льстецами, которые, заискивая перед ним, будут восторгаться любым законом. «Приватный» человек не может «сочинять» законы, потому что подвержен различным страстям, слабостям и ошибкам. «Сочинения законов каким обществом есть, конечно, лучшее средство, нежели сочинять кому единому, ибо, многие люди, быв собраны вместе, познаниями своими друг другу помогают, удобнее могут учинить все соображения, нужныя к составлению закона, страсти тут противоборствуют, и самые споры объясняют причину»[2], — делает вывод Щербатов.

Однако не всякое «общество», не всякое «собрание людей» может установить такие законы, которые представляются Щербатову необходимыми. Мы уже указывали, что Щербатов отрицательно относится к английскому парламентарному строю.

Шведская форма государственного устройства более близка Щербатову, так как аристократический характер ее ближе подходил к идеалу Щербатова. Однако Щербатов вовсе не был безусловным сторонником шведского государственного строя.

[1] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 347—348.
[2] Там же, стр. 360.

В своем сочинении «Путешествие в землю Офирскую» Щербатов едко высмеивает борьбу двух партий в Швеции — «шапки и шляпы», которая обессилила страну и привела ее к анархии. «Известно было всей Европе, в каком замешательстве правление шведское находилось от двух партий: «шапки и шляпы». Власть королевская была приведена в ничто, во всех разсуждениях о делах государственных не польза отечества, но внушения тех держав, на которые сии партии опирались, действовали и под видом содержания вольности народа швецкого «шапки» в анархию Швецию привели»[3]. Партийная борьба, возможность такого положения, когда родовитые и заслуженные дворяне в результате поражения их партии могут лишиться жизни, имения или быть изгнанными из своей страны, убивают в Щербатове всякие симпатии к такой форме правления.

Кроме того, Щербатова пугает и то, что при таком государственном устройстве не исключена возможность введения в состав «вышняго правительства», т. е. Сената, «подлых людей» — крестьян, купцов, священников[4].

Опыт сочинения законов «обществом» был и в России, это главным образом Уложенная комиссия Екатерины II, однако этот опыт неудачен. На примерах этой комиссии Щербатов доказывает, что «сочинение» законов «большим обществом» невозможно.

«Бывшее собрание, можно сказать, чинов государственных в России в 1767 г. и в следующие ясно показало, колико многочисленное собрание может не удобно быть к сочинению благих законов: там некоторые казаки и крестьяне предложениями своими почти и воздух дышущий у дворян и купцов хотели отнять; там купцы старались распространить свои права с ущербом прав дворян и землевладельцев; дворяне хотя и умерены были, ибо в два года пребывания сей комиссии почти токмо о общих правах говорено было, но и те однако некоторую захватчивость над правами других оказали. Толь есть трудно в деле, где касается до блаженства самого и потомства, нужную умеренность сохранить»[5].

Таким образом, «большие собрания» со всесословным представительством неприемлемы для Щербатова

[3] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 753—754.
[4] См. М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 93—117.
[5] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 360—361.

потому, что они составлены из представителей различных сословий. На примере Уложенной комиссии Щербатов убедился, что в собраниях со всесословным представительством трудно бывает отстоять любезные ему интересы дворянства. Поэтому такие собрания Щербатов отвергает.

Также неудовлетворительны для сочинения законодательства «малые собрания», ибо «страсти, колеблющие людей, малые собрания, чинимые для законодательства, также неспособны к оному чинят»[6]. В малом собрании, отмечает Щербатов, инициативу законодательства очень часто берет какой-нибудь один человек. «В собрании кто единый по каким ни есть причинам — по разуму-ль, по красноречию-ль, или по могуществу, — некоторое превышение имеет, так что мнение его предпочтительно других следуют, и тако из множества становится един»[7].

Пример этого Щербатов видит в русском Сенате, где власть генерал-прокурора является решающей силой, которой не смеет противоречить никто из сенаторов.

Итак, ни одна из форм «сочинения» законодательства, из известных Щербатову, не удовлетворяет его.

Он находит новую «идеальную» форму, которая, обладая всеми достоинствами вышеприведенных, устраняет, однако, их недостатки. По мнению Щербатова, «надлежит, чтобы законы сочинялись немногими честными (людьми), разумными, исполненными сведениями, трудолюбивыми и искусившимися в делах и, наконец, равными силою и кредитом при дворе людьми, и чтобы целое государство снабживало вещами к сочинению законов, и каждый бы гражданин, по силе и могуществу своему, мог полезный совет дать: ибо все под законом должны жить, все и участие в нем должны иметь»[8].

Исходя из этого, Щербатов проектирует создание законодательной комиссии, разделенной на 4 департамента. Порядок работы этих департаментов Щербатов предлагает следующий.

Первый департамент должен составить выписки из законов, наказов и разных представлений от губернаторов и передать их второму департаменту.

---

[6] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 366.
[7] Там же, стр. 360.
[8] Там же, стр. 367.

Второй департамент составляет «систему законов», план законодательства по главам и обнародует его «с прошением каждому гражданину дабы, если что к лучшему усмотрит, мнения свои присылал в третий департамент», причем пересылка этих мнений должна освобождаться от всякого платежа на почте.

Третий департамент, получая эти мнения, составляет выписки из них, согласно плану, составленному вторым департаментом.

Второй департамент сочиняет между тем подробный план первой главы и отдает ее другим департаментам. Первый составляет, согласно этому плану, выписки из собранного им материала по статьям, а третий — таким же образом из присланных мнений. Когда эта работа будет закончена, второй департамент сочиняет первую, а затем таким же порядком и другие главы, публикует их «с подробным описанием всех причин, побудивших к сочинению... той или иной статьи и с указанием срока присылки мнений. Когда же по окончании и обнародовании какой главы примечания и мнения на нее соберутся, и выписки сделаются на какую часть, тогда взносится все сие в четвертый департамент, который, «соображая законы и мнения», вырабатывает окончательный текст законодательства, которое утверждается «высшим правительством» [9].

Таков проект «идеального» законодательного органа.

Заменяя политическую организацию, которую предлагает Монтескье, громоздкой бюрократической машиной, Щербатов руководствовался совершенно определенными для него мотивами. В этой комиссии не может быть «захватчивости» различных сословий, ибо «подавание голосов (мнений. — *И. Ф.*), по большей части вздорных, к законодательству не служило, а было бы оно исполняемо особливыми комиссиями» [10].

Несомненно, различные мнения будут содержать в себе и «предубеждения», и «пристрастия», и «захватчивость», однако «сия была грязь, из которой можно было много золота получить». Таким образом, мнениям, голосам Щербатов отводит чисто служебную, вспомогательную роль. Они служат, по мнению Щербатова, «к познанию умоначертания народного и ко вложению

[9] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 367—370.
[10] Там же, стр. 361.

духа твердости в сердца гражданские. Само же законодательство «сочиняют комиссии, наполненные лучшими людьми государства», которыми являются, согласно теории Щербатова, только благородные. В этой комиссии не может быть партийной борьбы, ибо она состоит исключительно из дворянства и, кроме того, различные части законодательства «сочиняются» различными департаментами, поэтому здесь не может быть «корыстолюбия», «захватчивости отдельных лиц»[11]. «Корыстолюбие и захватчивость уступят место общей пользе, жестокость милосердием смягчится, а слабость... в твердость и строгость обратится»[12]. Не может быть в этой комиссии «не сведения древних законов, потому что первый департамент особливо к тому определяется, чтобы выписки из оных делать». Наконец, не может быть здесь «не сведения государственных нужд, не противуречия, ни темноты, неудобности во исполнении, понеже не один или не малое общество в сем будут трудиться, но целого государства граждане будут подавать свои советы и делать примечания[13].

Проектируемая Щербатовым законодательная комиссия полностью отвечает его социальным и экономическим взглядам. Она призвана упрочить политическое положение дворянства в государстве, должна, по мысли Щербатова, еще более усилить политическую роль благородного сословия путем установления законности в государстве, основывающейся на подчинении всех сословий и самого государства благородному сословию.

Только такому бюрократическому учреждению и мог доверить Щербатов составление законодательства, ибо оно гарантировало преобладание дворянства. Всякое представительное учреждение типа парламента страшит его, так как оно грозит «захватчивостью» других сословий и вкоренением «умствования равенства».

Политические взгляды Щербатова носят узкосословный, консервативный, дворянский характер. Именно такой характер политических взглядов Щербатова особенно четко виден при анализе его отношения к екатерининскому правительству, его практических предложений по реорганизации русского государственного аппа-

---

[11] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 369.
[12] Там же, стр. 370.
[13] Там же, стр. 369.

рата и его политического идеала, который он нарисовал в своей утопии «Путешествие в землю Офирскую швецкого дворянина».

V. Характер оппозиционности М. М. Щербатова

Выше неоднократно указывалось, что Щербатов очень резко критиковал мероприятия правительства. Во многих своих произведениях он выступал с яростной оппозицией правительству. На многие стороны общественной и государственной жизни России обрушивалась страстная и придирчивая критика Щербатова. В настоящем разделе мы попытаемся подвести итоги именно этой критической стороне мировоззрения Щербатова, выяснить характер его оппозиционности. Критическая сторона его мировоззрения представлена лучшими его сочинениями: «О повреждении нравов в России», «Статистика в разсуждении России», «Оправдание моих мыслей...» — и многими другими. В своей яростной неудержимой критике Щербатов заходит очень далеко, гораздо далее, чем в своих позитивных политических построениях. Она ведется Щербатовым по трем главным направлениям. Во-первых, критика русского государственного аппарата, центральной и местной администрации; во-вторых, критика социальной политики правительства; и, наконец, в-третьих, страстное обличение «повреждения нравов» в России.

В первую очередь Щербатов обрушивается на Екатерину II, как главу русского государства. Щербатов дает ей очень нелестную оценку: «Одарена довольной красотой, умна, обходительна, великодушна и сострадательна по системе, славолюбива, трудолюбива по славолюбию, бережлива, предприятельна, некое чтение имеющая... Напротив же того, ее пороки суть: любострастна, и совсем вверяющаяся своим любимцам, исполнена пышности во всех вещах, самолюбива до бесконечности и не могущая себя принудить к таким делам, которые ей могут скуку наводить, принимая все на себя, не имеет попечения о исполнении, и, наконец, толь переменчива, что редко и один месяц одинаковая у ней система в разсуждении правления бывает»[1]. К оценке Екатерины II Щербатов возвращается не раз. Согласно его точке зрения «жены более имеют склонно-

[1] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 226.

сти к самовластию, нежели мущины; о сей же (Екатерине II. — *И. Ф.*) со справедливостью можно уверить, что она наипаче в сем случае, есть из жен жена»[2]. Ничто не может ей так досадить, пишет Щербатов, как противоречие ее воле. В этом случае у нее всегда готов ответ: «Разве я не могу, не взирая на законы, сего учинить?». Щербатов упрекает Екатерину II в безбожии, в «безрасмыслительном» чтении новых писателей — Вольтера, Мармантеля и др. Но особенно, чего не может простить Щербатов Екатерине II — это то, что она целиком вверяется своим многочисленным любовникам, раздает им огромные государственные средства и доверяет им управление государством. «Каждый любовник, — пишет Щербатов, — хотя уже и коротко их время было, каким-нибудь пороком на взятые миллионы одолжил Россию»[3]. Еще резче отзывается Щербатов о Екатерине II в своем произведении «Оправдание моих мыслей...»: «Охуляю я писание законов самою монархинею, писанных во мраке ее кабинета, коими она хащет исполнить то, что невозможно, и уврачевать то, чего не знает; охуляю я беспрестанныя противуречия и недописки в ее законах, яко между прочим в законе прав дворянских... Не охуляю я, что имеет всегда при себе любимцев, ибо до внутренних деяний государя касаться не смею; но охуляю я, что сокровищами коронными их до крайности богатит и дает им такие преимуществы, которая ни долговременная служба, ни полезные подвиги приобрести не могут, и такую власть, что все пред ними должны трепетать, чрез что и усердие уменьшается и робость и подлость духу час от часу вселяется»[4].

---

[2] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 235.

[3] Там же, стр. 230.

[4] Там же. По мнению Щербатова, все фавориты Екатерины люди недостойные, приносящие огромный вред России. Орлов «вырос в трактирах и неблагопристойных домах», ничему не учился, вел «развратного человека жизнь». «Зорич ввел в обычай непомерно великую игру. Потемкин — властолюбие, пышность, подобострастие ко всем своим хотениям, обжорливость, сребролюбие, захватчивость и, можно сказать, все другие, знаемые на свете пороки... Завадовский ввел в чины подлых малороссиян, Корсаков приумножил бестыдство, любострастие в женах, Ланский жестокосердие поставил быть в чести, Ермолов не успел сделать ничего, а Мамонов вводит деспотичество в раздаянии чинов и пристрастие к своим родственникам».

Таким образом, Щербатов упрекает Екатерину, во-первых, в стремлении к деспотизму, которое особенно ярко выступает, по мнению Щербатова, в предоставлении временщикам, людям случайным, неродовитым и недостойным огромной власти, перед которой должны все трепетать; во-вторых, в безнравственности, пример которой подает сама Екатерина II. Не удовлетворяет Щербатова и русский государственный аппарат.

Первое и главное правительство в России — Сенат — слишком принижено, лишено какой-нибудь самостоятельной, политической власти. Оно целиком поставлено под контроль генерал-прокурора, «хотения которого он, по существу, и выполняет».

Генерал-прокурор, замечает Щербатов, руководит всей деятельностью Сената, управляет его канцелярией, устанавливает порядок рассмотрения дел, только он один докладывает государю обо всех разногласиях в Сенате. Сенаторы, по мнению Щербатова, лишены всякой власти. «Генерал-прокуроры власть свою над Сенатом не представали распространять и, можно сказать, истребили дух твердости и усердия в сенаторах, которые принуждены почти во всем с генерал-прокурором соглашаться»[5]. Это привело к тому, указывает Щербатов, что «сенаторы повреждают Сенат, а Сенат повреждает сенаторов, а все сие от неумеренныя власти генерал-прокурора происходит», ибо «сенаторы, быв уже люди чиновные, быв в толь узких границах властию генерал-прокурорскою стеснены, теряют нужную бодрость для государственного правления надлежащую»[6].

Таким образом, главным пороком верховного правительства России является неумеренная власть генерал-прокурора и принижение Сената. «Охуляю данную великую власть генерал-прокурора и приведение Сената почти в ничтожное состояние, и наполнение онаго такими людьми, которые общим образом ни поверенности, ни почтения от государя не имеют»[7].

Что же Щербатов предлагает для устранения этого «коренного» недостатка?

Для этого, по словам Щербатова, необходимо несколько уменьшить власть генерал-прокурора и увели-

[5] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 566.
[6] Там же, стр. 567—568.
[7] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 258.

чить роль сенаторов. Генерал-прокурору необходимо оставить функции правителя канцелярии и докладчика государю о всех вопросах, которые рассматривал Сенат. Однако порядок рассмотрения дел должен быть установлен не по «своенравному хотению» генерал-прокурора, а по старшинству их, причем изменять этот порядок без каких-либо особо важных причин нельзя [8].

Кроме того, чтобы повысить авторитет сенаторов, Щербатов предлагает предоставить им право «подавать голос и власть дело остановить». В случае же разногласий между самими сенаторами или между сенаторами и генерал-прокурором спорное дело должно докладываться государю. Но докладывать об этом должен не генерал-прокурор, который, «конечно, всегда старается более усилить свое предложение, в противность мнения тех сенаторов, которые с ним согласны», а выборные от противных сторон. Этим самым, говорит Щербатов, «власть генерал-прокурора в надлежащие ей границы вместилась, и каждый бы сенатор, чувствуя, что усердие и справедливость может быть изъяснена самим им пред Государем, более бы твердости духу имел, и устрашился бы несправедливо защищать, а самое бы сие возвратило Сенату вообще и каждому сенатору особливо, то почтение, которое к ним для благоучрежденного правления должно иметь» [9].

Наконец, Щербатов считает несправедливым то положение, что вся канцелярия Сената находится в распоряжении генерал-прокурора, который может пользоваться помощью и советами многочисленных секретарей, между тем сенаторы не имеют и по одному секретарю. Он разражается по этому поводу язвительной тирадой: «Из сего можно заключить следующее: что или сенаторов толь премудрыми людьми почитают, что им никакой помощи во исполнении должности своей не надобно, а генерал-прокурора таким дураком, которому все возможныя помощи должны подать; иль сенаторов такими особами, которые токмо для виду посажены, вся же сила оставлена генерал-прокурору, что, кажется, и в самом деле есть» [10].

---

[8] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 468.
[9] Там же, стр. 569—570.
[10] Там же.

Для устранения этого недостатка Щербатов предлагает дать каждому сенатору по секретарю.

Этот «проект» преобразования Сената ничтожен и носит бюрократический характер. Ожидать от таких преобразований какого-либо повышения уровня общегражданских правовых отношений ни в коем случае нельзя. Уже из этого видно, что разногласия Щербатова с правительством идут не по принципиальным, а по второстепенным, частным вопросам. Касаются они, главным образом, не сути дела, а лишь формы.

Такой же ограниченный характер имеет критика Щербатова и других сторон государственного управления России. Синод управляется, по его словам, лукавыми и пронырливыми архиереями и архимандритами, которые стремятся захватить себе больше власти, камер-коллегия «никогда на хорошую ногу поставлена не была, да сие и не удивительно, ибо большая часть ея президентов, более стараясь показать государю преумножение доходов, и тем выслужиться, а притом, чтобы и себе прибыль от откупщиков получить, мало прилагали попечения о приведении ея в добрый порядок». Юстиц-коллегия наполнена незнающими людьми. Вотчинная коллегия, имеющая в глазах Щербатова особенно важное значение, так как судит дела, относящиеся до «владения имений», также имеет недостатки: «Множество законов противоречительных; недостаток самых оных в некоторых случаях; беспорядок самыя архивы»[11]. Коммерц-коллегия слишком медленно решает дела. Мануфактур-коллегия, по его мнению, вовсе не нужна[12]. Не нужна и коллегия экономии, ибо все экономические деревни необходимо раздать помещикам. Главный магистрат — «место, долженствующее бы быть защитою и подпорою купечества и мещанства, учинилося в вертеп разбойников, где грабят и утесняют других подданных»[13]. Таким же образом характеризует Щербатов и другие учреждения. Главным недостатком их он считает, как мы видим, отсутствие знающих, добродетельных и трудолюбивых чиновников. В статье «Оправдание моих мыслей...» Щербатов прямо указывает: «Охуляю я все сии именованные правительства за

[11] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 585.
[12] См. там же, стр. 596—598.
[13] Там же, стр. 609.

наполнение их незнающими и мало совести имеющими людьми; охуляю я их за малое трудолюбие... Охуляю я, что нет нигде знающих секретарей и прочих служителей»[14]. Когда некоторые коллегии были уничтожены, то Щербатов «охулял» и это мероприятие: не уничтожать нужно было коллегии, а «наполнить лутчими людьми, которые содержали стечения, а потому и соединения между сословий благородных, и были посредственной властью между Сената и нижних правительств, силою своею связующие все части с высшим правительством и сочиняющие целое порядочное»[15].

Такой же характер носит и критика местных органов государственной власти. «Учреждение Екатерины II для управления губерний Всероссийской империи» страдает, по мнению Щербатова, рядом очень крупных недостатков. Во-первых, недостатком является уже то, что наместничества определяются количеством душ (от 300—400 тысяч). «Лутче бы разделить наместничество по числу душ и по числу земель, ибо в многонаселенных странах оно будет тесно, а в малонародных слишком пространно и затруднительно для езды жителям»[16]. Вторым очень крупным недостатком является увеличение количества судов. Мысль об увеличении судебных мест сама по себе имеет хорошую цель — ускорение судопроизводства, уменьшение судебной волокиты. Однако «в законодательстве не Платонову Северамбеку республику должен сочинять, а делать вещи, свойственныя со страною, с народом и со всеми обстоятельствами»[17]. В России, указывает Щербатов, очень мало знающих, образованных людей. Их неоткуда брать даже для небольшого количества судов. «И как тут хотят до бесконечности умножить судей и надеяться от них прямого правосудия, где... мало людей правильно и грамоте умеют, то из сего умножения и выйдет, что хотя дела пойдут скорее, но не правее»[18].

Особенно возмущает Щербатова учреждение нижних и верхних расправ для суда над государственными крестьянами. По его мнению, это «желание равности,

---

[14] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 263.
[15] Там же, стр. 260.
[16] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 94.
[17] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 613—614.
[18] Там же.

до неумерения доведенное». Ждать чего-либо хорошего от подобных судов нельзя: «...расправой ли или переправой назови, но дело состоит, что всякое место тогда хорошо, когда дела в нем исправляются добрыми и знающими людьми, а... сего в сих расправах и быть не можно»[19], ибо «из последнего и непросвещеннейшего рода людей судьи избираются»[20]. Наконец, третьим крупным недостатком является то, что наместниками дана очень большая (деспотическая) власть, которой должны подчиняться даже органы дворянского самоуправления. Вызывает протест Щербатова и практика назначения наместников из военных «не знающих законов» людей. «Охуляю я без разбору чинимый выбор в наместники, а паче из военных, незнающих законов, ни судебных обрядов, и терпение их пороков при такой великой данной им власти, чрез что они почти деспоты в своих наместничествах учинились и удручили разумы народные, истребляют благородныя мысли и в род рабства благородных приводят»[21].

Не менее страстную критику вызывает у Щербатова и русское законодательство. В России есть писанные законы, указывает Щербатов, однако они не систематизированы, имеют случайный характер, противоречат друг другу, многие законы вовсе отсутствуют. Русское законодательство, пишет Щербатов, не что иное, как «смешение противоречащих и без системы сделанных законов»[22].

Это, по словам Щербатова, открывает путь для всевозможных злоупотреблений. Наши законы «власти государевой и силе вельмож уступают», поэтому «состояние каждого подданного основывается не на защищении законов, не от собственного его поведения зависит, но от мановения злостного вельможи»[23]. Именно поэтому в России возможны такие случаи, как казнь Волынского, беззаконная ссылка князя Голицына и многие другие. Это происходит, по словам Щербатова, потому, что сочиняются эти законы в тиши кабинета императора: «Охуляю я наши законы, поелику они не

[19] М. Щербатов. Неизданные соч., стр. 97.
[20] Там же.
[21] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 258.
[22] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 576.
[23] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 249.

токмо с согласия народнаго, но ниже с согласия главного правительства сочиняются» [24].

Такова оценка Щербатовым русского государственного устройства: несмотря на страстность и резкость этой критики, она направлена по существу лишь на отдельные слабости русского государственного аппарата и имеет своей целью исправление, упрочение его при некотором изменении взаимоотношений между государством и дворянством.

Сословная ограниченность критики Щербатова особенно ясно выступает в его обличениях внутренней и внешней политики правительства. Щербатов считает, что правительство недостаточно защищает и выражает интересы дворянства. Он думает, что дворянство должно иметь гораздо большие права и привилегии и что эти права должны быть основаны на «твердом камени законов». Именно с этих позиций и ведет Щербатов критику правительства. Щербатова возмущает тот факт, что правительство допустило пугачевский бунт, от которого очень сильно пострадало русское дворянство. «Охуляю я беспечность правления во время бунта Пугачева, отчего более тысячи дворянских фамилий и множество народа истреблено было, и многие области разорение претерпели. Охуляю я самую его казнь, яко весьма облегченную по соразмерности его преступлений» [25].

Щербатов выступает категорически против награждения богатых откупщиков чинами и дворянским званием. «Охуляю я почти явную чинимую продажу чинов, даваемых купцам и другим разночинцам без всякие заслуги, чем они и до дворянства достигают, отчего сословие дворянское и развращается, уподляется, права и служба пропадает» [26]. «Охуляет» Щербатов «Манифест о вольности дворянства». Он недостаточно, по его мнению, хорошо отражает интересы дворянства, так как органы дворянского самоуправления ставятся под контроль государственной власти. «Охуляет» Щербатов «данные неумеренные права именитым купцам» в ущерб интересам дворянства, «безвременное учреждение цехов, истребляющее ремеслы в самом начале». «Охуляю

[24] М. Щербатов. Соч., т. II, стр. 251—252.
[25] Там же, стр. 256.
[26] Там же, стр. 265.

я отдачу, — пишет он, — многих коронных оброчных статей в пользу городов, на которые излишнюю дань купцы наложили»[27].

Мы видим, что социальная политика правительства критикуется Щербатовым с узкосословных, дворянских позиций.

Предметом страстной критики Щербатова являются и нравы екатерининской России. Лесть, лицемерие, подхалимство, лень, недобросовестность, безнравственность, корыстолюбие, свидетельствующие о повреждении нравов, — вот те пороки, которые разъедают русский государственный организм со времен Петра I.

Причем «исправление нравов», в отличие от масонов, Щербатов ставил в зависимость от «исправления» государственного аппарата, от улучшения законодательства.

В чем же сущность оппозиционности Щербатова? Чем вызвана эта страстная и придирчивая критика Щербатовым всех мероприятий екатерининского правительства? Совершенно очевидно, что не «политическое свободомыслие», не широкая программа либеральных реформ, имеющая своей целью «повышение уровня общегражданских правовых норм», являются источником этой критики. Перед нами по существу дворянская реакционная фронда, цель которой упрочение и укрепление позиций благородного сословия.

Источником своей критики Щербатов имел не предчувствие жизненных форм «далекого туманного будущего», а страх перед будущим, реакцию на те новые элементы, которые появились в жизни екатерининской России, сожаление об утрате тех «вольностей», которые, по его мнению, имело дворянство в прошлом.

Щербатов критикует правительство и его мероприятия за то, что оно слишком оторвано от дворянства, недостаточно хорошо отражает его интересы, слишком самостоятельно по отношению к дворянству. Щербатов мечтает о таком положении, при котором дворянство занимало бы, как сословие, решающее политическое значение не только по отношению к другим классам, но и в отношении государства, причем это значение должно быть основано не на «произвольных хотениях»

---

[27] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 257—258.

монарха, или «злостного вельможи», а на «твердом камени законов».

VI. Политическая утопия М. М. Щербатова

В полном соответствии со своими теоретическими воззрениями рисует Щербатов идеал государственного устройства в одном из последних своих произведений, оставшемся неоконченным, — «Путешествие в землю Офирскую»[1].

При знакомстве с идеальным государством Щербатова бросается в глаза большое сходство его со знакомыми нам общественными формами. Это по существу Российская империя, преобразованная, однако, по программе Щербатова.

Социальная структура Офирского государства, воспроизводя, в основном, социальную организацию русского общества, видоизменяется Щербатовым в направлении усиления экономического и политического могущества дворянства, ослабления сил других классов и устранении таким путем классовой борьбы. Это «идеальное» государство строится на общественном неравенстве, на тщательном отделении друг от друга различных социальных групп, наделенных различными правами. На верху социальной лестницы стоит дворянство, обладающее экономическим благосостоянием за счет монопольного владения рабским трудом и совершенно достаточного жалования за государственную службу, к которой имеют доступ только представители этого сословия. Доступ в это сословие представителям других социальных групп очень затруднен. Только выдающиеся заслуги и отличные добродетели могут награждаться этим высоким званием.

Дворянство, составляя высшее сословие государства, строится на основе строгой иерархии. Оно делится «на четыре степени благородства», каждая из которых наделена различными «полезными и почетными правами». Первые степени дворянства обладают особым

---

[1] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 749—1060.

привилегированным положением: они составляют верховный совет при императоре и имеют преимущественное право на замещение наиболее важных государственных постов. Доступ в этот высший слой аристократии для людей не «благороднорожденных» невозможен.

Социальную основу этого государства составляет бесправная масса рабов, не обладающая никакими политическими правами и отданная в бесконтрольное владение благородным.

Срединное положение на социальной лестнице офирского общества занимает купечество и мещанство, представляющее, однако, в количественном отношении весьма ничтожную прослойку, не имеющую веса ни в политической, ни в экономической жизни страны, так как торговля здесь развита очень слабо, а иностранной торговли вовсе нет.

Общество, основанное на неравенстве, предполагает «неудовольствия» различных людей, возможные выступления против власти, бунты, различные преступления. Поэтому это «идеальное» государство снабжено всеми атрибутами власти, которые имеются во всяком «цивилизованном» государстве. Здесь имеются армия, построенная по принципу военных поселений, флот, имеются крепости, притом не только на границе, но и внутри страны (на случай восстания рабов). Есть и суд, и тюрьмы, и полиция. Причем функции полиции в этом «идеальном» государстве очень велики, так как вся личная и общественная жизнь граждан этого государства построена на самой мелочной регламентации, тщательной опеке государства. Эта опека, вплоть до наблюдения над благонравием жителей, возложена на полицию.

Таким образом, это по существу полицейское государство, «наделенное грозным орудием правительственной репрессии».

Однако, где же здесь утопия?

А. Кизеветтер видит утопические черты этого произведения в том, что «Щербатов, по его мнению, ухитряется ввести и в эти рамки некоторые элементы правового государственного порядка»[2], «далекого туманного

---

[2] А. А. Кизеветтер. Исторические очерки. М., 1912, стр. 43.

будущего»[3], в том, что «уровень общегражданских прав... рисуется ему весьма высоким»[4]. Этот вывод, при рассмотрении государственного устройства Офирского государства, представляется мало обоснованным.

Верховной властью в государстве (и исполнительной, и законодательной) обладает император, власть которого должна основываться не на «своевластных хотениях», а на государственной пользе. На стенах дворца императора, с целью удержать императора от «беспорядочных хотений», помещены надписи, напоминающие ему о назначении власти монарха: «Власть государская сображается с пользою народной»[5], ибо «не народ для царей, но цари для народа, ибо прежде, нежели были цари, был народ»[6]. «Царь должен сам первый законам страны своей повиноваться, ибо по законам он и царь, а разрушая их власть, разрушает и повиновение подданных к себе»[7].

Для того чтобы не вложить «неким государям мысли гордости и предубеждения, якобы они весьма любимы народом, что может вредные следствия произвести», население при приезде монарха не должно произносить каких-либо приветственных восклицаний и других знаков радости»[8]. С этой же целью памятники монархам ставятся спустя тридцать лет после их смерти. Из более действенных средств ограничения императора Щербатов указывает лишь одно: император лишен вооруженной охраны, ибо «государь, быв окружен стражею, почтет не столь нужну себе любовь народную и, не имея опасности, может ввергнуться в таковые поступки, которые ему самому и государству вред нанесут, вместо того, что, не имев стражи, он всегда старается в любви народной ее себе сыскать»[9]. Мера эта не является, конечно, особенно действенной, тем более, что император обладает высшей военной властью, все вооруженные силы находятся в его ведении. Центр тяжести в ограничении власти монарха переносится

---

[3] А. А. Кизеветтер. Исторические очерки. М., 1912, стр. 43.
[4] Там же, стр. 53.
[5] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 751.
[6] Там же, стр. 979.
[7] Там же, стр. 980.
[8] Там же, стр. 984.
[9] Там же, стр. 889.

Щербатовым по существу на добрую волю и добродетель самого монарха. Император имеет право самостоятельно начинать только оборонительные войны. Для того чтобы объявить войну наступательную, к которой, кстати, офирцы относятся резко отрицательно, «он должен собрать совет не токмо из членов хранилища законов, но также и всех обретающихся в столице четырех первых степеней людей»[10]. А в первые четыре степени входят, как мы уже указывали, одни дворяне. Таким образом, император не может начать наступательную войну без согласия дворянства. Не должен государь, по законам Офирской земли, единолично сочинять законы, так как «цари не бывают ни ремесленниками, ни купцами, ни стряпчими и не ощущают многих нужд, которые их подданные чувствуют, а потому и неудобны суть сами сочинять законы»[11].

При императоре имеется верховный совет, наполненный представителями наиболее родовитой аристократии и являющийся личным советом императора по некоторым наиболее важным вопросам. Высшим органом управления и суда является «вышнее правительство», разделенное на пять департаментов, компетенция которых ограничена определенным кругом вопросов. Во главе каждого департамента стоит председатель, кроме того, в нем заседают шесть судей, назначенных императором из четырех первых степеней людей. Кроме того, в каждом департаменте заседают девять земских судей, которые являются выборными представителями от губерний. Каждая губерния имеет право послать в «вышнее правительство» пять дворянских депутатов и одного купеческого. Дворянские депутаты заседают во всех департаментах этого правительства. Купеческие депутаты (их всего 15 человек, так как в офирской империи 15 губерний) имеют право заседать только в третьем департаменте, который решает вопросы торговли и государственных доходов. «Что касается до мещанских депутатов, оные имеют заседания в третьем департаменте и во всех торговых делах имеют свой голос, для охранения, чтобы какого вредного положения

---

[10] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 1004.
[11] Там же, стр. 980.

в разсуждении обще всего государства, или в единой губернии учинено не было»[12].

Таким образом, количество купеческих депутатов ничтожно, по сравнению с количеством дворянских депутатов и чиновников государства. Даже в третьем департаменте они не имеют большинства. Назначение земских депутатов заключается в наблюдении, чтобы не было принято какого-либо решения, вредного их губернии.

Таким образом, дворянство, имеющее большинство голосов в этом правительстве, даже в отношении к представителям бюрократии (9 : 7) является решающей политической силой государства. Работа этих департаментов происходит по твердо установленному порядку, дела рассматриваются на основании строгой очередности и в полном соответствии с законом. Судьи предполагаются добродетельными и мудрыми, решающими дела не по пристрастиям, а по законам. Во избежание каких-либо злоупотреблений в каждом департаменте введен «законник» — человек, хорошо знающий законы и умудренный опытом. В случае разногласия между «законником» и судьями, вопрос решается в императорском совете или же самим императором»[13].

Для выработки новых законов «вышним правительством» избирается специальная законодательная комиссия из 20 человек, причем для того, чтобы быть избранным, необходимо иметь очень высокий ценз: 1) не менее 35 лет от роду; 2) не менее 17 лет «беспорочной» службы; 3) иметь супругу и детей; 4) признаваемое всеми «добронравие» и личную добродетель; 5) прекрасную характеристику от начальства по службе; 6) «чтобы он прошел нижние ступени судейской должности или бы был депутатом от дворянства в «вышним правительстве» 3 года; 7) иметь необходимые знания; 8) «чтобы он, по крайней мере, был четвертой степени по чинам государственным»[14]. Законодательная комиссия Офирского государства построена по тому самому типу, который Щербатов предлагал для выработки законодательства в России.

---

[12] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 1053.
[13] Там же, стр. 1017.
[14] Там же, стр. 1055.

Местная администрация Офирского государства делится на 2 части: коронная, или государственная, ведающая делами уголовными и делами «учреждений и доходов», и земская администрация, выборная, ведающая делами земскими и являющаяся органом самоуправления сословий.

Мы не будем останавливаться на органах сословного самоуправления Офирского государства, они целиком повторяют аналогичные органы екатерининской России. Разница заключается лишь в том, что земские органы получают гораздо больше самостоятельности по отношению к государственной администрации в Офирском государстве. Бесспорно, новым в утопии Щербатова является выборность верховного органа управления и суда. В этом проявилось влияние и передовой просветительской мысли, и новых условий общественной жизни, которые только-только стали проявляться в России. Однако этот принцип носит у Щербатова настолько ограниченный характер, что реального значения он иметь не мог. Во-первых, этот орган является чисто бюрократическим учреждением при императоре, власть и права которого ничем не гарантированы. А, во-вторых, дворянство получает в нем преобладающее представительство. Вспомним, что в высшем правительстве этого идеального государства имеют право заседать 75 дворянских депутатов, 30 представителей правительства и только 15 купеческих депутатов. Уже из простого сопоставления цифр видна основная мысль Щербатова, основное его желание. Дворянские депутаты имеют в высшем правительстве в 2,5 раза больше мест, чем представители государственной администрации и в 5 раз больше, чем купеческие депутаты. Дворянство выступает в верховном правительстве решающей политической силой. Щербатов, как видим, думает не о повышении уровня гражданских правовых норм, а об увеличении политического могущества дворянства в государстве, которому не могут противостоять не только депутаты купечества, но и представители правительства. Чиновничество, кадры которого поставляет дворянство, занимает в государстве второе место по своему политическому значению. Щербатов мечтает о таком положении, при котором государство представляло бы собой не самодавлеющую бюрократическую машину, до извест-

ной степени самостоятельную по отношению к тому классу, интересы которого она должна выражать, а орган дворянства, полностью отражающий интересы последнего. В этом проявлялись, конечно, противоречия между дворянством с его узкосословными претензиями и правительством, пытавшимся проводить общегосударственную точку зрения, как она складывалась на основе соотношения классовых сил в данный период.

Купечеству Щербатов не отводит никакого политического значения; купеческие депутаты являются по существу консультантами по торговым вопросам.

Таким образом, говорить об усилении политической роли купечества в проектах Щербатова вряд ли возможно. Почему же все-таки Щербатов отводит несколько мест купеческим депутатам? Дело в том, что Щербатов прежде всего реалист, практик. Его политические мечты основываются на реальной русской обстановке, а эта обстановка шла вразрез с его мечтаниями. Она характеризуется, как известно, ростом торговли и промышленности, экономической силы купечества, формированием буржуазной идеологии. В таких условиях Щербатов не мог сбрасывать со счета того класса, который к 80-м годам XVIII столетия значительно вырос и начинал играть значительную роль в экономической жизни страны. Не мог он не учитывать и тех изменений, которые происходили в положении самого дворянства и его идеологии.

Второй чертой утопии Щербатова является то, что его идеальное государство строится на основе строгой законности, как ее понимает Щербатов. В его «Офирской земле» детально разработаны и зафиксированы четкие и ясные законы на все случаи жизни, которые предупреждают возможность злоупотребления со стороны администрации и призваны раз и навсегда определить положение различных классов, взаимоотношения их между собой, отношения их к государству. Практически они призваны упрочить экономическое и политическое могущество дворянства и предупредить «захватчивость» со стороны различных сословий. «Идеальное государство» Щербатова имеет исключительно застойный, консервативный характер. Уже тысячи лет Офирское государство зиждется именно на этих «главностях», а в случае какой-нибудь по-

пытки изменить существующее положение вещей в действие вступают грозные орудия правительственной репрессии.

Имеется еще одна черта, которая существенно отличает Офирское государство от русской империи. Эту черту совершенно справедливо отметил А. Н. Пыпин в своей статье «Полузабытый писатель XVIII столетия»: «Сущность офирского государственного устройства была та же, что в России: в этом государстве был император, были те же учреждения, то же дворянство, те же пожалования «деревнями», тоже две столицы и т. д. Внешним образом были два главных несходства: во-первых, отсутствие духовенства, как сословия или отдельной касты, взамен чего было религиозно-нравственное поучение народа выборными добродетельными людьми и замена дорого стоящего и оторванного от народа войска военными поселениями, но великая внутренняя разница состояла в господстве добродетели» [15].

Щербатов так оценивает положительные качества проектируемого им «идеального» государства. «Но если чем она достойна примечания — сие есть: мудрым учрежденным правлением, в коем власть государская соображается с пользою народною, вельможи имеют право со всею приличною смелостию мысли свои монарху представлять, ласкательство прогнано от царского двора, и истина имеет во оный невозбранный вход; в коем законы соделаны общим народным согласием и еще беспрестанным наблюдением и исправлением в лучшее состояние приходит; правительств немного и немногочисленно, но (и) дел мало, ибо внушенная из детства в каждого добродетель и зачатия их не допускает; в коем вельможи, не пышные, не сластолюбивые, искусные, трудолюбивые, похвальное честолюбие имеют соделать счастливыми подчиненных им людей; остаток же народа, трудолюбивый и добродетельный, чтит во-первых, добродетель, потом закон» [16].

В условиях разложения феодально-крепостнического строя, обострения классовых противоречий и значи-

---

[15] А. Н. Пыпин. Полузабытый писатель XVIII в. «Вестник Европы», 1896, № 11, стр. 303—304.
[16] М. Щербатов. Соч., т. I, стр. 751—752.

тельного подъема классовой борьбы нарисованная Щербатовым картина государственного устройства была действительно утопией, однако это утопия консервативная, реакционная. Смысл ее заключается не в «предчувствии новых жизненных форм», а в упрочении существующего порядка, правда, несколько подчищенного и улучшенного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая половина XVIII века — чрезвычайно важный период в истории русской общественной мысли. В это время начинают складываться те направления и тенденции, которые получат дальнейшее развитие в последующем, и борьба между которыми составит главное содержание идейной жизни первой половины XIX века. Ярким представителем консервативного направления является М. М. Щербатов. Крупный историк, видный общественный деятель, красноречивый оратор и публицист, Щербатов наиболее полно отразил крепостнические вожделения дворянства того периода, когда оно начало терять свое господствующее экономическое положение и руководящую политическую роль и когда феодальное крепостническое хозяйство утрачивало свои потенциальные возможности.

Несмотря на то, что дворянство во второй половине XVIII столетия занимало руководящее место в политической жизни страны, удерживая руководство государственным аппаратом и армией в своих руках, несмотря на то, что оно сохраняло еще мощные экономические позиции, владея огромными земельными территориями и миллионами крепостных рабов, в условиях развития товарно-денежных отношений, роста рыночных связей, промышленности, городов, дворянство и особенно его родовитая часть начало испытывать значительные трудности и тревогу.

Хроническое безденежье, на которое со всех сторон слышны жалобы в XVIII столетии и которое являлось следствием низкой производительности труда и малой товарности помещичьих хозяйств, заставляло дворянство искать выходы из положения, приводившего к разорению многие дворянские роды.

В поисках денег дворянство усиливает нажим на своих крестьян, обращается к рынку, вступает в рыночные спекуляции, стремясь найти новые источники доходов. В этих своих стремлениях дворянство встречает упорное сопротивление, с одной стороны, крестьянства, которое отвечает на усиление крепостнического гнета массовыми волнениями, кульминационным пунктом которых было Пугачевское восстание, с другой стороны, купечества, превращавшегося во второй половине XVIII века в значительную общественную силу, которая вступила в ожесточенную экономическую борьбу с дворянством. В Уложенной комиссии купечество выступило с развернутой программой, требуя монополизации в своих руках всей торговли и промышленности, наступая даже на такую исконную привилегию дворянства, как владение крепостным трудом.

Тревогу и недовольство дворянства вызывало также и то, что оно не оставалось замкнутым привилегированным сословием, что в его ряды, в результате Петровской табели о рангах, проникало большое количество разночинцев, дослужившихся до обер-офицерских чинов.

С особенным недовольством смотрело оно на проникновение в его ряды богатого купечества, представители которого, получая дворянство, скупали большие владения и выходили на передовые позиции в дворянских рядах.

В сфере взаимоотношения дворянства и государства было также немало причин, которые подавали повод к недовольству дворянства, ибо последнее считало, что его интересы ограждены и защищены недостаточно основательно, что государство, получая поддержку и «подпору» от благородного сословия, недостаточно считается с его интересами. В этой обстановке, в условиях обострения классовых противоречий, дворянство выступает не только в практической борьбе за свои социальные позиции, но и с теоретическим обоснованием своего привилегированного положения. Из своей среды оно

выдвигает ряд идеологов, которые, теоретически обосновывая необходимость «генерального общества России», выдвигают широкую программу наступления дворянства на новые общественные силы, подчинения этих сил дворянским интересам.

Наиболее ярким и последовательным, наиболее образованным выразителем дворянских интересов является, несомненно, Щербатов.

О чем бы Щербатов ни говорил, о чем бы ни писал, он имел всегда в виду защиту социально-экономических и политических интересов дворянства. Какой бы вопрос ни вставал перед ним, он всегда для Щербатова сводился к одной вечно волновавшей его проблеме — проблеме дворянства.

Однако несмотря на страстную и непримиримую последовательность Щербатова в защите дворянских интересов, несмотря на узость и прямолинейность его позиции, мировоззрение Щербатова очень сложно по своему составу, что объясняется, несомненно, сложностью и противоречивостью экономического и политического положения дворянства в условиях разложения феодального хозяйства.

Социально-экономическая и политическая программа, сформулированная Щербатовым, по своим мотивам и духу является всесторонней защитой дворянских интересов. Однако, по ее практическому выражению, по ее реализации, она включает в себя ряд противоречивых тенденций.

Щербатов стремится упрочить экономическое и политическое могущество дворянства на старой, феодально-крепостнической основе, в том виде, в каком оно сложилось ко второй половине XVIII века. Мало этого, Щербатов стремится расширить и углубить крепостническую базу дворянского благополучия и возвести дворянство на такую ступень могущества, которая мыслилась ему в старой, феодальной, допетровской России.

Эта тенденция нашла свое яркое выражение прежде всего в его социально-экономической программе. Щербатов выступает решительным противником не только освобождения крестьян или наделения их землей, но и противником всякого изменения взаимоотношений между помещиками и крестьянами, противником даже постановки вопроса о каком-либо улучшении положения

крепостных крестьян. Наоборот, Щербатов считал необходимым распространение крепостнического гнета на земли русских окраин, на государственных и экономических крестьян, выдвигая это мероприятие, как основное средство решения аграрного вопроса. Щербатов был сторонником программы усиления эксплуатации крепостных крестьян путем ведения барщинного интенсивного хозяйства.

Постоянно имея в виду упрочение экономического положения дворянства на старой феодальной основе, Щербатов выступил решительным противником купечества, стремившегося захватить экономическую инициативу в свои руки, противником городов, градостроительной политики екатерининского правительства.

Используя тезис физиократов о решающем значении земледелия в экономической жизни народов, Щербатов доказывал, что только дворянство как основной «земледельческий» класс должно быть объектом величайших забот правительства.

В области социальной с этой же целью Щербатов выступил решительным противником петровской «Табели о рангах», которая подрывала, по его мнению, экономическое, политическое и моральное положение дворянства. Он считал необходимым тщательно оградить дворянство от проникновения в его среду недворянских элементов, отделить дворянство неприступной стеной чрезвычайных привилегий от всех других классов населения. Причем, по его представлению, дворянство, замкнутое в обособленную касту, само должно строиться на принципе строгой феодальной иерархии. Он с сожалением вспоминал о таких феодальных институтах, как местничество, феодальное право отъезда и др., и мечтал о восстановлении их в той или иной форме.

Соответственно этим высказываниям и в своей политической программе Щербатов решающее место отводит подчинению государства узкоклассовым дворянским интересам: он намечает такие мероприятия, которые усилили бы политическую мощь дворянства, поставили бы государственную бюрократическую машину всецело под контроль благородного сословия. Его политический идеал — Офирское государство — является феодальным полицейским государством, в котором единственной

значительной экономической и политической силой было дворянство, между тем как другие слои населения служили лишь экономической базой для благоденствия благородного сословия. Государство здесь являлось, по существу, органом самоуправления дворянства в общеимперских масштабах. И во всяком случае это орган, с помощью которого дворянство осуществляло свою власть над другими бесправными сословиями.

Такова основная тенденция, основной смысл мировоззрения Щербатова.

Однако программа Щербатова сложилась в условиях разложения феодально-крепостнической системы. Дворянское хозяйство не могло в этих условиях остаться неизменным, оно с неизбежностью должно было приспосабливаться к новым условиям. Не мог пройти мимо этих обстоятельств и Щербатов. Он понимал или по крайней мере остро чувствовал необходимость приспособления дворянского хозяйства к новым экономическим условиям. Именно его программа и отражает стремление дворянства приспособиться к новым условиям, чтобы иметь возможность использовать эти условия исключительно в дворянских интересах. Щербатов стремится приспособить и сами эти новые условия к нуждам помещичьего хозяйства. Мотивы этого стремления остаются неизменными — всестороннее упрочение положения дворянства. Однако это вводит в его программу новые противоречивые тенденции.

Так, с целью повышения доходности помещичьих имений, Щербатов считает необходимым интенсификацию и рационализацию сельского хозяйства, причем он предлагает это делать в общегосударственных масштабах, возложив ответственность за это в первую очередь на государство, которое должно более всего заботиться о благополучии благородного сословия. Щербатов считает необходимым выход самого дворянства на рынок, предлагает помещикам самим заняться сбытом сельскохозяйственных изделий и вытеснить купечество из торговли продуктами земледелия. Он считает необходимым вытеснение купечества не только из внутренней торговли, но и из промышленности, ибо инициатива промышленной деятельности должна также, по его мнению, находиться в руках дворянства. Исходя из конкретных экономических выгод дворянства, Щербатов выступает

сторонником развития крестьянской торговли и промышленности, причем он не замечает, что эти его стремления противоречат основной мысли его программы — упрочения благополучия благородного сословия на старой феодально-крепостнической основе. Он не видит, что эти его предложения подрывают в конце концов феодальное, натуральное крепостное хозяйство. Однако это противоречие неизбежно в условиях разложения феодализма.

Такова вторая тенденция мировоззрения Щербатова, последовательно развивающая первую и в то же время противоречащая ей.

Это основное противоречие вызывало еще ряд противоречий — противоречий между формой и содержанием, между сутью и внешним выражением ее, между теорией и практикой, между отрицательной и положительной программой, которые пронизывают все мировоззрение Щербатова.

Щербатов был, несомненно, одним из самых образованных, культурных людей второй половины XVIII столетия, он прекрасно знал политическую литературу Западной Европы. Он не только знал, но и пытался использовать передовую общественную мысль для обоснования своей консервативной феодальной программы, пытался облечь свою программу в форму просветительной философии, которая очень плохо гармонировала с содержанием этой программы.

Так, свою экономическую программу Щербатов стремится строить на передовом экономическом учении того времени — физиократизме. Однако он использует в физиократизме не его сущность, а его «феодальную оболочку». Он заимствует у физиократов тезис о решающем значении земледелия в экономике страны, обходя вопрос о характере этого земледелия, и использует этот тезис для всесторонней защиты интересов дворянства, и только дворянства. Он солидарен с физиократами в вопросе о свободе торговли, однако сферу приложения этой свободы ограничивает исключительно одним благородным сословием.

Используя мысль просветителей об огромном значении воспитания, Щербатов вкладывает в нее совершенно другой социальный смысл, и, не замечая шаткости своей позиции, он аргументирует этой мыслью свое по-

ложение о необходимости потомственности благородства и привилегированности дворянского корпуса.

Его политическая программа полна именно такого рода противоречий. Он использует в ней теорию естественного права и учение Монтескье о разделении властей и английское конституционное законодательство, однако лишь постольку, поскольку они кажутся ему необходимыми для обоснования своей основной мысли о примате дворянства в государстве, об абсолютном подчинении государства благородному сословию. Он ограничивает сферу приложения этих идей исключительно одним дворянством.

В результате, он строит свой политический идеал, который в корне расходится с идеями французских просветителей.

В его политической программе особенно заметно еще одно противоречие, противоречие между его отрицательной и положительной программами. Выступая с яростной критикой русской общественной и государственной жизни второй половины XVIII века, бичуя многие стороны русской действительности, Щербатов для улучшения положения намечает лишь незначительные мероприятия, которые сводятся по существу к некоторому улучшению бюрократического аппарата и замене одних лиц другими в этом аппарате. Это говорит, между прочим, о том, что причины расхождения Щербатова с правительством очень ограничены. Не случайно его государственный идеал — земля Офирская — является по существу воспроизведением екатерининской действительности с той разницей, что полицейский гнет доведен здесь до своего апогея, а дворянство является тем классом, которому полностью подчинено государство.

При всех этих противоречиях, при всех попытках Щербатова опереться в своих суждениях на передовую общественную мысль Западной Европы, в целом мировоззрение Щербатова является феодальной реакцией на те новые условия общественной жизни, которые начали складываться в России во второй половине XVIII столетия.

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Антонович Федосов

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XVIII СТОЛЕТИЯ.

М. М. ЩЕРБАТОВ

Тематический план 1966 г. № 112

Редактор *Ю. В. Воскресенский* Редактор изд-ва *Л. В. Киселева*
Художественный редактор *К. И. Журинская*
Переплет художника *Генкиной С. Б.*
Технический редактор *И. Л. Тимашева*
Корректоры *И. А. Большакова, Г. И. Кудинова*

Сдано в набор 9/VII—1966 г. Подписано к печати 25/III—1967 г.
Л-41784 Формат 84×108/32 Физ. печ. л. 8,125
Усл. печ. л. 13,65 Уч.-изд. л. 14,60 Изд. № 47
Зак. 221 Тираж 1400 экз. Цена 1 р. 07 к. Бум. тип. № 1

Издательство Московского университета.
Москва, Ленинские горы. Административный корпус
Типография Изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
82	7—8 сверху	разными людьми	равными людям
98	17 сверху	паствы	пастьбы
114	1 сверху	крестьянскому	христианскому
188	5 сверху	мысли	мощи
207	16 сверху	государству	государя
208	11 сверху	государстве	государе

Зак. 221

1 р. 07 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА